
**ЧЕЛОВЕК И ПРАВО —
XXI ВЕК**

**AN INDIVIDUAL AND THE LAW —
XXI CENTURY**

Альманах
*Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии*

Saratov State Law Academy Institute of Prosecution
Аlманас

Выходит 4 раза в год

2023

Выпуск 2

Issue 2

ISSN 2949-1703

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: <http://www.sgu.ru/xxi-vek>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 10 мая 2023 г. ПИ № ФС77-85274.

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3.
Телефон: (8452) 29-90-75
E-mail: almanahip@yandex.ru

Редакторы-корректоры: *Л. П. Насонова, Е. А. Фешина, М. П. Яковлева*
Дизайн обложки – *О. А. Фальян*
Компьютерная верстка – *Е. А. Янина*

Подписано в печать 30.10.2023. Дата выхода в свет 15.11.2023. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Liberation. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,03. Уч.-изд. л. 7,43. Тираж 950 экз. Заказ № 480.

Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Спесивов Н.В. директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Боярская Ю.Н. заместитель директора Института прокуратуры по научной работе Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ильгова Е.В. ректор Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Мацкевич И.М. ректор Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции, д.ю.н., профессор;

Белюсов С.А. проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Гулягин А.Ю. прокурор Тамбовской области, д.ю.н.;

Гончаров М.В. проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, к.ю.н.;

Соколов А.Ю. директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, заведующий кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Абанина Е.Н. заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;

Акимова М.А. председатель четвертого судебного состава Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.;

Ананьева А.А. заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, д.ю.н.;

Амирбеков К.И. заведующий отделом научного обеспечения организации прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3-го класса, д.ю.н.;

Афанасьев С.Ф. директор Института правотворчества и правового прогнозирования, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, судья в отставке;

Балашова Е.Ю. профессор кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, д.ф.н.;

Блинов А.Г. заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Богачева Е.А. доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, к.п.н.;

- Варыгин А.Н.** заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Воротников А.А.** профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Ворошилова С.В.** профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Залужный А.Г.** профессор кафедры национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д.ю.н., профессор, старший советник юстиции;
- Заметина Т.В.** профессор кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Исаенкова О.В.** заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Ковалева Н.Н.** руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н., профессор;
- Комбарова Е.В.** доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.;
- Коновалов И.Н.** профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии, д.и.н., профессор;
- Лопашенко Н.А.** профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
- Манова Н.С.** заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Покачалова Е.В.** заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Пырков И.В.** профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии, д.ф.н.;
- Соловых С.Ж.** заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;
- Титов А.А.** советник РНКБ Банка (ПАО), помощник члена Общественной палаты РФ, к.ю.н.;
- Шапиро Л.Г.** заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ФОРУМА «ПРОКУРАТУРА РОССИИ В XXI ВЕКЕ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ И ПУТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ»

- Доклады и выступления
на пленарном заседании
- 7 Лопашенко Н. А.
О тенденциях преступности,
судимости, уголовного
законотворчества в России
на современном этапе
и о соответствии указанных
тенденций друг другу
- 18 Болдырев Д. В.
Вопросы выработки критериев
оценки координационной
деятельности прокурора
и ее влияние на состояние
преступности и криминогенной
обстановки в регионе
- 23 Варыгин А. Н.,
Бытко С. Ю.
Координационная
деятельность органов
прокуратуры и проблемы
ее эффективности
- 29 Богатова Е. В.
Проблемные аспекты
координации деятельности
правоохранительных органов
по борьбе с преступностью
- 33 Грачёва О. А.,
Титова А. А.
К вопросу об оценке
эффективности
- координационной
деятельности
органов прокуратуры
по противодействию
преступным проявлениям
- 38 Шерпеева А. З.
Нравственно-психологические
характеристики личности
преступников, совершающих
дорожно-транспортные
преступления
- К совершенствованию
законодательства
- 45 Абросимова О. К.
Значение нравственного
и правового воспитания
личности для формирования
единой государственной
политики в сфере патриотизма
в современной России
- 49 Комбарова Е. В.,
Щербакова О. В.
Процедура самообследования
образовательной
организации высшего
образования в условиях
цифровой трансформации
образовательного процесса:
позитивные практики
и типичные ошибки

- 59 Куземко Ю. В.,
Трушечкина Е. В.,
Пурахина О. В.
Правовой статус российского спортсмена в условиях международных санкций: Анализ и перспективы
- 65 Малышева А. А.
Правовое регулирование финансовой грамотности населения и развитие волонтерства финансового просвещения в студенческой среде
- 70 Пазына М. А.
О природе предпринимательского права
- 74 Пискунова О. В.
Риск как правовая категория: к постановке вопроса
- 81 Потепенко П. Г.
Необходимо ли реформировать уголовное преследование в России: новый подход к регламентации в уголовно-процессуальном законе института подозрения (часть 1)
- 89 Филиппов С. А.
Ограничение права на судебную защиту по делам о расторжении брака, взыскании алиментов, определении места жительства ребенка в судах общей юрисдикции
- 95 Храмушин В. В.
Некоторые проблемы формирования комиссий по урегулированию конфликта интересов на гражданской службе
- 99 Шитов Д. Г.,
Петрова В. А.,
Пантелеев А. В.
Место спортивного права в системе российского законодательства
- Современные лингвистические исследования
- 102 Богачева Е. А.
Взаимодействие участников судебного разбирательства в англоязычном судебном субдискурсе
- 108 Короткова М. Д.,
Богачева Е. А.
Социально-психологический аспект проблемы билингвизма
- Взгляд молодых ученых
- 114 Артамонов А. К.
Криминологическая классификация: современное видение проблемы
- 118 Смирных А. А.
Ограничение прав и свобод в контексте признания человека высшей конституционной ценностью
- 123 Терещук С. С.
О некоторых проблемах реализации принципов служебно-дисциплинарного производства при рассмотрении дел о дисциплинарных коррупционных правонарушениях

Доклады и выступления на пленарном заседании

Н.А. Лопашенко,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии,
лауреат Национальной премии по литературе в области права,
заслуженный юрист РФ

О ТЕНДЕНЦИЯХ ПРЕСТУПНОСТИ, СУДИМОСТИ, УГОЛОВНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И О СООТВЕТСТВИИ УКАЗАННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ДРУГ ДРУГУ

В мире есть только одно явление хуже
несправедливости; это – справедливость
без меча в руке. Когда право не сила, оно – зло.
Оскар Уайльд

Отталкиваясь от этого эпиграфа, попробуем разобраться, сила ли в нашем обществе уголовное право. Для этого сравним, как оно реализуется в разных аспектах, начиная от правоприменения и заканчивая самим законом, и сделаем вывод о том, насколько оно эффективно в деле противодействия преступности.

О тенденциях преступности в России на современном этапе

Если посмотреть на официальную регистрацию преступности в России, то можно в определенной степени успокоиться в отношении главной тенденции преступности, свидетельствующей о ее состоянии в стране. Регистрация преступности (данные о возбужденных уголовных делах) долгое время, после пика в 2006 г., «падала», сейчас относительно стабилизировалась – с общей тенденцией все-таки к снижению показателей, что хорошо демонстрирует следующая диаграмма.

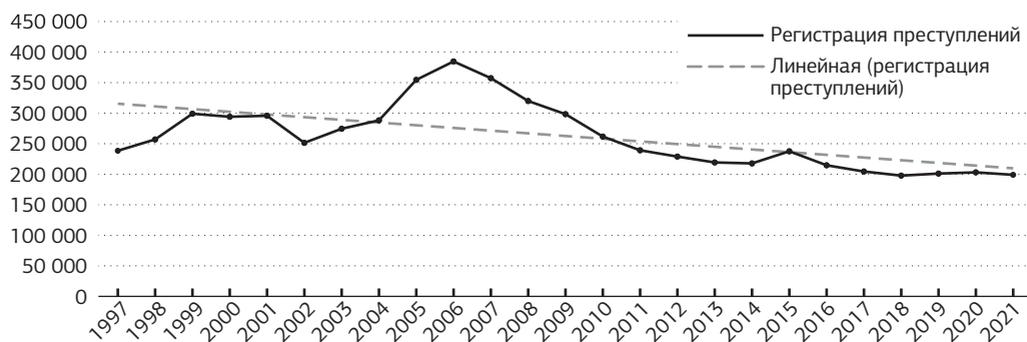

Рис. 1. Динамика официальной регистрации преступлений в России (1997–2021 гг., абс. цифры)

Чтобы понять суть динамики регистрации преступности, посмотрим на процентное изменение регистрации, при этом учтем процентное изменение каждого следующего

года к году предыдущему и каждого года к самому первому году действия УК РФ. Для наглядности дадим эти цифры и в табличной, и в графической форме.

Таблица 1

Регистрация преступлений в России (1997–2021 гг.)

Год	Количество	В % к предыдущему году	В % к 1997 г.
1997	2 397 311	–	–
1998	2 581 940	7,7	7,7
1999	3 001 748	16,3	25,2
2000	2 952 367	–1,6	23,2
2001	2 968 255	0,5	23,8
2002	2 526 305	–14,9	5,4
2003	2 756 398	9,1	15,0
2004	2 893 810	5,0	20,7
2005	3 554 738	22,8	48,3
2006	3 855 373	8,5	60,8
2007	3 582 541	–7,1	49,4
2008	3 209 711	–10,4	33,9
2009	2 994 820	–6,7	24,9
2010	2 628 799	–12,2	9,7
2011	2 404 807	–8,5	0,3
2012	2 302 168	–4,3	–4,0
2013	2 206 249	–4,2	–8,0
2014	2 190 578	–0,7	–8,6
2015	2 388 476	9,0	–0,4
2016	2 160 663	–9,6	–9,9
2017	2 058 476	–4,7	–14,1
2018	1 991 432	–3,3	–16,9
2019	2 024 337	1,7	–15,6
2020	2 044 221	1,0	–14,7
2021	2 004 404	–1,9	–16,4

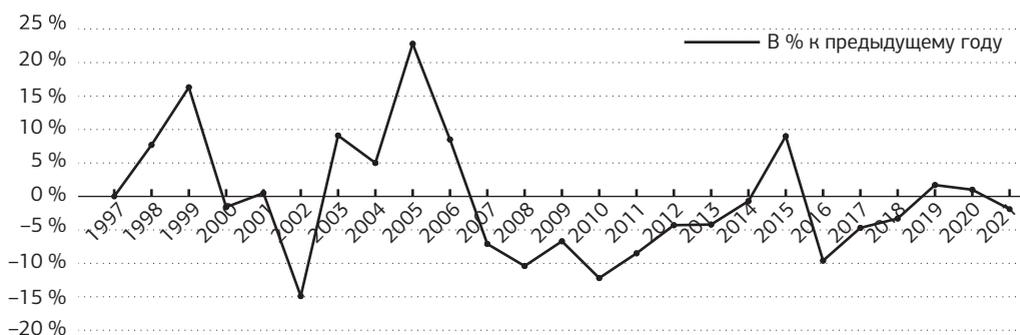

Рис. 2. Динамика официальной регистрации преступлений в России по отношению к показателю предыдущего года (1997–2021 гг.)

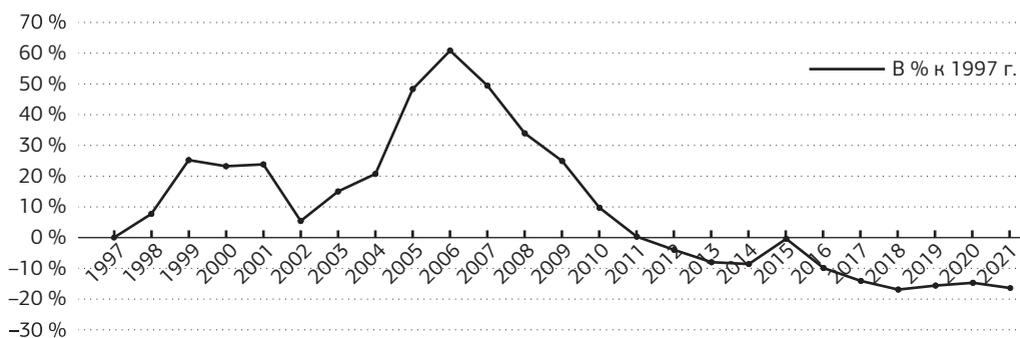

Рис. 3. Динамика официальной регистрации преступлений в России по отношению к показателю 1997 г. (1997–2021 гг.)

Самый высокий показатель по сравнению с показателем года начала регистрации преступности по УК РФ 1997 г. пришелся на 2006 г. – и по абсолютным цифрам, и по процентному значению. Регистрация в указанном году выросла по отношению к 1997 г. на 61 % (без малого), и мы приближались к 4 млн преступлений по регистрации. Однако уже в 2012 г., то есть через шесть лет, регистрация упала, если сравнивать этот год с самым высоким по регистрации годом, 2006-м, на 40,3%. И если по показателям каждого следующе-

го года к каждому предыдущему падение и рост преступности наблюдаются как до 2006 г., так и после него (в последнем отрезке, конечно, выраженнее, минусовые показатели отмечаются часто, но не всегда), то по показателям каждого года к началу периода, начиная с 2012 г., преступность все время в минусовых показателях.

Означает ли это, что преступность сократилась, причем так сильно? Думаю, что в определенной степени она стала снижаться (не беру во внимание последний год – сложно спрогнозировать, ка-

ким он получится, так как время крайне трудное), и здесь есть несомненная заслуга правоохранительных органов, в частности прокуратуры. Однако, по свидетельствам криминологов, тенденция к спаду характеризовала и преступность зарубежных государств (что объяснялось уходом многих преступников в виртуальный мир, в том числе в сферу «черного» интернета).

Насколько фиксируемые размеры этого падения регистрации преступности реальны, судить не берусь. И не готова засвидетельствовать эффективность пра-

воприменения в сфере уголовного законодательства. Что вызывает сомнения? Целый ряд факторов:

1. Как известно, регистрация заявлений о преступлениях многократно превышает регистрацию самих преступлений. До 2013 г. в постоянных статистических отчетах МВД России публиковались данные и о заявлениях, и о зафиксированных в связи с ними и выявленных самостоятельно органами внутренних дел преступлениях. Из года в год разница между этими данными нарастала, что хорошо видно из следующих таблицы и диаграммы.

Таблица 2

Соотношение показателей преступности с показателями поданных в ОВД заявлений и сообщений о преступлениях в России (1997–2012 гг.)

Год	Количество заявлений	Количество преступлений	Соотношение показателей, регистрация преступлений в % от общего количества заявлений
1997	3 310 650	2 397 311	72,4
1998	3 546 834	2 581 940	72,8
1999	3 976 403	3 001 748	75,5
2000	3 563 314	2 952 367	82,9
2001	3 463 304	2 968 255	85,7
2002	3 660 156	2 526 305	69,0
2003	4 888 589	2 756 398	56,4
2004	8 465 358	2 893 810	34,2
2005	9 180 037	3 554 738	38,7
2006	10 748 807	3 855 373	35,9
2007	11 158 047	3 582 541	32,1
2008	11 199 289	3 209 862	28,7
2009	11 408 862	2 994 820	26,2
2010	11 617 414	2 628 799	22,6
2011	11 450 877	2 404 807	21,0
2012	11 718 962	2 302 168	19,6

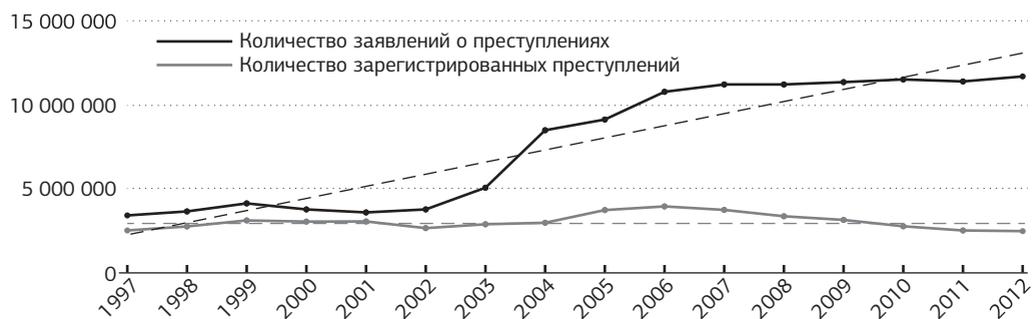

Рис. 4. Соотношение показателей преступности с показателями поданных в ОВД заявлений и сообщений о преступлениях в России (1997–2012 гг.)

Таким образом, тенденции регистрации заявлений о преступлениях и регистрации преступности в первые 15 лет действия УК РФ не только не совпадают, но и кардинально расходятся. С 2007 г. мы наблюдаем следующее: **чем больше становится заявлений о преступлениях, поданных в ОВД, тем меньше регистрируется преступлений.** С 2007 по 2012 г. количество заявлений в органы внутренних дел **увеличилось на 254 %**, а количество зарегистрированных преступлений **уменьшилось на 4 %**. По каждому пятому заявлению о преступлении в последние годы возбуждалось уголовное дело.

С 2013 г. данные о заявлениях в отчетах МВД России публиковаться перестали, о причинах можно лишь догадываться: вполне возможно – чтобы избежать вопросов, которые возникают из приведенных выше сравнений. Иногда в СМИ просачиваются общие дан-

ные о количестве поступивших заявлений о преступлениях, правда, уже с заявлениями о правонарушениях. Цифры высоки. Например, председатель Общественного совета при МВД России Анатолий Кучерена заявил, что в 2020 г. было зарегистрировано 33 млн 608 тыс. заявлений, сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях, по каждому пятому из них принято решение о возбуждении уголовного дела¹. Правда, эти данные очень плохо коррелируются с приведенными выше данными о регистрации преступлений: официально в 2020 г. было совершено 2 044 221 преступление. Если же посчитать, сколько уголовных дел возбудили реально, по данным того же А. Кучерены, то их никак не может быть меньше 6 721 600. А потому верить статистике официальной регистрации преступности довольно трудно.

¹ См.: Более 33 млн заявлений о преступлениях и правонарушениях поступило в полицию в 2020 году // Информационное агентство ТАСС. 2021. 18 марта. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/10933569>

2. Данный фактор заставляет усомниться в правдивости статистики официальной регистрации преступности. В 2009 г. начала осуществляться реформа МВД России, при этом с сокращением отнюдь не управленческого персонала, а людей, которые работали «на земле». Таким образом, уменьшилось (и существенно) количество людей, которые могли реализовать работу по заявлениям о преступлениях. Закономерно должна уменьшиться и регистрация преступлений – регистрируют выборочно, в том объеме, с которым могут справиться меньшими силами. И она уменьшилась.

3. Снижение регистрации преступности может свидетельствовать и о другом, например о хорошей (плохой) работе правоприменения, о невозможности или, напротив, о возможности применить уголовный закон после последних изменений, наконец, о нежелании правоприменителей его применять,

опять же в силу разных причин (трудоемкости работы по выявлению, пресечению преступления, его доказыванию, особенно если это преступление небольшой или средней тяжести: сил требуется много, а конечный результат – часто условная мера наказания; очевидного для правоприменителя псевдоопасного характера деяния, объявленного преступлением, и т.д.), либо о поступившем негласном распоряжении от властей предержавших о необходимости создать прецеденты «работы» уголовно-правового запрета.

Поэтому важно увидеть другое, хотя тоже без излишней переоценки значения этого факта, – тенденции преступности, отнесенной законодателем к тяжкой или особо тяжкой (убийств, тяжкого вреда здоровью, насильственных половых преступлений, разбоев, вымогательств и т.д.). Эту кривую, основываясь на данных МВД России за 20 последних лет, я построила.

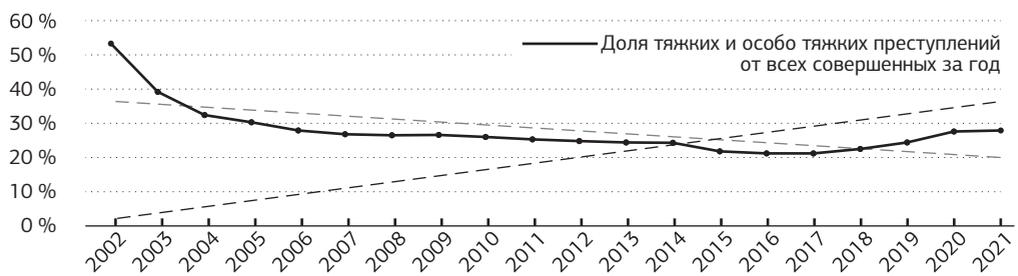

Рис. 5. Динамика изменений регистрации тяжких и особо тяжких преступлений в России (2002–2021 гг., в %)

Приведенная кривая демонстрирует две тенденции: *общую*, если

брать весь период, охваченный диаграммой, и это пока еще тенден-

ция к снижению таких показателей, но с учетом следующей тенденции скорее в последние годы **инерционная**, и тенденцию последних 6–7 лет, которая явно состоит в увеличении доли тяжкой и особо тяжкой преступности. Последняя тенденция не может не тревожить и не подтверждать косвенно рост и других разновидностей преступности.

Заканчивая эту часть, можно сделать вывод о том, что снижение

официальной регистрации преступности во многом носит искусственный, рукотворный характер.

О ТЕНДЕНЦИЯХ СУДИМОСТИ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Тенденции судимости более реалистичны, правда, следует помнить: суд работает с тем, что нарботано дознанием и следствием. Сколько поступило материалов, столько и отработано.

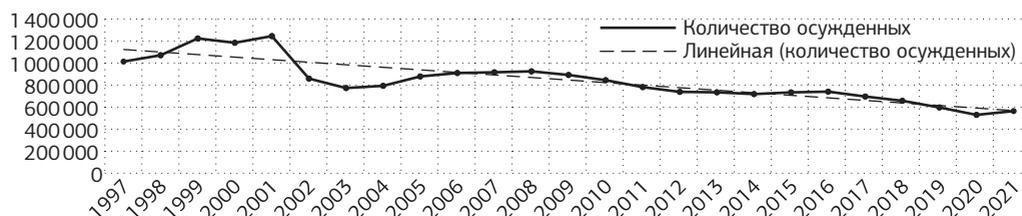

Рис. 6. Динамика судимости в России (1997–2021 гг.)

Самые высокие показатели судимости в России пришлось на 2001 г., когда было осуждено 1 244 211 человек, но уже с 2002 г. мы вышли из миллионных показателей судимости. Самый низкий показатель был зафиксирован в 2020 г., когда осудили 530 998 лиц.

Как видно, показатели судимости в России тоже постоянно снижаются, это общая тенденция, которая соответствует основным тенденциям и официальной регистрации преступности, и привлечения к уголовной ответственности (рис. 7).

Рис. 7. Соотношение регистрации преступлений, привлеченных за них к ответственности и судимости в России (1997–2021 гг.)

Однако разница между абсолютными показателями очень велика. Посмотрим на изменения су-

димости за тяжкие и особо тяжкие преступления, проверим кривую по снижению судимости.

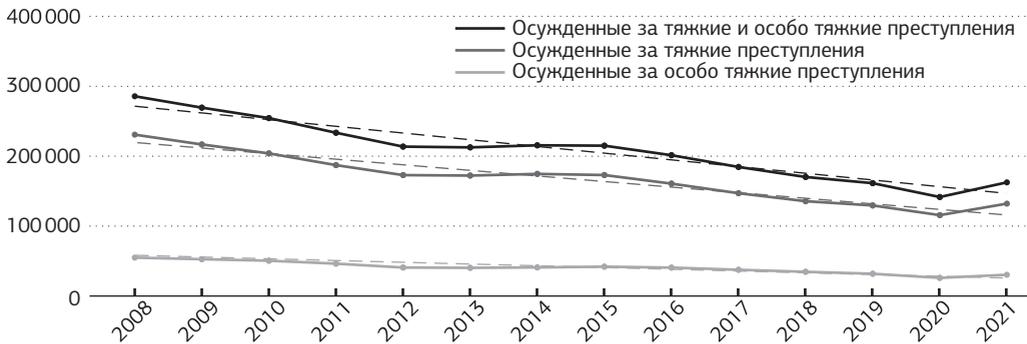

Рис. 8. Судимость в России за тяжкие и особо тяжкие преступления (2008–2021 гг.)

И здесь показатели в основном падали, наблюдается устойчивая тенденция к снижению судимости как за тяжкие, так и за особо тяжкие преступления. Хотя последний полный в статистике год дал повышение показателей; это может быть началом формирования новой тенденции (с учетом нашего сложного времени – вполне возможно), а может представлять собой случайный результат. Поживем – увидим.

Таким образом, в отличие от регистрации преступности, мы не наблюдаем здесь второго тренда – на повышение судимости за тяжкие и особо тяжкие преступления.

О ТЕНДЕНЦИЯХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Совершенно однозначно здесь можно говорить о законодательной инфляции. Уголовный закон с 1997 г.

по 25 декабря 2022 г. менялся с такой периодичностью (рис. 9): 1998 г. – 2 федеральных закона (далее – ФЗ); 1999 г. – 7 ФЗ; 2001 г. – 8 ФЗ; 2002 г. – 8 ФЗ; 2003 г. – 7 ФЗ; 2004 г. – 5 ФЗ; 2005 г. – 2 ФЗ; 2006 г. – 4 ФЗ; 2007 г. – 10 ФЗ; 2008 г. – 8 ФЗ; 2009 г. – 13 ФЗ; 2010 г. – 22 ФЗ; 2011 г. – 12 ФЗ; 2012 г. – 14 ФЗ; 2013 г. – 22 ФЗ; 2014 г. – 25 ФЗ; 2015 г. – 15 ФЗ; 2016 г. – 14 ФЗ; 2017 г. – 16 ФЗ; 2018 г. – 19 ФЗ; 2019 г. – 14 ФЗ; 2020 г. – 14 ФЗ; 2021 г. – 15 ФЗ; на 25 декабря 2022 г. – 13 ФЗ (за неполные 26 лет было только два года, когда не принимались законы, направленные на изменения УК РФ, – это 1997 г. и 2000 г.).

Всего за период действия УК РФ принято 289 федеральных законов, реформировавших уголовное законодательство, с нарастающим подобной законодательской работы, что видно по идущей вверх

линии тренда. А были еще изменения уголовного закона, внесенные постановлениями Конституционного Суда РФ (за весь период – 11). По сути дела, от уголовного права,

каким оно было на момент принятия действующего кодекса, мало что осталось; в *Общей части*, к счастью (именно она фундамент, основы), больше, чем в *Особенной*.

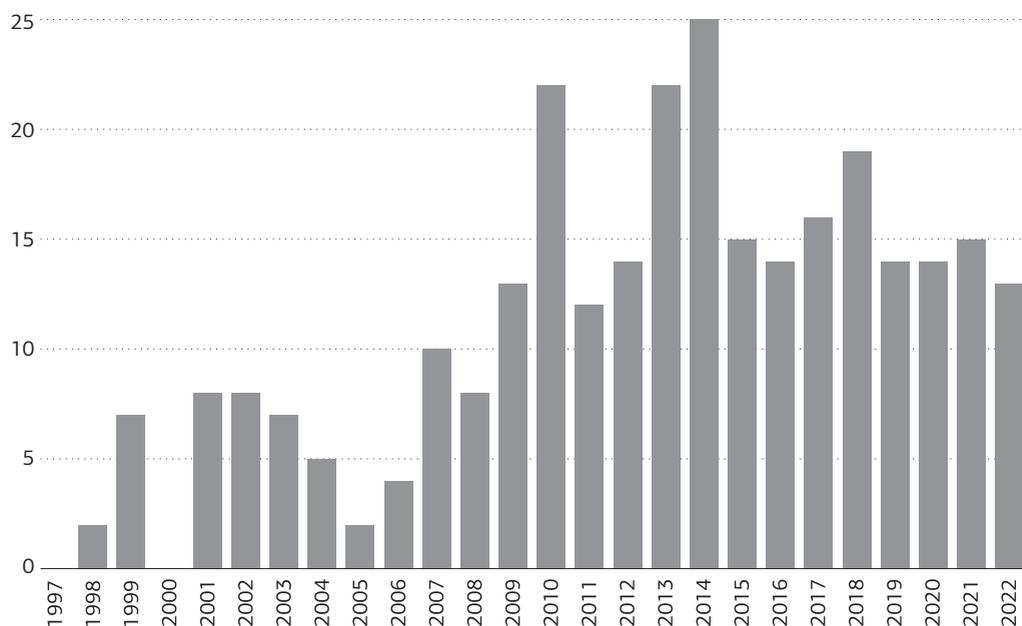

Рис. 9. Динамика изменений уголовного законодательства Российской Федерации

К самым крупным изменениям УК РФ, принципиально менявшим уголовный закон, в *Общей части* относятся:

расширение криминализации путем понижения возраста уголовной ответственности с 16 до 14 лет за совершение преступлений, предусмотренных 12 статьями;

изменения в категоричности преступлений, самыми важными из которых являются изменения, связанные с выделением системы категорий для неосторожных преступлений (2019 г.);

наделение суда полномочиями по изменению категории преступления (2011 г.);

изменения в системе наказаний (исключение конфискации имущества (2003 г.), включение принудительных работ (2011 г.)); изменения законодательной регламентации отдельных видов наказания (штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы);

увеличение возможностей освобождения от уголовной ответственности путем установления своеобразной платы за преступление (в связи с возмещением ущерба и с назначением судебного штрафа);

наделение конфискации имущества иной правовой природой и расширение ее применения в отношении лиц, не участвовавших в совершении преступления.

Ни одну из названных тенденций поддержать не могу; на мой взгляд, они противоречат уголовно-правовым принципам, изложенным в гл. 1 УК РФ.

Принципиальных изменений в *Особенной части* гораздо больше, она почти переписана законодателем за прошедшие с момента принятия УК годы. Главная тенденция та же, что и в *Общей части*, только более выраженная, – расширение криминализации. Это видно даже по количеству статей в *Особенной части*: на момент вступления УК в действие (1997 г.) их было 256, сейчас (на 25 декабря 2022 г.) их 385. Таким образом, процентный рост *Особенной части* – 50,4%, количественный рост – 129 статей.

Даже не касаясь содержания уголовного закона, можно констатировать, что пользование таким законом правоприменителями сильно затруднено; он меняется так быстро и так кардинально, что неизбежны

ошибки в привлечении к уголовной ответственности.

Об инфляции уголовного закона свидетельствует и большое количество псевдопреступлений, которые не обладают общественной опасностью вообще или в достаточной степени. Вспоминается Мольер: «Самое невинное занятие люди (перефразируя – законодатель. – *Н.Л.*) могут сделать преступлением».

Выводы. Соотношение тенденций преступности, судимости, уголовного законотворчества в России между собой и задачи прокуратуры в связи с этим

1. Тенденции регистрации преступности, привлечения к уголовной ответственности и судимости в основном совпадают и свидетельствуют о снижении показателей.

2. Несмотря на совпадение трендов регистрации преступности – привлечения к ответственности – судимости, данные по регистрации преступности вызывают вопросы, и тенденция к ее снижению требует верификации, поскольку существует просто пропасть между регистрацией заявлений о преступлении и регистрацией преступности, и эта пропасть растет. В отношении кривой по судимости и ее соответствия кривым по регистрации преступности и по привлечению к ответственности таких сомнений нет; суды работают

по тем материалам, которые поступают к ним из правоохранительных органов.

3. Все данные по регистрации преступности и судимости категорически не соответствуют данным по уголовному законодательству, более того, противоречат им. Законодательство все годы действия УК РФ росло экспонентно, количество уголовно-правовых запретов увеличилось многократно. Однако правоприменение и судимость падают. Уже это в достаточной степени характеризует качество, точнее, низкий уровень уголовного закона.

4. В связи с изложенным главные задачи прокуратуры на современном этапе мне видятся в следующем: 1) в борьбе с сокрытием регистрации преступлений; 2) в борьбе с выборочным правоприменением; 3) в работе по недопущению практики «засиливания» судебных решений только для того, чтобы ее, практику, сформировать по тем нормам УК, по которым ее невозможно сформировать, опираясь на отсутствие должного обоснования существования конкретных норм и низкое качество законодательной техники.

Д. В. Болдырев,
старший помощник прокурора Саратовской области
по организационным вопросам и контролю исполнения

ВОПРОСЫ ВЫРАБОТКИ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ В РЕГИОНЕ

Неоспорим тот факт, что борьба с преступностью может быть успешной только благодаря совместным скоординированным действиям всех правоохранительных органов.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [1] именно прокурорам, начиная с Генерального прокурора РФ и заканчивая прокурорами районов и равными им, отведена роль координаторов деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В первую очередь это обусловлено наличием обширной и объективной информации о совершенных преступлениях и их негативных последствиях, раскрываемости, причинах и условиях, способствующих их совершению, результатах рассмотрения уголовных дел в судах, об успехах и недостатках участников координационной деятельности в борьбе с преступностью.

При проведении проверок исполнения законов, совершении других надзорных действий прокуроры могут выявлять нарушения в деятельности органов, осуществляющих ОРД, дознание, предварительное следствие и иную правоохранительную деятельность, принимать меры по устранению нарушений.

С термином «координация» тесно связан другой термин – «взаимодействие». Именно прокуратура в силу своих полномочий тесно взаимодействует с органами власти, выполняя роль связующего звена между ними и правоохранителями, и, следовательно, является наиболее подходящей государственно-правовой структурой для организации координационной деятельности по борьбе

с преступностью. Для реализации координационной функции руководители прокуратур всех уровней наделены соответствующими организационно-управленческими полномочиями, определяемыми Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 [2].

Сущность координации – во взаимосогласованности, упорядочении деятельности различных органов, направленной на достижение общей цели. Она позволяет устранять дублирование, разнонаправленность, экономно использовать силы и средства, повышать эффективность деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью. Эта работа ориентирована на обеспечение всестороннего анализа состояния преступности, ее структуры и динамики, прогнозирование тенденций ее развития, изучение практики выявления, расследования, раскрытия, предупреждения и пресечения преступлений.

Основополагающими принципами координации, закрепленными в п. 4 указанного Положения, являются принцип равенства всех ее участников при постановке вопросов, внесении предложений, разработке рекомендаций и мероприятий и принцип самостоятельности каждого правоохранительного орга-

на в пределах предоставленных ему законом полномочий. На практике же мы часто сталкиваемся с обратной стороной такого паритетного начала этой деятельности. Юридически ответственность за неисполнение либо некачественное исполнение поставленных задач отсутствует, что в отдельных случаях существенно снижает результативность намеченных мероприятий.

Решение данной проблемы повысит требования к проводимой правоохранительными органами работе, исключит формальный подход их руководителей к участию в координационных мероприятиях, а следовательно, увеличит эффективность работы по борьбе с преступностью.

Принято считать, что прокуратура ведет координационную деятельность на пяти уровнях (международном, федеральном, межрегиональном, региональном и местном (муниципальном)), каждый из которых имеет свои особенности. В частности, на местном уровне координацию осуществляют прокуроры районов (городов) и приравненные к ним прокуроры. Другими участниками являются руководители соответствующих правоохранительных органов, ведущих борьбу с преступностью на данной территории. Необходимо отметить, что начальники отделов полиции, структурно входящих в состав меж-

муниципальных подразделений МВД России, не могут быть членами координационного совещания.

Таким образом, в последние годы мы столкнулись с еще одним несовершенством правового механизма. В результате укрупнения территориальных отделов полиции, формирования межрайонных подразделений Следственного комитета в небольших районах не осталось должностных лиц, уполномоченных самостоятельно принимать управленческие решения. Все это, на наш взгляд, требует дополнительного осмысления целесообразности координационных полномочий прокуроров таких территорий.

Далее остановимся на конкретных примерах, которые наглядно демонстрируют один из основных критериев оценки эффективности координационной деятельности – это влияние на состояние преступности и стабилизация криминогенной обстановки. Так, в 2020 г. Саратовскую область, как и всю страну, захлестнула волна дистанционной преступности. С помощью методов социальной инженерии и простого телефонного звонка преступники с легкостью добиваются от человека информации о его личных данных, паролях и кодах карт либо вводят его в заблуждение, представляясь работниками банка / правоохранительных органов, и совершают хищение денежных

средств. Развитие в сети Интернет получила и наркопреступность, которая носит организованный трансграничный характер.

В целях противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий прокуратурой области, в соответствии с планом основных мероприятий по координации деятельности правоохранительных органов, в сентябре 2020 г. было проведено координационное совещание по данному вопросу, следствием которого стали:

совместная с областным Главком полиции масштабная разъяснительная работа среди населения;

межведомственное совещание с участием представителей крупнейших банков;

создание в следственном управлении полиции областного центра специализированного отдела по борьбе с указанными преступлениями;

активизация оперативно-розыскной деятельности – оперативными службами осуществлено более 100 выездов в Московскую, Ленинградскую, Белгородскую, Брянскую, Волгоградскую и другие области. В ходе данных служебных командировок задержаны сотни лиц, причастных к совершению мошеннических действий.

Комплекс мер координационного характера позволил существен-

но переломить ситуацию. Так, если в 2020 г. рост киберпреступности на пике составлял 89%, то через год уже отмечалось ее снижение без малого на 3%, а на сегодняшний день сокращение числа «телефонных» хищений достигло 7%. При этом удалось добиться положительной динамики в работе по раскрываемости данных преступлений (2020 г. – 17,2%, 2021 г. – 23,7%, 10 мес. 2022 г. – 51,9%).

Проведение в марте 2021 г. межведомственного совещания по вопросам защиты прав несовершеннолетних позволило добиться снижения количества их убийств на 40% (с 5 до 3), причинения средней тяжести вреда здоровью на 42% (с 12 до 7), грабежей и изнасилований. Дополнительно поставлено на контроль 326 семей, в которых проживают 684 ребенка, нуждающимся оказан комплекс мер социальной поддержки.

На координационном совещании руководителей правоохранительных органов области в июне 2021 г. был рассмотрен вопрос противодействия организованной преступности. Результатом выработанных тогда мер стало повышение раскрываемости преступлений, совершенных в организованных формах, на 114%. На учет поставлено 13 преступлений, совершенных организованными преступными группами, сформированными на эт-

нической основе (9), возбуждено 4 уголовных дела по ст. 210 УК РФ.

Говоря о формах осуществления координационной деятельности, следует отметить, что прокурорами на местах не всегда используется весь их диапазон, состоящий из обмена информацией по вопросам борьбы с преступностью, проведения совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений и устранения причин и условий, способствующих их совершению, а также совместной разработки предложений для включения их в программы борьбы с преступностью и проведения совместных семинаров.

Часто не в полном объеме используются и ресурсы межведомственных рабочих групп, ошибочно недооценивается их потенциал. Однако это уже вопросы не теории, а практики исполнения стоящих перед органами прокуратуры задач.

Подводя итог изложенному, выделим основные критерии оценки эффективности координационной деятельности:

1) своевременность и полнота планирования этой работы: предварительный сбор и анализ состояния преступности с учетом данных о социально-экономических процессах, происходящих на поднадзорной территории; полноценная интеграция в эту работу всех участников координационной деятельности,

их заинтересованность в реализации координационных функций; выбор наиболее подходящей формы такой деятельности;

2) глубокий анализ и совместная проработка самостоятельных, параллельных задач для каждого участника координационной деятельности в пределах установленных законодательством полномочий, определение точек соприкосновения интересов раз-

личных ведомств в целях реализации взаимосогласованных действий по устранению причин и условий для совершения отдельных видов преступлений, их нейтрализации;

3) детальная оценка состояния преступности, подвергнутой координационному вмешательству, исходя не только из результатов уголовно-правовой статистики, но и иных социально-экономических показателей.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 4 ноября 2022 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366; СЗ РФ. 2022. № 45, ст. 7670.

2. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью) (в ред. от 31 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1958; 2020. № 1, ч. 1, ст. 7.

А. Н. Варыгин,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

С. Ю. Бытко,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

КООРДИНАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов по борьбе с преступностью [1]. Координационная деятельность органов прокуратуры имеет достаточно длинную историю. Еще в царские времена существовала необходимость хотя бы минимальной согласованности и координации деятельности правоохранительных органов – прокуратуры, полиции, судов. Из всех перечисленных органов лишь прокуратура наиболее подходила для выполнения координационной функции [2, с. 83].

После Октябрьской революции 1917 г. эта функция у органов прокуратуры не пропала. В соответствии с «Временной инструкцией губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора», прокуроры губернии должны были периодически созывать совещания по борьбе с преступностью в составе председателя – прокурора – и членов: председателя совнарсуда, председателя ревтрибунала, заведующего рабоче-крестьянской инспекцией, начальника губернского ОГПУ – в целях объединения усилий всех означенных органов в борьбе с преступностью, выработки необхо-

димых мероприятий в этой области и обсуждения вопросов о правильной деятельности исправительно-трудовых учреждений, уголовно-го розыска и милиции [3, с. 234].

В 1926 г. в Положении о судостроительстве РСФСР были в общем виде определены координационные полномочия органов прокуратуры, а их законодательное закрепление нашло отражение лишь в законе «О прокуратуре СССР» 1979 г. [3, с. 235]. История развития и деятельность органов прокуратуры показали важность и необходимость их координационной функции в деле борьбы с преступностью.

Борьба с преступностью является важнейшим направлением деятельности любого государства, для чего им и создаются правоохранительные органы. Координация их работы в противодействии преступности предполагает осуществление взаимосвязанной, взаимосогласованной деятельности по достижению ими общей цели. В статье 1 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [4] определено, что такая деятельность осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и ус-

ловий, способствующих их совершению.

Следует отметить, что определения понятия координационной деятельности ни в указанном положении, ни в законе «О прокуратуре Российской Федерации» нет. В связи с этим ученые предлагают различные определения данного термина и даже цели такой работы. Например, Ю.В. Капитонова пишет, что координация органами прокуратуры деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью есть взаимосогласование правоохранительной деятельности уполномоченных государственных органов, направленное на своевременное выявление, раскрытие, пресечение и предупреждение преступлений, устранение обстоятельств, способствующих их совершению, в целях укрепления законности и противодействия преступности, путем разработки и реализации совместных мероприятий по наиболее актуальным проблемам борьбы с преступностью в пределах компетенции каждого из ее участников [5, с. 7]. Другие отмечают, что эта деятельность представляет собой функциональную деятельность прокуроров по организации разработок и осуществлению согласованных действий правоохранительных органов, направленных на своевременное выявление, пресечение, предупреждение, раскрытие и расследование

преступлений, а также устранение причин и условий, способствующих их совершению [6, с. 23]. Как видно из данных определений, авторы при их трактовке брали за основу нормы Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Наиболее удачным представляется определение, предложенное Р.Н. Зинуровым, который рассматривает координационную деятельность как предусмотренное законом объективно обусловленное, согласованное и постоянное взаимодействие в целях реализации участниками правоохранительной деятельности совместных мер по наиболее актуальным направлениям противодействия преступности и иным правонарушениям под руководством соответствующей прокуратуры [7, с. 11].

Как видим, цели координационной деятельности учеными определяются по-разному: «повышение эффективности борьбы с преступностью»; «укрепление законности и противодействие преступности»; «реализация совместных мер по наиболее актуальным направлениям противодействия преступности и иным правонарушениям». Задачи же, обеспечивающие достижение данных целей, исходя из указанной нормы Положения, следующие: своевременное выявление, раскрытие, пресечение и предупреждение преступлений; своевремен-

ное выявление и устранение причин преступлений и условий, способствующих их совершению.

Некоторые ученые, кроме перечисленных задач, указывают и иные. Так, О.Н. Коршунова к ним относит: объединение усилий и активизацию работы правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью; устранение дублирования и параллелизма в деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности [8, с. 12]. Ф.М. Кобзарев дополнительно указывает следующие: соблюдение законности при осуществлении координационной деятельности; обеспечение конкретности, ответственности, выполняемости координационных мероприятий и решений [9, с. 21]. Как видим, у ученых нет единого мнения о целях и задачах координационной деятельности.

Еще больше вопросов и споров возникает при рассмотрении проблем эффективности координационной деятельности органов прокуратуры. Как справедливо отмечает Ф.М. Кобзарев, на первый взгляд решение перечисленных задач и тем самым обеспечение достижения поставленных целей и составляют сущность эффективности координационной деятельности правоохранительных органов. Чтобы установить, эффективно или неэффективно осуществляется координация, необходимо дать оценку эффективности

системы действий, направленных на определение качественных признаков координационной деятельности [9, с. 21]. На наш взгляд, следует прежде всего разобраться с базовыми понятиями, такими как «результативность», «эффективность», «показатели эффективности», «критерии эффективности».

Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова, результативный – дающий результат, продуктивный [10, с. 664]. Эффективный – дающий эффект, действенный [10, с. 890]. В соответствии с другим словарем, эффект – это результат [11, с. 1528]. Иными словами, результативность и эффективность можно рассматривать в качестве синонимов. Таким образом, эффективность и результативность координационной деятельности органов прокуратуры означает одно и то же. Как справедливо отмечает Ф. М. Кобзарев, уровень эффективности определяется результатом достижения поставленной цели [9, с. 21].

Исходя из ст. 1 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, цель такой деятельности – повышение эффективности борьбы с преступностью. Сразу же возникает вопрос: а какова эффективность борьбы с преступностью? В большинстве работ криминологов справедливо отмечается, что цель борьбы с преступ-

ностью заключается прежде всего в ее сокращении, то есть уменьшении количества зарегистрированных преступлений на той или иной территории. Полагаем, что одного сокращения количества преступлений недостаточно, нужно и качественное улучшение преступности, в частности ее структуры, например: уменьшение доли тяжких и особо тяжких преступлений, увеличение процента раскрываемости преступлений, количества уголовных дел, направленных в суды, и т.д. Таким образом, цель координационной деятельности прокуратуры должна заключаться в положительных изменениях преступности и/или улучшении криминогенной обстановки на той или иной территории.

Следующими терминами, требующими определения, являются «показатели эффективности» и «критерии эффективности». Согласно словарю русского языка, критерий – это мерило оценки [10, с. 300]. Показатель – это то, по чему можно судить о развитии и ходе чего-нибудь [10, с. 538]. Как отмечает Ф. М. Кобзарев, в качестве критериев оценки эффективности координационной деятельности можно рассматривать, например, полноту использования всех форм координации, достоверность отражения результатов координационной деятельности в соответствующих документах, реальное снижение преступности. Показатели

же эффективности координации – это результаты координационной деятельности, прежде всего отраженные в формах статистической отчетности [9, с. 23].

Мы предлагаем исходить из того, что для определения эффективности координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью необходимо использовать два показателя. Поскольку цель координационной деятельности – улучшение криминогенной обстановки на той или иной территории (в зависимости от уровня координации): в стране, в субъекте, городе, районе, – то и главный показатель должен отражать улучшение состояния преступности (в данном случае о состоянии свидетельствуют все показатели преступности, а не только количество зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших). При этом нельзя не учитывать и вклад самих органов прокуратуры в этот процесс, поэтому следует вести речь и об организационно-управленческом показателе, оценивающем деятельность органов прокуратуры

Критерии же эффективности – конкретные количественные и качественные данные, которые характеризуют координационную деятельность и определяют ее показатели. Их также предлагаем разделить на две группы: криминологические и организационно-управленческие.

Криминологические критерии:
динамика всей преступности;
динамика тяжких и особо тяжких преступлений;

динамика количества уголовных дел, направленных в суд;

процент раскрываемости преступлений;

динамика раскрываемости преступлений;

мнение граждан о криминогенной обстановке и работе правоохранительных органов.

Организационно-управленческие критерии:

наличие планов координационной деятельности и их содержание;

полнота использования форм координационной деятельности;

своевременность и полнота исполнения решений координационных совещаний;

количество участников координационной деятельности, в том числе задействованных в конкретных мероприятиях;

степень участия в координационной деятельности иных субъектов борьбы с преступностью (судов, общественности, органов власти).

Учитывая эти критерии, а также статистические данные о преступности и отчеты органов прокуратуры, становится возможным рассчитать эффективность координационной деятельности органов прокуратуры. Вопрос о методике эффективности координационной

деятельности прокуратуры достаточно сложный, он требует дополнительных исследований, которые в настоящее время и осуществляет кафедра прокурорского надзора

и криминологии Саратовской государственной юридической академии. Их результаты будут представлены в последующих научных работах.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2022 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366; СЗ РФ. 2022. № 24, ст. 3943.

2. *Зинуров Р.Н.* Координационная деятельность российской прокуратуры: тенденции и закономерности. Уфа, 2002. 251 с.

3. Прокурорский надзор: в 2 т. Т. 2: Особенная и специальная части: учебник / под ред. О. С. Капинус. М., 2018. 420 с.

4. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью) (в ред. от 31 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1958; 2020. № 1, ч. 1, ст. 7.

5. *Капитонова Ю.В.* Основы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.

6. Теоретические, правовые и организационные основы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: монография / под ред. Ф.М. Кобзарева. М., 2015. 254 с.

7. *Зинуров Р.Н.* Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (тенденции и закономерности): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2003. 51 с.

8. Координация прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: учеб. пособие / под ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2021. 176 с.

9. *Кобзарев Ф.М.* Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью // Законность. 2014. № 11(961). С. 20–23.

10. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 2007. 976 с.

11. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.

Е. В. Богатова,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ о прокуратуре РФ) определил координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью как одну из функций органов прокуратуры [1]. В науке данная деятельность не раз становилась предметом обсуждений и интересов. По этой теме защищено достаточно много диссертаций [2–4], опубликованы учебные и учебно-методические пособия [5], данный вопрос постоянно рассматривается на международных конференциях и круглых столах.

Однако в законодательстве координация регламентирована поверхностно. Помимо ст. 8 ФЗ о прокуратуре РФ, имеется Положение «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», утвержденное Указом Президента РФ в 1996 г. [6] (далее – Положение). За 26 лет изменения в него вносились всего пять раз. В 2003 г. они были обусловлены упразднением налоговой полиции и созданием ФСКН, руководители данного органа вошли в состав членов координации. В 2013 г. редакции подвергся п. 1 Положения, в числе участников координации появился Следственный комитет РФ, также была установлена форма решения координационного совещания в виде постановления. В 2014 г. изменения обусловило упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ. В 2016 г. в состав правоохранительных органов были включены войска национальной гвардии РФ, а ФСКН исключена из него. В 2019 г. судебных приставов заменили органами принудительного исполнения.

Как можно заметить, все перемены связаны практически только с включением или исключением участников координации

онной деятельности, но никогда не затрагивались формы и направления координации, также до сих пор не установлена ответственность участников за неисполнение постановлений координационного совещания. Вместе с тем данное Положение существенно устарело и не соответствует современным реалиям.

Толковый словарь С.И. Ожегова определяет значение термина «координировать» как «согласовать, установить целесообразное соотношение между какими-нибудь действиями, явлениями» [7, с. 895–896]. В науке координацию рассматривают в различных аспектах: как одну из функций деятельности прокуратуры, как фактор, влияющий на эффективность прокурорского надзора [8, с. 110]. Предлагается понимать координацию как особую форму управления, содержащую в измененном виде все элементы алгоритма управления или большую их часть. В том виде, в каком координация представлена в Положении, она включает в себя алгоритм управления, рассматриваемый в социологической теории управления. В этом отношении теоретически возможно представить ее как особый вид управления. Кроме того, можно рассматривать координацию в широком ее понимании – как управленческую деятельность, лишенную элемента применения санкций за ненадле-

жащее исполнение согласованных действий субъектами координации борьбы с преступностью. Управление, соответственно, понимается как организация взаимодействия нескольких самостоятельных институтов. В нашем случае это организация взаимодействия правоохранительных органов по борьбе с преступностью [9].

За 26 лет действия Положения изменились полномочия и характер деятельности не только органов прокуратуры, но и других правоохранительных органов, что не может не отразиться на взаимоотношениях и координации деятельности всех участников. Если до 2007 г. прокурор обладал полномочиями по возбуждению уголовных дел, мог давать обязательные для исполнения указания, то, соответственно, и его роль как координатора была гораздо существеннее. В результате обсуждения проблем на координационных совещаниях он мог самостоятельно устранить выявленные нарушения путем принятия необходимых решений или отмены незаконных постановлений либо путем дачи органам следствия и дознания указаний, которые, в соответствии с УПК РФ, они не могли не исполнить.

Ввиду отсутствия многих властных полномочий возникли проблемы и с исполнением постановлений координационного совещания.

Пересмотру также подлежат формы координации. Некоторые из них прокуратура неспособна реализовать в связи с отсутствием процессуальных полномочий. Например, Положение предусматривает создание следственно-оперативных групп, но в уголовно-процессуальном законодательстве не закреплена такая форма взаимодействия. Установлена возможность создания только следственной группы, и таким правом обладает лишь руководитель следственного органа,

но никак не прокурор. Поэтому данная форма координации не применяется, в связи с чем она исключена из отчетов органов прокуратуры [5, с. 21].

В целом сегодня данная функция теряет позиции. Идея согласования действий различных правоохранительных органов по борьбе с преступностью имеет огромный потенциал, но для его реализации требуются существенные изменения в нормативно-правовом регулировании этой деятельности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 4 ноября 2022 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992 г. № 8, ст. 366; СЗ РФ. 2022. № 45, ст. 7670.

2. *Зинуров Р.Н.* Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: тенденции и закономерности: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2003. 351 с.

3. *Капитонова Ю.В.* Основы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 214 с.

4. *Корзун И.Г.* Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции: по материалам Дальневосточного федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 192 с.

5. Теоретические и практические аспекты координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью прокурором города (района): учеб. пособие / [М.М. Шакирьянов и др.; под общ. ред. Ф.Р. Хисамутдинова]. Казань, 2019. 53 с.

6. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью) (в ред. от 31 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1958; 2020. № 1, ч. 1, ст. 7.

7. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М., 2009. 1357 с.

8. *Богатова Е.В.* Контрольно-надзорная деятельность за исполнением законов и ее эффективность в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 246 с.

9. *Антонов-Романовский Г.В.* Теоретические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью на местном (районном) уровне // Проблемы координации прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: сб. матер. круглого стола (29 апреля 2015 г., Москва) / под общ. ред. Ф.М. Кобзарева. М., 2015. С. 67–72.

О.А. Грачёва,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

А.А. Титова,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ

Проблемы повышения эффективности предотвращения и предупреждения преступности со стороны органов прокуратуры, оценки уровня их работы, а также выделения критериев и показателей данного рода оценки всегда являются важными и представляются сложными как с точки зрения современных теоретических разработок, так и с точки зрения вопросов, встречающихся на практике.

Как известно, все направления (виды) деятельности органов прокуратуры, в том числе и координационная правоохранительная деятельность по борьбе с преступностью, подлежат оценке, которая включает в себя такие элементы, как эффективность и результативность, а кроме того, предложенные в юридической науке показатели и критерии. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть координационную деятельность прокуратуры по предотвращению и предупреждению преступных проявлений с точки зрения эффективности, показателей и критериев, применяемых при оценке ее работы.

Эффективная деятельность – способность иметь высокую производительность и качество, выполнять работу и достигать конечного результата путем использования имеющихся ресурсов с наименьшими затратами времени.

Так, А. Ю. Винокуров рассматривает эффективность координационной деятельности прокуратуры через призму степени достижения реальной цели и решения задач, имеющих достаточно точные формулировки на основе действующего законодательства, и получения результата, который достигается посредством выполнения определенных действий, направленных на достижение цели [1, с. 350].

Однако анализ многочисленных задач, стоящих перед органами прокуратуры РФ, а также нормативных правовых актов, посвященных вопросам деятельности органов прокуратуры в сфере борьбы с преступностью, позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день точный их перечень нормативно не закреплён, в связи с чем, как видится, может рассматриваться и как фактор, создающий сложности при оценке эффективности их деятельности. Закрепление на законодательном уровне точного перечня задач в рассматриваемом направлении будет способствовать повышению значимости координационной роли прокуратуры в деятельности по борьбе с преступными проявлениями. Весьма важной задачей для органов прокуратуры, требующей законодательного закрепления, как представляется, остается предупреждение преступности [2].

Для оценки эффективности прокурорской деятельности наряду с ка-

тегорией «задача» целесообразно использовать понятия «критерии» и «показатели» эффективности.

Критерий оценки эффективности является своеобразным эталоном, к которому следует стремиться, в нашем случае им выступает цель, которую ставят органы прокуратуры на конкретном направлении своей деятельности. Цель координационной деятельности органов прокуратуры по вопросам борьбы с преступностью – повышение уровня эффективности такого рода борьбы.

В связи с этим можно предположить, что критериями оценки эффективности координационной деятельности прокурора по противодействию преступности будут следующие: 1) обеспечение надлежащей организации работы; 2) полнота и своевременность принятых мер по устранению нарушений законов; 3) достоверность отражения результатов деятельности органов прокуратуры по координации в соответствующих документах; 4) снижение преступности; 5) полнота использования всех форм деятельности по координации и направлений совместной работы. Последние два критерия рассмотрим подробнее.

Важная роль органов прокуратуры при осуществлении координационной деятельности проявляется в определенных формах и направлениях совместной работы.

Одной из значимых форм является проведение координационных мероприятий с руководителями правоохранительных структур как на федеральном, так и на региональном уровне. С их помощью обеспечивается слаженность действий, целенаправленное взаимодействие, в процессе их осуществления устраняются межведомственные препятствия и дублирование в работе. Выступая на расширенном заседании коллегии в Генеральной прокуратуре РФ 25 апреля 2022 г. Игорь Краснов, в частности, отметил, что «прокуроры, защищая интересы граждан, государства и общества, пресекли свыше 4 млн нарушений закона, добились восстановления прав более 1 млн человек. При этом важно совершенствовать механизмы взаимодействия с органами ФСБ РФ, МВД России, а также другими ведомствами для снижения уровня преступности в различных сферах жизнедеятельности», в том числе и для повышения эффективности прокурорской деятельности в дальнейшем [3].

Как свидетельствует практика, совещания, в ходе которых анализируется состояние преступности с целью своевременного реагирования на негативные тенденции, проводятся прокурорами в течение года. На основе их результатов выработываются и реализуются механизмы борьбы с противоправными

посягательствами. Так, принятый прокуратурой Саратовской области комплекс координационных мер способствовал повышению уровня раскрываемости преступлений (с 51,6 до 54,3%). На заседании межведомственной рабочей группы было отмечено, что за период с января по ноябрь 2021 г. уменьшилось количество зарегистрированных преступлений (на 2,3%) в сравнении с аналогичным периодом 2020 г. – 48,6%. За тот же период меньше стало совершаться краж, грабежей, разбоев, в том числе сократилось количество преступлений против собственности, в сфере незаконного оборота наркотиков. Несмотря на положительные результаты в сфере борьбы с преступностью, прослеживается тенденция к увеличению преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 1,5%). За 2020 г. было раскрыто всего 17,2% киберпреступлений, а в 2021 г. раскрываемость таких преступных деяний возросла с 19,1 до 26,2%. Количество тяжких и особо тяжких преступлений в области увеличилось на 5,5%, при этом их раскрываемость возросла с 39,9 до 47,8%. За 2020 г. было раскрыто 38,8% преступных деяний данной категории. Безусловно, результаты координационной деятельности положительные и оказывают влияние на укреп-

пление законности и безопасности общества от преступных проявлений. Положительную практику можно привести, проанализировав деятельность прокуратур и других субъектов по противодействию преступности в различных сферах (соблюдения прав несовершеннолетних, экономики, землепользования, ЖКХ, охраны окружающей среды и природопользования и др.).

Таким образом, вопросы противодействия преступности являются приоритетными в надзорной деятельности органов и организаций прокуратуры, взаимодействие которых с правоохранительными структурами посредством проведения координационных совещаний способствует выработке конкретных предложений по улучшению правоохранительной деятельности и получению хороших результатов совместной работы.

Проблемным остается вопрос, связанный со всесторонностью координационной деятельности. Он обусловлен разрабатываемыми и применяемыми на практике мерами взаимодействия. Решить эту задачу можно с помощью определенных координационных действий правоохранительных органов. Необходимо привлекать на постоянной основе экспертов в области противодействия преступности, представителей научного сообщества, а также государственных органов, например, путем проведения законода-

тельной и организационной работы по модернизации уголовно-правовой сферы [4, с. 92; 5, с. 297].

Показатель же представляет собой важное средство, которое имеет количественное выражение и свидетельствует о результатах развития чего-либо. В связи с этим отметим, что на Генеральную прокуратуру РФ возложена обязанность по ведению государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности (раскрываемости преступлений, состоянии и результатах следственной работы, прокурорского надзора в целом). В целях совершенствования ведомственной статистической отчетности органы прокуратуры всех уровней предоставляют результаты работы по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В соответствии с приказами Генерального прокурора России органы прокуратуры отражают результаты координационной деятельности и учитывают количество: проведенных координационных совещаний руководителей правоохранительных органов; вопросов по направлениям борьбы с преступностью, рассмотренных на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов; проведенных межведомственных совещаний, созданных межведомственных рабочих групп по отдельным направ-

лениям совместной деятельности, совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению; изданных межведомственных организационно-распорядительных документов в сфере борьбы с преступностью; направленных в правоохранительные органы совместных информационных писем, бюллетеней (сборников) и других информационных изданий; совместных семинаров, конференций и иных мероприятий, проведенных правоохранительными органами для повышения квалификации работников; принявших участие в координационных совещаниях по обеспечению правопорядка. Как представляется, перечень содержа-

щихся в отчете основных вопросов практически полностью совпадает с перечнем показателей и критериев, которые позволяют оценить эффективность координационной деятельности органов прокуратуры по противодействию преступности.

Таким образом, рассмотренную оценку эффективности координационной работы органов прокуратуры по предотвращению преступных проявлений можно определить как наиболее успешную, поскольку она позволяет не только наметить положительные тенденции ее развития, но и обозначить причины низкой результативности данной работы, определить способы и пути совершенствования оцениваемой деятельности прокуратуры на дальнейшую перспективу.

Библиографический список

1. Винокуров А. Ю. Проблемы классификации прокурорской деятельности // Избранные статьи: в 3 т. М., 2017. Т. 3. С. 347–355.
2. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (в ред. от 31 декабря 2019 г.) (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1958.
3. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73312986>
4. Гришин Д. А. Предупреждение преступности. Разграничение используемой терминологии // Закон и право. 2020. № 3. С. 91–94.
5. Баев С. Н. Некоторые аспекты осуществления прокурорами координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 295–301.

А.З. Шернеева,

аспирант кафедры
прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Личность преступника представляет собой важнейший элемент предмета криминологии, ее изучение так же актуально, как и изучение самой преступности, ее причин, условий, системы мер предупреждения преступности. Актуальность проблемы личности преступника, по мнению криминологов, объясняется и тем, что «именно личность – носитель причин совершения преступлений. Поэтому эта личность является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения» [1, с.11].

К настоящему времени проблема личности преступника достаточно полно и глубоко исследована в криминологической науке, о чем, в частности, свидетельствует значительное количество научных трудов известных криминологов, таких как Ю.М. Антонян [1], В.Н. Бурлаков [2], В.Н. Кудрявцев [1], Е.Б. Кургузкина [3], Н.С. Лейкина [4], А.Б. Сахаров [5].

При этом следует отметить, что работ, посвященных изучению личности дорожно-транспортного преступника, сравнительно мало, такая личность рассматривалась прежде всего в контексте совершаемых преступлений и редко выступала самостоятельным объектом криминологического исследования, по крайней мере в последние годы. Указанное обстоятельство определило направления нашего исследования, в ходе которого изучались личность дорожно-транспортного преступника [6, с. 283], отдельные ее характеристики [7, с. 81]. В рамках настоящей статьи хотелось бы остановиться на рассмотрении нравственно-психологических характеристик такой личности. К их числу принадлежат свойства

и качества преступника, определяющие его потребности, интересы, увлечения, жизненные цели и ориентиры. Сюда же относятся способности, темперамент, характер, воля, интеллект преступника [8, с. 96].

Как полагают ученые, нравственно-психологические свойства и качества преступника являются наиболее важными в характеристике личности, совершившей преступление, так как именно они определяют характер и направленность ее преступных действий, позволяют понять, почему человек совершил то или иное преступление [9, с. 57].

В большинстве работ криминологов отмечается, что преступникам присущи следующие нравственно-психологические характеристики:

существенные пробелы в морально-нравственном сознании;

личностные деформации, которые ведут к нравственным конфликтам с общепризнанными нормами морали, права [10, с. 352];

импульсивность, ригидность, подозрительность и злопамятность [11, с. 223].

Проведенное нами исследование личности дорожно-транспортных преступников – лиц, совершивших преступления как по неосторожности, так и умышленно (ст. 264.1 УК РФ), показало, что у таких лиц ярко выражены материальные интересы и потребности. Так, 48% из них видят целью своей

жизни приобретение хорошей квартиры или дома, а также престижной автомашины, 28% – получение высокооплачиваемой работы, 16% желают отдыхать, путешествовать, заниматься спортом или иным любимым делом, связанным с отдыхом или развлечением, что тоже требует определенного материального благополучия. Лишь 6% опрошенных отметили, что целью своей жизни считают повышение водительского мастерства, а 2% – повышение образовательного и профессионального уровня. Таким образом, у основной массы дорожно-транспортных преступников материальные потребности преобладают над духовными. Это в целом характерно для всех преступников и даже для большинства законопослушных граждан современного российского общества, о чем наглядно свидетельствуют исследования социологов [12].

Определенным образом характеризовать личность могут ее интересы и способы проведения досуга. Например, в ходе опроса дорожно-транспортных преступников установлено, что 53% из них до совершения преступления проводили свободное время за просмотром телепередач, кинофильмов и сайтов в интернете и лишь 18,5% читали художественную и научную литературу, хотя многие не смогли вспомнить автора и название книги. Приведенные данные в определен-

ной мере могут говорить об узости взглядов и интересов респондентов.

Тяжесть последствий дорожно-транспортного преступления напрямую связана с состоянием опьянения виновного лица. Опьянение водителя является фактором, отягчающим уголовное наказание, а кроме того, действия именно нетрезвых водителей приводят к наиболее тяжким последствиям – гибели людей. Поэтому мы выясняли отношение виновных в ДТП к спиртным напиткам и наркотикам. Характерно, что лишь 5% опрошенных заявили, что вообще не употребляют спиртные напитки и тем более наркотические вещества. Значительная же доля опрошенных (61,5%) показали, что употребляют спиртные напитки один-два раза в неделю, 5% – один-два раза в месяц, а 29% преступников отметили, что употребляют спиртное часто (три-пять раз) в неделю. Не удивительно, что 16% респондентов совершили преступление в состоянии алкогольного, а 2,5% – наркотического опьянения. Некоторые авторы совершенно справедливо отмечают, что алкоголизм всегда сопровождается социальными последствиями, неблагоприятными как для виновника дорожно-транспортного преступления, так и для общества в целом [13, с. 12].

Соответствующим образом, с нравственно-психологической

точки зрения, характеризует виновных их допреступное поведение. В отдельных исследованиях указывается, что значительное число преступников отрицательно характеризовались по месту жительства или работы, если она у них имелась [9, с. 59]. Нами установлено, что большинство опрошенных дорожно-транспортных преступников (80%) до совершения преступления нарушали правила дорожного движения, причем многие (40%) делали это постоянно. Несмотря на систематическое нарушение правил дорожного движения, к административной ответственности были привлечены лишь 44% опрошенных.

Допускаемые виновными нарушения правил дорожного движения заключались прежде всего в превышении скорости дорожного движения, непредоставлении преимущества пешеходам на пешеходных переходах, проезде перекрестка на запрещающий сигнал светофора и даже в управлении транспортным средством в состоянии опьянения. Так, 57% респондентов указали, что до совершения преступления управляли автомобилем в состоянии опьянения.

Большинство опрошенных указали, что на момент совершения преступления не имели права на управление транспортным средством, прежде всего потому, что

были его лишены. По всей видимости, не случайно, что 18% опрошенных скрылись с места совершения дорожно-транспортного преступления.

Анализ психологических характеристик личности дорожно-транспортного преступника не только расширяет знания о такой категории преступников, но и позволяет лучше уяснить механизм его преступного поведения, определить степень его вины в совершенном уголовно наказуемом деянии. Как отмечают психологи, для многих дорожно-транспортных преступников характерна излишняя тревожность, волнение, возложение вины за содеянное на себя [14, с. 155].

В ходе исследования также выяснялось отношение виновных к совершенному преступлению и его последствиям. Только 31% опрошенных считают себя виновными в произошедшем. Остальные 69% возлагают вину на сложившуюся ситуацию, из которой, на их взгляд, нельзя было выйти не нарушая правил дорожного движения. В связи с этим полагаем, что более правы те ученые, которые отмечают присутствующую дорожно-транспортным преступникам недисциплинированность, безответственность, излишнюю самоуверенность [15, с. 44]. Не случайно и то, что 78% опрошенных нами преступников ответили, что у них хорошая реакция, они

могут успешно ориентироваться в любой дорожной ситуации. Исходя из этого, можно предположить, что многие преступники рассматриваемой категории завышают уровень своего водительского мастерства, самонадеянно рассчитывают на предотвращение последствий нарушения ими правил дорожного движения.

Кроме того, как показал опрос, многим преступникам присущи такие черты, как агрессивность, конфликтность, пренебрежение чужими интересами. На такие качества указывали и другие исследователи [16, с. 20].

Элементом нравственно-психологической сферы личности преступника следует считать и мотивы его преступных действий, которые также рассматривались в ходе нашего исследования. Мотив преступления – это интегрированное психическое образование, побуждающее к поведению, направленному на снятие психического напряжения, осознанной актуализированной потребности биологического или социального характера путем нарушения уголовно-правового запрета [17, с. 22].

Ученые, занимавшиеся изучением дорожно-транспортных преступлений, выделяют следующие мотивы таких деяний:

эгоизм, установка на достижение личных целей, например само-

вольная эксплуатация транспортного средства;

ложно понятые производственные интересы, например использование транспортного средства в сложных погодных условиях;

правовой нигилизм, когда субъект игнорирует требования правил безопасности, считая их формальными и излишними;

корыстно-собственнические побуждения, например, при использовании транспортного средства в целях наживы;

мотивы подражания, заключающиеся в желании не отстать от других, не ударить в грязь лицом;

хулиганские мотивы, проявляющиеся в лихачестве, браваде, бесшабашности при управлении транспортным средством [18, с. 322].

Не со всеми указанными мотивами, на наш взгляд, можно согласиться, потому что они представлены далеко не все и не учитывают мотивы умышленных дорожно-транспортных преступлений, в частности, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ.

Опрошенные нами лица, виновные в совершении дорожно-транспортных преступлений, на вопрос «Почему вы нарушили правила дорожного движения и совершили преступление?» дали следующие наиболее распространенные ответы:

очень торопился куда-либо или к кому-либо (30%);

не нарушая правил дорожного движения, невозможно ездить по нашим дорогам (19%);

хотел получить удовольствие от быстрой езды (13%);

хотел наказать обидчика, грубияна, создавшего аварийную ситуацию на дороге (10%).

Таким образом, можно констатировать, что для основной массы дорожно-транспортных преступников (как и для большинства лиц, совершающих преступления) характерны негативные нравственно-психологические характеристики, такие как употребление спиртных напитков и злоупотребление ими до совершения преступления; совершение ранее административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения, в том числе управление транспортным средством в состоянии опьянения; оставление места преступления после его совершения; возложение вины за содеянное преступление на других лиц и сложившуюся ситуацию; завышение своих водительских способностей; агрессивность и конфликтность при управлении транспортным средством и некоторые иные. В связи с этим следует в полной мере поддержать точку зрения авторов, в частности А. И. Чучаева, которые утверждают, что для большинства дорожно-транспортных преступников характерна антиобщественная направленность

их личности [19, с. 18], определяемая, на наш взгляд, в том числе и вышеперечисленными нравственно-психологическими характеристиками. Их знание необходимо для организации и осуществления индивидуально-профилактического воздействия на лиц, совершивших и способных совершить дорожно-транспортные преступления.

Библиографический список

1. *Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е.* Личность преступника. СПб., 2004. 366 с.
2. *Бурлаков В. Н.* Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998. 418 с.
3. *Кургузкина Е. Б.* Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 423 с.
4. *Лейкина Н. С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. 129 с.
5. *Сахаров А. Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. 279 с.
6. *Шерпеева А. З.* Личность преступника, совершающего дорожно-транспортные преступления, как объект криминологического исследования // Феноменология и девиантное поведение: сб. науч. ст. Краснодар, 2020. С. 283–286.
7. *Шерпеева А. З.* Некоторые социально-демографические характеристики личности преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления // Вестник КЮИ МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 81–85.
8. *Варыгин А. Н., Громов В. Г., Шляпникова О. В.* Основы криминологии и профилактики преступлений: учеб. пособие. М., 2019. 165 с.
9. *Варыгин А. Н., Яковлев Д. Ю.* Преступления против жизни, совершаемые женщинами: криминологическая характеристика, особенности мотивации и предупреждения. М., 2017. 160 с.
10. Криминология: учебник / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. 912 с.
11. *Антонян Ю. М.* Психология убийства. М., 1997. 304 с.
12. Названы главные потребности россиян // Рамблер/новости. URL: <https://news.Rambler.ru/sociology/42615106> (дата обращения: 29.10.2022).
13. *Аруев К. Б.* Криминологическая характеристика личности граждан, совершивших автотранспортные преступления, и вопросы квалификации данного вида преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 32 с.

-
14. Рабочая книга пенитенциарного психолога / под ред. А. И. Мокрецова. М., 1997. 208 с.
 15. *Ситковская О.Д. и др.* Криминальная психология: курс лекций / под ред. О.Д. Ситковской. М., 2019. 144 с.
 16. *Ефимова Е.О.* Личность водителя и ситуация в механизме совершения дорожно-транспортных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.
 17. *Боер А.Л.* Месть в мотивационной структуре преступного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 32 с.
 18. *Коробеев А.И.* Транспортные преступления. СПб., 2003. 406 с.
 19. *Чучаев А.И.* Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 44 с.

К совершенствованию законодательства

О.К. Абросимова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Саратовской государственной юридической академии

ЗНАЧЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

45

Право и нравственность являются одними из важнейших средств формирования, воспитания и становления социально, культурно и политически развитой полноценной личности. От степени развития нравственности граждан в значительной мере зависят состояние законности и правопорядка в стране, уровень юридической культуры и правосознания общества.

В настоящее время Россия переживает сложный и противоречивый период: после длительного ослабления моральных норм и принципов, снижения уровня нравственности наблюдается тенденция к укреплению духовно-нравственных ценностей и повышению эффективности государственной политики в сфере патриотизма. Огромное значение для этого имеет Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Часть 1 ст. 1 данного Указа гласит: «Настоящие Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспе-

чения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета “Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти” в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Это положение подчеркивает особую важность традиционных ценностей для укрепления российской государственности.

В контексте изложенного представляется необходимым затронуть актуальный сегодня вопрос о значении и эффективности нравственного и правового воспитания личности, которая при удовлетворении своих потребностей и интересов придерживалась бы принципов морали и гуманистических и справедливых принципов права.

Мораль характеризует не только сознание, но и поведение людей. Ответ на вопрос о том, как нравственность проявляется в поведении отдельно взятого индивида и всего общества в целом в изменяющихся условиях, напрямую зависит от воспитания, которое люди получили в юности. Признание и понимание этого необходимо для организации правильной и эффективной системы нравственного воспитания, чрезвычайно важного, так

как «природа самого морального сознания, его свойства и внутренняя структура не могут быть поняты вне связи с поведением, его структурой и изменениями как в процессе индивидуального развития личности, так и в перспективе исторического развития общества» [2, с. 11].

Основная задача нравственного воспитания – формирование осмысленной, обоснованной системы моральных и правовых установок личности по отношению к окружающей действительности. «Нравственное воспитание представляет собой совокупность целенаправленных, планомерных, активных, социально организованных воздействий на сознание и поведение человека, которые наряду с самовоспитанием формируют индивидуальную и коллективную систему твердых этических понятий, нравственных убеждений, склонностей, чувств, черт характера и привычек поведения, соответствующих идеалам и принципам морали» [3, с. 117]. Специфика нравственного воспитания в том, что оно как бы пронизывает все другие виды воспитания, взаимодействует с ними и неотделимо от них.

Воспитание самостоятельной, нравственно зрелой личности может осуществляться как субъектами воспитательного процесса (семьей, образовательными учреждениями, органами исполнения наказания,

судами, органами прокуратуры, общественными и религиозными организациями), так и самой личностью, стремящейся к гармоничному развитию.

На формирование личности оказывают определенное влияние не только узконаправленные воспитательные действия, но и любая социально значимая деятельность, акты поведения людей, воспринимаемые воспитываемыми объектами как образец для подражания. При этом важно учитывать влияние авторитетной для личности среды, которая имеет свои образцы поведения и оказывает значительное воздействие на формирование у человека психологических качеств. Следовательно, в процессе нравственного воспитания должна передаваться информация о должном поведении, нравственных нормах и принципах, а также использоваться моральный климат в кругу общения воспитываемого индивида и межличностное общение. Благодаря такому воспитанию нормы морали становятся стержнем поведенческих актов во всех сферах жизнедеятельности личности.

Однако процессу нравственного воспитания, как и любой другой деятельности, свойственны некоторые особенности. Например, не всегда в данном процессе учитываются общественные условия жизни. Бывает, что формы и методы воспитания

многолетней давности применяют к современному человеку. Например, сегодня нельзя воспитывать подрастающее поколение, руководствуясь лишь моральными нормами и принципами, господствовавшими во времена социализма. Воспитанные таким образом люди не смогут приспособиться к изменившимся условиям жизни.

Особое место в системе воспитания занимает правовое воспитание, так как оно находится в тесной взаимосвязи и взаимодействии с нравственным воспитанием, они взаимно обогащают друг друга. «Главная цель правового воспитания – формирование правовой культуры. Она достигается путем формирования: а) правовых знаний, умений и навыков; б) правовых убеждений (правовой сознательности); в) высокой социально-правовой активности граждан, использования ими своих прав и исполнения возложенных на них обязанностей в борьбе с правонарушениями» [3, с. 120]. Правовое воспитание должно не только давать определенную сумму знаний о праве, но и формировать активную позицию в правовой сфере.

Поэтому сегодня значимость правового воспитания определяется возрастанием роли права в развитии политических и нравственно-правовых качеств личности, ее ценностных ориентаций. Право-

вое воспитание осуществляется государственными и общественными организациями с использованием разнообразных способов и форм, таких как правовое образование, правовая пропаганда, воспитательное воздействие права. При этом необходимо постоянно совершенствовать систему образования, чтобы она адекватно отображала происходящие в общественных отношениях изменения и была ориентирована на моральные ценности.

В настоящее время в нашей стране создаются необходимые условия и возможности для развития личности, роста ее культуры и образования, нравственного и правового совершенствования. После полнейшего падения морали в перестроечное время сегодня происходит возврат к нравственным ценностям, на первое место выдвигается забота о людях, их духовных ценностях. Даже Конституция РФ в ст. 2 закрепила приоритет прав и свобод

человека над интересами государства: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [4]. Это означает, что развитие человеческой личности возможно не только под лозунгом приоритета коллектива. Однако личность, совершенствуясь, утверждая свое достоинство, не должна все же делать это в ущерб обществу и обязана учитывать его интересы.

Нравственное и правовое развитие личности, таким образом, сложный и многогранный процесс, требующий целенаправленного воздействия на человека. Он невозможен без соотношения объективного и субъективного факторов в воспитании, постоянного учета изменений, происходящих в обществе, и корректировки в соответствии с этим приемов и способов воспитательной работы.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 13.11.2022).
2. Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. 2-е изд., доп. М., 1985. 142 с.
3. Агешин Ю. А. Политика, право, мораль. М., 1982. 160 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.

Е. В. Комбарова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного права
имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера
Саратовской государственной юридической академии

О. В. Щербакова,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры правовой психологии,
судебной экспертизы и педагогики
Саратовской государственной юридической академии

ПРОЦЕДУРА САМООБСЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ПОЗИТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ*

49

Важнейшим национальным приоритетом Российской Федерации является модернизация образования, которая подразумевает под собой его адаптацию к нуждам и потребностям нынешнего общества. Современная образовательная организация должна не только соответствовать вызовам времени, но и быть обязана дать своим обучающимся качественное образование, предполагающее умение эффективно получать и обновлять знания, профессиональные умения, навыки и компетенции с учетом достижений науки и практики. В своей образовательной деятельности организациям необходимо в большей степени принимать во внимание требования работодателей, государства, общества, самих обучающихся и их родителей, учредителей образовательной организации к содержанию

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках проекта «Разработка усовершенствованной процедуры ежегодного самообследования образовательной организации с учетом требований ФГОС в условиях цифровой трансформации образовательного процесса» в рамках государственного задания № 075-01368-22-01.

подготовки специалистов высокого уровня [1], то есть стремиться максимально учитывать и сбалансировать интересы всех ключевых стейкхолдеров образовательного процесса. Полагаем, что это невозможно осуществить без трансформации теоретических, методических и практических подходов к образовательному аудиту, неотъемлемым элементом которого выступает ежегодное самообследование образовательных организаций.

Практика самообследования образовательных организаций в Российской Федерации в целом сложилась, однако в ее реализации специалисты отмечают целый ряд недостатков и коллизий (в том числе правового характера), которые препятствуют обеспечению высокой эффективности образовательного аудита. Самообследование позволяет оценивать происходящие изменения в деятельности образовательных организаций и мотивирует вузы к постоянной работе по повышению качества предоставляемых ими услуг. Применение данного инструмента контроля сменяет парадигму системы управления образовательных организаций и запускает в действие механизмы саморазвития вузов [2]. Поэтому в настоящий момент назрела необходимость в трансформации процедуры ежегодного самообследования образовательной организации с учетом

действующих нормативных правовых актов и актов, вступивших в силу в 2022 г., содержащих обязательные требования в сфере высшего образования, а также требований ФГОС и оценки их влияния на качество образования и траекторию развития образовательной организации. Процедура самообследования, подготовки и предоставления ежегодного отчета о самообследовании регламентируется: п. 3 ч. 2 ст. 29 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [3]; Приказом Минобрнауки России «Об утверждении Порядка проведения самообследования образовательной организацией» [4]; Приказом Минобрнауки России «Об утверждении показателей деятельности образовательной организации, подлежащей самообследованию» [5]; Письмом Минобрнауки России «О проведении самообследования образовательных организаций высшего образования» (вместе с Методическими рекомендациями по проведению самообследования образовательной организации высшего образования, Методикой расчета показателей деятельности образовательной организации высшего образования, подлежащей самообследованию) [6].

Сроки, форма проведения самообследования, состав привлекаемых лиц определяются образовательной организацией самостоятельно.

Необходимо отметить, что Приказ Минобрнауки России «Об утверждении Порядка проведения самообследования образовательной организацией» не раскрывает подходов к проведению самообследования и содержания каждого этапа процедуры самообследования. В качестве регламентирующего документа в образовательных организациях высшего образования должен быть разработан и принят локальный нормативный акт, в котором определены сроки, форма проведения самообследования, привлекаемые должностные лица, а также возможность привлечения иных заинтересованных лиц, требования к планированию и подготовке работ, организации и проведению самообследования, а также обобщению полученных результатов, отчету. Локальный акт должен детализировать и раскрывать основные этапы процедуры самообследования.

Для анализа на предмет соответствия российскому законодательству, а именно ч. 1 ст. 29 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», образовательные организации формируют открытые и общедоступные информационные ресурсы, содержащие информацию об их деятельности, и обеспечивают доступ к таким ресурсам посредством размещения их в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе на официальном сайте

образовательной организации в сети Интернет, в частности посредством размещения на официальном сайте локальных нормативных актов, касающихся в числе прочего порядка проведения самообследования или приказа о проведении самообследования в образовательной организации.

При просмотре официальных сайтов путем случайной выборки образовательных организаций на наличие локальных нормативных актов о самообследовании или приказа о проведении самообследования в образовательной организации было обнаружено, что у большинства образовательных организаций высшего образования такие локальные акты не размещены.

Согласно п. 6 Порядка проведения самообследования образовательной организацией, утвержденного Приказом Минобрнауки России от 14 июня 2013 г. № 462, в процессе самообследования проводится оценка образовательной деятельности, системы управления организации, содержания и качества подготовки обучающихся, организации учебного процесса, востребованности выпускников, качества кадрового, учебно-методического, библиотечно-информационного обеспечения, материально-технической базы, функционирования внутренней системы оценки качества образования, а также анализ пока-

зателей деятельности организации, подлежащей самообследованию, устанавливаемых федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования.

Путем случайной выборки в сентябре 2022 г. определено 35 образовательных организаций высшего образования из восьми федеральных округов, отчеты о самообследовании которых проанализированы по всем показателям деятельности образовательной организации высшего образования (в данной статье наименования образовательных организаций не указаны), а также проанализирована процедура самообследования, с целью выявления позитивных практик и типичных ошибок при проведении самообследования.

Согласно результатам исследования отчетов о самообследовании образовательных организаций высшего образования, самыми распространенными и общими нарушениями, затрагивающими порядок составления отчетов о самообследовании организации за предшествующий календарный год, являются следующие.

1. Отсутствие единого требования к оформлению титульного листа отчета о самообследовании, выявленное при анализе нормативных

документов, регламентирующих порядок проведения самообследования. Данный пробел приводит к тому, что организации самостоятельно определяют порядок оформления отчетов о самообследовании и, например, вместе с живой печатью и подписью ставят электронную цифровую подпись (далее – ЭЦП) ректора; на титульном листе имеется только подпись и печать организации; стоит только ЭЦП, не стоит дата утверждения отчета о самообследовании; нет подписи ректора, печати образовательной организации и даты утверждения отчета; подпись ректора и печать находятся в конце, на последней странице отчета о самообследовании; нет отдельного титульного листа в отчете о самообследовании. Во многих образовательных организациях также отсутствует рассмотрение отчета органом управления организации, к компетенции которого относится решение данного вопроса.

2. Отсутствие на сайте отчета о самообследовании за 2020 г., что не позволяет произвести полную оценку системы управления организации, содержания и качества подготовки обучающихся, организации учебного процесса, востребованности выпускников, качества кадрового, учебно-методического, библиотечно-информационного обеспечения, материально-технической базы, функционирования внут-

ренной системы оценки качества образования.

3. Отсутствие аналитической части в отчете о самообследовании.

4. Отсутствие результатов анализа показателей деятельности организации, подлежащей самообследованию.

5. Отсутствие размещения предыдущих отчетов на официальном сайте организации в сети Интернет.

6. Отсутствие на официальных сайтах некоторых ОО ВО положений о самообследовании или приказа о проведении самообследования в образовательной организации.

7. Значительное отличие отчетов о самообследовании как по объему, так и по содержанию, несмотря на их нормативно установленную структуру. Наибольшая вариативность наблюдается в аналитической части, структура которой установлена лишь на уровне методических рекомендаций (Письмо Минобрнауки России от 20 марта 2014 г. № АК-634/05).

Некоторые отчеты представляют собой буквально механическое соединение отчетов подразделений ОО ВО со всеми присущими такой операции недостатками: объем увеличивается до нескольких сотен страниц, одни направления деятельности описаны излишне скупно, другие – с излишней детализацией (например, с приведением списка научных журналов, где опублико-

вались сотрудники, по фамильных списков обучающихся, участвовавших в научных конференциях, полных программ научных конференций с секциями, регламентом проведения по часам).

Отчеты о самообследовании в одних образовательных организациях высшего образования состоят из 10 страниц текста, в других – из более 300 страниц.

Отчеты о самообследовании ОО ВО несут в себе информацию, которая в дальнейшем не имеет отношения и принадлежности к прохождению процедуры профессионально-общественной аккредитации, государственной аккредитации. Исходя из этого, можно предположить, что данные отчеты о самообследовании ОО ВО не являются значимой составляющей, поскольку не прослеживается важность и востребованность отраженной в них информации.

8. Соблюдение структуры аналитической части отчета в большинстве случаев только на уровне заголовков первого уровня (образовательная, научно-исследовательская деятельность и т.д.). Так, лишь немногие ОО ВО действительно описывают в отчетах опыт использования результатов научных исследований в образовательной деятельности и опыт внедрения собственных разработок в производственную практику.

9. Наличие в текстах отчетов орфографических ошибок.

10. Несоблюдение сроков подготовки отчетов. Например, в соответствии с Методическими рекомендациями по проведению самообследования образовательной организации высшего образования (Письмо Минобрнауки от 20 марта 2014 г. № АК-634/05), отчет о самообследовании для образовательных организаций высшего образования формируется по состоянию на 1 апреля текущего года. В отдельных случаях установлено, что отчет о самообследовании сформирован по состоянию на 1 января, что вступает в противоречие с методическими рекомендациями.

11. Различие в датах, по состоянию на которые приводится информация, в зависимости от образовательной организации. Так, в одном отчете предоставлены данные по состоянию на 1 октября, в другом – по состоянию на 1 апреля.

12. С одной стороны, невозможно понять, каким именно образом тот или иной подраздел связан с программой развития ОО ВО, какое из ее направлений реализуется таким способом. С другой стороны, приводимые (как правило, кратко) в отчетах о самообследовании сведения из программ развития показывают, что подобные программы неконкретны, не адаптированы к определенной ОО ВО и ее поло-

жению в экономическом пространстве региона, существуют лишь формально.

Крайне редко описываемые показатели ОО ВО в каждой сфере деятельности соотносятся с показателями, заложенными в программу развития (достигнут/не достигнут), не проводится анализ причин этих явлений.

1. Содержание некоторых разделов нуждается в корректировке. Например, очевидно, что для многих ОО ВО остается неясной цель описания системы управления образовательной организацией: в одних отчетах приводятся подробные выдержки из локальных нормативных актов, посвященные структуре и полномочиям органов управления ОО ВО, в других – лишь делается отсылка к действующим локальным нормативным актам, в третьих (и этот подход представляется наиболее рациональным) – приводится схема управления ОО ВО с указанием организационных изменений, произошедших в организации за отчетный год. Применение последнего подхода позволило бы, в частности, наглядно увидеть, выполнено ли поручение вице-премьера РФ Д. Чернышенко о появлении в структуре управления каждого вуза должности проректора по цифровизации [7].

2. Особенность отчета – необходимость приведения сведений исключительно за текущий год,

вследствие чего неясна динамика показателей ОО ВО. В некоторых отчетах можно встретить указания на то, что значение того или иного показателя улучшилось или ухудшилось по сравнению с прошлым годом, много реже – сведения за более продолжительный интервал (например, три года или пять лет). Предлагается нормативно установить необходимость сравнения показателей за трех- или пятилетний срок, но, к сожалению, на официальных сайтах ОО ВО невозможно найти отчетов о самообследовании за прошлый год, не говоря уже о двух годах ранее.

На основании проведенного исследования предлагаем следующее:

1. Необходимо дополнить отчет о самообследовании данными, характеризующими уровень и структуру доходов организации. Особое внимание можно рекомендовать уделить показателям НИО-ОКР. В частности, в качестве таких показателей Приказом Минобрнауки России от 10 декабря 2013 г. № 1324 предусмотрены: объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника, удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации, удельный вес НИОКР, выполненных собственными силами (без привлечения соисполнителей), в общих доходах образовательной организации от НИОКР, доходы от НИОКР

(за исключением средств бюджетов бюджетной системы РФ, государственных фондов поддержки науки) в расчете на одного научно-педагогического работника и другие, которые в анализируемых отчетах своего отражения не нашли.

2. Следует предостеречь составителей от излишней детализации разделов отчетов, не обусловленной реализацией программы развития образовательной организации высшего образования. Так, при характеристике материально-технической базы в отчетах некоторых ОО ВО наблюдается детальное описание компьютерной техники и программ по каждой учебной аудитории, при этом описание собственно научного оборудования и специализированного программного обеспечения либо отсутствует, либо крайне скупо, в то время как вопрос о том, что модель научной установки и год ее ввода в действие гораздо важнее версии списка установленных офисных приложений в компьютерных классах.

3. В большинстве отчетов о самообследовании не приводятся данные о прохождении образовательной организацией профессионально-общественной аккредитации образовательных программ. Учитывая значимость признания работодателями качества и уровня подготовки выпускников образовательной организации, в отчете по итогам

самообследования (в разделе образовательной деятельности) предлагается в обязательном порядке указывать информацию о наличии или отсутствии у образовательной организации свидетельств о профессионально-общественной аккредитации образовательных программ.

4. Важным направлением анализа международной деятельности образовательной организации представляется наличие программы двойных дипломов, ее реализация совместно с образовательной организацией иностранного государства, а также сетевая форма взаимодействия. В отчете по итогам самообследования в связи с этим следует указывать данные о наличии/отсутствии таких форм сотрудничества.

5. Учитывая значимость осуществления процесса воспитания обучающихся при освоении ими образовательных программ высшего образования, необходимо в отчете по итогам самообследования образовательной организации (в разделе внеучебной работы) отражать результаты осуществления воспитательного процесса с обучающимися по основным направлениям воспитательной работы, изложенным в рабочей программе воспитания образовательной организации.

6. Принимая во внимание тот факт, что отчет о самообследовании может являться одним из основных

документов для анализа информации о деятельности образовательной организации при прохождении аккредитационного мониторинга, в отчете о самообследовании надлежит указывать данные, используемые для определения аккредитационных показателей.

Таким образом, проводить какой-либо анализ деятельности образовательной организации высшего образования основываясь на материалах из отчетов о самообследовании – весьма затруднительная задача. Целесообразнее было бы установить более четкую внутреннюю структуру каждого раздела по типу ГОСТ с указанием обязательных и необязательных для заполнения подразделов в зависимости от типа ОО ВО и подраздела «Прочее» для всего остального, что образовательная организация почитает нужным отразить.

Анализ отчетов о самообследовании образовательных организаций высшего образования с учетом проделанной выборки свидетельствует о том, что необходимо разработать более строгие требования как к оформлению отчета, так и к объему отражаемой в нем информации с учетом дальнейшей возможности применения и востребованности данных сведений при прохождении процедуры профессионально-общественной аккредитации и государственной аккредитации, поскольку

сами по себе отчеты содержат широкий объем информации, который не отражает главную суть основных разделов, утвержденных Приказом Минобрнауки России от 10 декабря 2013 г. № 1324 «Об утверждении показателей деятельности образовательной организации, подлежащей самообследованию».

Для ОО ВО с различными укрупненными группами специальностей и направлений подготовки целесообразно проводить анализ внутри каждого раздела как в общем, так и в разрезе каждой укрупненной группы специальностей и направлений подготовки, указывая исключительно для нее перечень научного оборудования, специальных учебных помещений, пройденные профессорско-преподавательским составом курсы повышения квалификации и т.д.

Следует также отметить, что наличие нескольких целей подготовки отчета, например «обеспечение доступности и открытости

информации о деятельности образовательной организации» и «оценка образовательной организации», не способствует отражению в отчете результатов именно анализа ситуации в ОО ВО, поскольку руководство ОО ВО, размещая отчет в открытом доступе и направляя его учредителю для оценки своей деятельности, очевидно, опасается явно упоминать сколько-нибудь серьезные недостатки и проблемы, а стремится показать «товар лицом». Возможно, в этих целях следовало бы несколько изменить формат отчета (например, сохранив существующие «справочные» части в открытом доступе, добавив также и собственно «аналитическую часть», которая не публиковалась бы в открытом доступе) или вовсе сделать отчет закрытым (сведения, обязательные к раскрытию, во многом дублирующие отчет, и так обязательны к размещению на официальных сайтах образовательных организаций высшего образования).

Библиографический список

1. *Заметина Т. В., Комбарова Е. В., Щербакова О. В.* Цифровая трансформация образования в условиях социально-экономических и технологических изменений // *Инновационное развитие: потенциал науки, бизнеса, образования: монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева.* Пенза, 2022.
2. *Щербакова О. В., Боярская Ю. Н., Комбарова Е. В., Шкрябина А. Е.* Процедура самообследования образовательной организации в условиях цифровой трансформации образовательного процесса: основные направления совершенствования // *Евразийский юридический журнал.* 2022. № 7(170).

3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 14 июля 2022 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2022 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2022. № 29, ч. 3, ст. 5265.

4. Приказ Минобрнауки России от 14 июня 2013 г. № 462 «Об утверждении Порядка проведения самообследования образовательной организацией» (зарегистрирован в Минюсте России 27 июня 2013 г. № 28908; в ред. от 14 декабря 2017 г.) // Российская газета. 2013. 12 июля; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.01.2018).

5. Приказ Минобрнауки России от 10 декабря 2013 г. № 1324 «Об утверждении показателей деятельности образовательной организации, подлежащей самообследованию» (зарегистрирован в Минюсте России 28 января 2014 г. № 31135; в ред. от 15 февраля 2017 г., с изм. от 6 мая 2022 г.) // Российская газета. 2014. 19 февр.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2022).

6. Письмо Минобрнауки России от 20 марта 2014 г. № АК-634/05 «О проведении самообследования образовательных организаций высшего образования» (вместе с «Методическими рекомендациями по проведению самообследования образовательной организации высшего образования», «Методикой расчета показателей деятельности образовательной организации высшего образования, подлежащей самообследованию») // Официальные документы в образовании. 2014. № 12, апрель (приказ, приложение № 1), № 13, май (приложение № 2).

7. Чернышенко поручил создать в вузах должность проректора по цифровизации // Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». URL: <https://tass.ru/obschestvo/10850315> (дата обращения: 10.09.2022).

Ю. В. Куземко,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры физической культуры и спорта
Саратовской государственной юридической академии

Е. В. Трушечкина,

старший преподаватель
кафедры физической культуры и спорта
Саратовской государственной юридической академии

О. В. Пурахина,

старший преподаватель
кафедры физической культуры и спорта
Саратовской государственной юридической академии

ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО СПОРТСМЕНА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

59

В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, всесторонне поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Отдельное положение ч. 2 ст. 61 Конституции РФ гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за пределами Российской Федерации [1]. Это означает, что Конституция обеспечивает принятие государством мер для недопустимости дискриминации граждан России, участвующих в международных соревнованиях. Нормы Концепции внешней политики РФ в качестве одного из приоритетных направлений в сфере гуманитарного сотрудничества и прав человека устанавливают защиту законных интересов спортсменов, выступа-

ющих под флагом страны – участника соревнования. Реализация своих прав находится во взаимосвязи с физической культурой и спортом. Правовой аспект видится нам в возмездности характера деятельности профессиональных спортсменов, то есть в получении заработной платы от физкультурно-спортивной организации, с которой заключен трудовой договор, а не от организаторов соревнований, как привыкли думать обыватели [2]. В ст. 6 Федерального закона «О физической культуре и спорте» в качестве одного из полномочий Российской Федерации в области культуры и спорта выделено участие в организации мероприятий по подготовке спортивных сборных команд к Олимпийским играм, Паралимпийским играм, Сурдлимпийским играм и другим международно-спортивным соревнованиям и предоставлении общероссийским спортивным федерациям финансовой и иной поддержки [3]. Законодатель наделил спортсменов правом на участие в соревнованиях по выбранным видам спорта, установив регламент спортивных соревнований, а также правом на получение спортивных разрядов и званий при выполнении норм и требований, соответствующих их спортивной квалификации. Таким образом, закон не содержит запрета на участие спортсменов в спортивных соревнованиях, но,

исходя из содержания положения, спортсмен должен понимать, что его право на получение спортивных разрядов и званий не может быть реализовано и результаты, показанные на соревновании, не могут быть официальными (случай, когда спортсмен из другого субъекта). Между тем это не означает, что при неофициальном подведении итогов спортсмен исключается из числа победителей и призеров соревнования (из содержания Письма Министрства спорта РФ от 17 мая 2019 г. №01-5-10/5060). В настоящее время в спортивной реальности реализуется трехуровневая концепция системы органов, которые создают и исполняют правовые акты в области международного спортивного права.

Первый уровень – МОК, главными целями которого являются поддержка и развитие спорта, организация и проведение Олимпийских игр, финансирующий международные спортивные организации, а также имеющий полномочие по отстранению россиян от всех международных соревнований, за исключением спортсменов, имеющих нейтральный статус. Данное обстоятельство представляется неразрешимой дилеммой, состоящей в невозможности в полном объеме выполнить олимпийскую миссию, которая заключается в защите спортсменов через спортивные соревно-

вания. Выход из подобной ситуации видится в рекомендации международным федерациям не отстранять спортсменов от соревнований, основываясь только на их гражданстве, в целях сокращения тенденции к политизации спорта. Так, глава МОК Томас Бах заявил, что в случае снятия санкций именно политики и правительства стран будут диктовать, в каких соревнованиях участвовать россиянам, а спортивные санкции нужны, чтобы защитить, но не наказать. Свои ценности международное сообщество решило отстаивать твердо и настаивает на отслеживании ситуации, игнорировании пропагандистской машины – популярного инструмента для санкций «око за око», в том числе и в спорте.

Второй уровень – международные спортивные федерации, которые разрабатывают собственные регламенты, обязательные для исполнения участниками спортивной семьи. Например, ФИФА предложила изменить рассмотрение дела об отстранении сборной России от участия в различных международных турнирах и соревнованиях. В результате суд в Лозанне отказал РФС в требованиях и вынес окончательное решение по делу. Так, в части 103 суд указал, что дальнейшее участие сборной России по футболу в отборочных соревнованиях и на Чемпионате мира 2022 г.

в Катаре угрожает нарушению целостности соревнования. В части 104 решения суда установлено, что интересы и безопасность спортсменов, официальных лиц и российских спортсменов превалирует над интересами РФС в данном деле. При этом суд усомнился в том, что принимающие стороны смогут обеспечить достойный уровень безопасности, который предотвратит потенциальные конфликты [4, с. 183].

Третий уровень – группа национальных спортивных федераций, которые разрабатывают собственные внутренние регламенты по каждому виду спорта, соответствующие регламентам МОК и международных спортивных федераций. В Российской Федерации существуют необходимые условия для успешного функционирования арбитражных (третейских) органов, разрешающих спортивные споры на национальном уровне. Большинство споров связано со спортом высших достижений, профессиональным спортом, а оперативное рассмотрение и разрешение спортивных споров посредством третейского разбирательства является весьма качественным и надежным способом их решения. Как показала мировая практика, один из наиболее распространенных и оптимальных способов создания третейского суда – учреждение специализированного спортивно-

го некоммерческого арбитражного центра, в структуру которого входит третейский суд: Национальный спортивный центр по разрешению споров в Австралии, National Sport Dispute Centre [5]. Например, во исполнение Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры, Всемирного антидопингового кодекса ВАДА спортивный арбитраж разрешает споры, связанные с нарушением антидопинговых правил, которые возникли между дисциплинарным комитетом Российского антидопингового агентства и спортсменом либо иными лицами, которым Всемирным антидопинговым кодексом предоставлено право на апелляцию.

В период сентябрь–ноябрь 2022 г. исследовательской группой Саратовской государственной юридической академии был проведен экспертный опрос, целью которого стало выявление общественного мнения по проблеме правового статуса российского спортсмена в условиях санкций. Целевой группой являлись студенты выпускных курсов указанного образовательного учреждения и профессиональные спортсмены воднолыжники, многократные участники соревнований международного уровня старше 18 лет, которым было предложено ответить на ряд вопросов, касаю-

щихся, в частности, представления о профессиональной деятельности спортсмена, степени осведомленности о проблемах спортивной сферы в связи с санкциями, предполагаемых нарушенных прав российских спортсменов в период введения международных ограничений.

Анализ совокупных результатов опроса показал, что более 50% респондентов ранее занимались и занимаются профессионально спортом, то есть имеют определенные награды, призы или получили соответствующее образование в фитнес-индустрии, успешно реализованы в данной сфере, менее 5% признались в пониженном интересе к данному вопросу, более 20% и сейчас продолжают активно заниматься спортом.

На вопрос об осведомленности о проблемах в спортивной сфере в связи с санкциями 80% экспертов продемонстрировали хорошую осведомленность о данном явлении, хотя 10% посчитали, что осведомлены не в достаточной мере, остальные либо затруднились ответить, либо плохо осведомлены. 100% респондентов уверены, что санкции нарушают права российских спортсменов, причем многие эксперты столкнулись с этой проблемой лично, в частности при проживании не только в России, но и за рубежом. Так, большинство из них в период с марта 2022 г. поделились, что стал-

квивались с трудностями в приобретении в полном объеме спортивных товаров, инвентаря из-за ограничений, распространенных на российских спортсменов-покупателей, блокировки российских пользователей на сайтах интернет-магазинов. Без внимания остались формулировки «меня это не касается», «нет, не знаю» – 0% соответственно, «другой вариант» – 0%.

На вопрос о факте содействия общероссийских спортивных федераций по выбранным видам спорта в защите прав и законных интересов спортсменов в международных спортивных организациях более 90% респондентов апеллировали к отдельным положениям ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», где закреплены основные права и обязанности спортсменов, а именно право на выбор видов спорта, на беспрепятственное свободное участие в спортивных соревнованиях по выбранным видам спорта в порядке, установленном непосредственно правилами этих видов спорта и регламентами о спортивных соревнованиях, на включение в состав спортивных сборных команд Российской Федерации при условии соответствия критериям отбора спортсменов и соблюдения текущего законодательства при порядке формирования спортивных сборных команд,

на получение спортивных разрядов и спортивных званий при выполнении норм и требований Единой всероссийской спортивной классификации, на заключение трудовых договоров в порядке, установленном трудовым законодательством. У 10% респондентов заинтересованность в данном положении не обнаружена. Основными источниками информации для экспертной группы по этому вопросу стали сведения о состоянии и развитии спортивной сферы в период санкций из интернета, например блоги, телевидение.

На вопрос «Готовы ли Вы проявить правотворческую инициативу в совершенствовании правового законодательства в области спорта, защиты конституционных прав и деятельности национального арбитражного спортивного суда?» более 70% ответили, что готовы уделить время, если это поможет, остальные считают, что могли бы уделить некоторое время в случае чрезвычайных ситуаций, у 10% в результате не оказалось ни желания, ни времени, ни возможности участвовать в решении подобных вопросов.

Такие результаты объясняются высокой степенью правотворческой активности студентов-юристов, их научно-исследовательским потенциалом в изучении данного аспекта проблемы, а также профес-

сиональной заинтересованностью профессиональных действующих спортсменов. Кроме того, анализ международно-правовых актов выявил отсутствие руководства конкретными нормами спортивного права при введении санкций в отношении российского спорта. Не умалять статус российского спортсмена в международной правовой системе призван плод концепции многополярности политической системы – резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, которая ввела в оборот понятие олимпийского перемирия в рам-

ках утверждения мира и построения более счастливой жизни на планете посредством спорта и воплощения олимпийских идеалов, в рамках которой государства-члены в идеале должны соблюдать право на безопасный проезд, доступ и участие спортсменов, должностных лиц и других аккредитованных лиц, принимающих участие в Олимпийских и Паралимпийских зимних играх, посредством других надлежащих мер, обеспечив безопасность при проведении спортивных мероприятий.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 97-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1, ст. 3.
3. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50, ст. 6242.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 2019 г. № 74/16 «Утверждение мира и построение более счастливой жизни на планете посредством спорта и воплощения олимпийских идеалов» // Сайт ООН. URL: <http://www.un.org>
5. Кодекс международного спортивного арбитража (действует с 22 ноября 1994 г.) // Настольная книга спортивного менеджера: справ. пособие. М., 1997.

А. А. Малышева,

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры финансового, банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной юридической академии,

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСТВА ФИНАНСОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Каждый человек постоянно сталкивается с различными финансовыми услугами и финансовыми продуктами. Часто достаточно сложно разобраться в них без базовых юридических и экономических знаний. Для того чтобы граждане могли свободно ориентироваться в различных финансовых услугах, выбирать и осуществлять действительно важные для них, а не навязанные различными субъектами, государство ведет планомерную обширную работу по повышению уровня финансовой грамотности в России. Но что же представляет собой финансовая грамотность?

Понятие «финансовая грамотность» урегулировано законодательно. В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» (далее – Стратегия повышения финансовой грамотности в России на 2017–2023 годы); финансовая грамотность представляет собой результат процесса финансового образования, который определяется как сочетание осведомленности, знаний, умений и поведенческих моделей, необходимых для принятия успешных финансовых решений и в конечном итоге для достижения финансового благосостояния [1].

Основой финансово грамотного поведения выступает сочетание финансовых знаний, установок, норм и практических навыков, требующихся для принятия успешных и ответственных решений на финансовом рынке и являющихся результатом целенаправлен-

ной деятельности по повышению финансовой грамотности.

С понятием «финансовая грамотность» тесно связано понятие «финансовая культура населения». Определяя его содержание, стоит отметить, что это совокупность традиций, норм и идей, отражающих уровень финансовой грамотности, навыки и поведение людей в области финансовых отношений, финансового планирования и распределения денежных средств при существующем уровне развития в обществе инфраструктуры рынка, финансовых институтов и различных ценностей финансовой сферы, имеющих материальное воплощение и созданных целенаправленным воздействием людей.

Таким образом, представляется возможным определить, что финансовая грамотность – это сами знания, а финансовая культура – это применение таких знаний в конкретных ситуациях.

К сожалению, в настоящее время особенностью финансовой культуры россиян является недостаточный уровень финансовой дисциплины и ответственности за риски, связанные с самостоятельным выбором и использованием различными финансовыми услугами и финансовыми инструментами.

В соответствии со статистическими данными, указанными в Стратегии повышения финансо-

вой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы, более 20% трудоспособного населения полагают, что небольшая задержка во внесении платежей по кредиту не страшна. По мнению 37% потребителей, возвращать взятый в банке кредит не обязательно, если этому препятствуют непредвиденные обстоятельства (потеря работы, болезнь, развод, переезд).

Высокую озабоченность вызывает и тот факт, что, по результатам социологических исследований, каждый пятый респондент, имеющий кредит (22%), отметил, что выплаты по кредиту занимают более 30% доходов, а 68% опрошенных заявили, что отдадут более 50% своих доходов [1].

Низкий уровень финансовой грамотности населения определяет недоверие граждан к финансовым организациям, финансовому рынку и банковской системе, что в конечном итоге препятствует экономическому развитию страны и негативно влияет на качество жизни населения в России.

Цифровизация, развитие финансовых технологий, расширение и усложнение услуг и сервисов определили новые тренды финансовой культуры [2], к числу которых относятся следующие:

1) проблемное поле финансового просвещения расширилось: оно теперь включает в себя инвестици-

онную грамотность, общественные финансы, навыки жизни в цифровой среде, а также умение противодействовать психологическому давлению как со стороны мошенников, так и со стороны недобросовестных продавцов товаров и услуг, особенно финансовых;

2) цифровые решения в приоритете: без них в современном мире невозможно решение ни одной серьезной социальной задачи, они позволяют сделать то, что казалось нереальным еще совсем недавно, – перейти от точечного информирования по отдельным вопросам к комплексной поддержке всех финансовых и жизненных решений человека;

3) финансовая грамотность движется из образовательной сферы в сферу поведенческую: главная задача теперь не просто ликвидация безграмотности, а формирование финансовой культуры, то есть не только знаний, но и навыков, и привычек;

4) финансовая грамотность неразрывно связана с защитой прав потребителей: механизмы должны становиться проще и понятнее, чтобы быть доступными для человека без финансового или юридического образования. И одновременно такие процессы должны стать источником обратной связи, помогая постоянно совершенствованию регулирования.

Таким образом, в современной России существует проблема низкого уровня финансовой грамотности и финансовой культуры населения, устранение которой необходимо в целях экономического развития страны и повышения качества жизни населения.

Сегодня государство осуществляет планомерную правовую политику по повышению уровня финансовой грамотности и финансовой культуры своих граждан, в том числе и на региональном уровне [3]. Ее основой является Стратегия повышения финансовой грамотности в России на 2017–2023 годы.

К основным субъектам, реализующим полномочия в сфере повышения уровня финансовой грамотности населения, принадлежат Министерство финансов РФ и Банк России.

Так, Дирекция финансовой грамотности Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ реализует национальную программу повышения уровня финансовой грамотности населения, осуществляет координацию деятельности министерств и ведомств, общественных и коммерческих организаций в рамках Стратегии повышения финансовой грамотности населения в Российской Федерации. Дирекция финансовой грамотности ведет образовательно-просветительский

сервис «Моифинансы.рф» [4]. Это проект об осознанном финансовом поведении.

Масштабную работу в области повышения уровня финансовой грамотности и финансовой культуры в России осуществляет также Центральный банк РФ. Он реализует два основных проекта: просветительский портал «Финансовая культура» (<https://fincult.info/> [5]), Ассоциация развития финансовой грамотности (<https://fincubator.ru/> [6]) (далее – АРФГ).

В настоящее время одним из основных направлений деятельности Ассоциации развития финансовой грамотности является подготовка волонтеров финансового просвещения, которые безвозмездно помогают другим овладеть базовым набором знаний и навыков в сфере финансовой грамотности. Однако необходимо понимать, что, прежде чем осуществлять помощь в овладении базовым набором знаний и навыков, такие лица сами должны обладать знаниями в области финансовой грамотности.

Думается, что одним из эффективных направлений повышения уровня финансовой грамотности населения должно быть развитие волонтерства финансового просвещения в студенческой среде образовательных организаций юридического профиля. Этому способствует несколько факторов.

Во-первых, возможность осуществления обучения по финансовой грамотности и прохождения курсов АРФГ под контролем квалифицированных преподавателей (в данном случае преподаватели сами выступают в роли своеобразных волонтеров финансового просвещения для обучающихся); во-вторых, финансовое просвещение при этом не только возможно в рамках определенных целевых групп населения, но и осуществляется студентами среди своих друзей и семьи; в-третьих, обучающиеся могут формировать собственные проекты по финансовой грамотности и волонтерству в сфере финансового просвещения, получать конструктивные советы от преподавателей при их подготовке и, возможно, в дальнейшем грантовую поддержку для реализации своих инициатив.

Таким образом, на сегодняшний день государством констатируется низкий уровень финансовой грамотности населения в России. Одним из вариантов решения данной проблемы видится развитие волонтерства финансового просвещения в студенческой среде образовательных организаций юридического профиля. Это позволит:

создать основу для финансово грамотного поведения обучающихся как необходимого условия повышения уровня и качества их жизни; сформировать у них знания, умения

и навыки планирования своих доходов и расходов, рационального выбора финансовых услуг, распознавания признаков финансового мошенничества, защиты прав потребителей финансовых услуг, рисков на рынке финансовых услуг;

осуществлять посредством участия обучающихся финансовое просвещение различных специализиро-

ванных групп населения (например, посетителей юридической клиники), а также повышать уровень финансовой грамотности их друзей и семьи;

формировать и реализовывать студенческие социально значимые инициативы (в виде проектов) по повышению уровня финансовой грамотности и финансовой культуры населения.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» // СЗ РФ. 2017. № 40, ст. 5894.

2. Кокорев А. С. Повышение финансовой грамотности экономических субъектов в области цифровизации // Московский экономический журнал. 2022. № 3. С. 292–303.

3. Худько Е. Региональные аспекты реализации программ повышения финансовой грамотности в Российской Федерации // Экономическое развитие России. 2018. № 2. С. 78–87.

4. Образовательно-просветительский сервис «Мои финансы». URL: <https://моифинансы.рф> (дата обращения: 29.10.2022).

5. Просветительский портал «Финансовая культура». URL: <https://fincult.info/> (дата обращения: 29.10.2022).

6. Ассоциация развития финансовой грамотности. URL: <https://fincubator.ru/> (дата обращения: 29.10.2022).

М. А. Пазына,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

О ПРИРОДЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Как известно, предшественником предпринимательского права являлось хозяйственное право, которому был свойствен административно-плановый характер. Однако с развитием рыночной экономики и признанием права каждого на осуществление деятельности, направленной на получение прибыли, огосударствление хозяйственных отношений уменьшилось, и более широкое распространение получил термин «предпринимательское право».

Место предпринимательского права в системе права и его существенные характеристики остаются спорными вопросами и в настоящее время. Следует предположить, что одним из вариантов завершения данной дискуссии может стать принятие Предпринимательского кодекса РФ, который бы выделил сферу предпринимательства в отдельную область права и поставил вопрос о самостоятельности предпринимательского права под другим углом.

Говоря о соотношении предпринимательского права с гражданским, констатируем тот факт, что определение предпринимательской деятельности содержится в ГК РФ и имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие в сфере предпринимательства, регулируются гражданским правом.

О. Н. Садиков отмечает, что «основным предметом гражданского права, определяющим его природу, назначение и правовые особенности, являются имущественные отношения рынка, которые в законодательстве и литературе именуется также экономическими, предпринимательскими и хозяйственными» [1, с. 2].

Несколько иной позиции придерживается В. С. Белых, полагая, что имущественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением хозяйствующими субъектами предпринимательской деятельности, входят в предмет предпринимательского

(хозяйственного права), но остаются и в сфере гражданского права. Это обусловлено тем, что предпринимательское право, будучи комплексной отраслью, берет за основу первичные институты и нормы из гражданского права как основной и самостоятельной отрасли права [2, с. 8].

Действительно, договорные отношения практически всецело подчинены гражданскому праву, независимо от того, являетесь вы предпринимателем или обычным гражданином. Между тем не следует забывать о том, что наличие в ГК РФ определенного количества норм, опосредующих предпринимательский оборот, свидетельствует о существовании (помимо бытового) особого режима правового регулирования, посвященного предпринимательству. Так, ГК РФ закрепляет по общему правилу презумпцию вины лица, которое не исполнило обязательство или исполнило его ненадлежащим образом при осуществлении предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 401); правила одностороннего изменения условий обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности (п. 2 ст. 310). Упоминание о предпринимательской деятельности или предпринимателях содержится в ст. 132, 184, 315, 317.1, 333 ГК РФ и других.

Стоит помнить о том, что предпринимательская деятельность – это деятельность, которая подчиняется особым правилам о лицензировании, техническом регулировании, конкуренции и т.д. Все это характеризуется в большей степени императивным порядком, который не свойствен свободной и равноправной гражданских правоотношений. Здесь можно привести такой пример: за ходом договорных отношений следят только контрагенты. Если ни один из них не подаст заявление в суд со своими требованиями, то и фиксации нарушения прав, как правило, не будет. Что касается предпринимательской деятельности, то специально созданные органы в зависимости от наделяемой государством компетенции пристально следят за соблюдением предпринимателями требований закона в сфере осуществления предпринимательской деятельности. Обращает на себя внимание также факт, что юридическое лицо или ИП приобретают статус субъекта предпринимательства с момента государственной регистрации, а, например, до самой продажи товаров (как вида предпринимательской деятельности, осуществляемой посредством договорного регулирования) дело может и не дойти. Все это свидетельствует о том, что предпринимательское право выходит за рамки гражданского права и имеет собственную специфику.

Дискуссию о сепарации предпринимательского права от гражданского логично было бы продолжить рассмотрением вопроса о предмете предпринимательского права. Опираясь на уже классическое деление отношений, входящих в предмет предпринимательского права [3, с. 5], предлагается выделить только две группы отношений, каждая из которых включает в себя отношения как горизонтального, так и вертикального характера.

Отношения первой группы связаны с *непосредственным осуществлением предпринимательской деятельности* и включают в себя:

отношения, направленные на получение прибыли. Они характеризуются как горизонтальные, поскольку возникают между равноправными хозяйствующими субъектами в процессе заключения различных гражданско-правовых договоров, опосредующих предпринимательскую деятельность;

отношения, связанные с государственным регулированием предпринимательской деятельности в процессе ее осуществления. Это вертикальные отношения, возникающие между неравноправными субъектами, государством и предпринимателем, по поводу обязанности предпринимателя уплачивать предусмотренные законодательством налоги и иные платежи, соблюдать требования,

установленные к рекламе, техническому регулированию, в сфере конкуренции и т.д.

Отношения второй группы, составляющие предмет предпринимательского права, связаны с *организацией и функционированием предпринимательской деятельности* и включают в себя:

отношения, связанные с пониманием предпринимателя как лица, самостоятельно решающего вопросы создания (например, основание нового бизнеса или аренда (или покупка) существующего, выбор наименования, организационно-правовой формы), а также реорганизации и ликвидации своего бизнеса; вопросы обеспечения нормальных условий ведения бизнеса (например, приобретение в собственность или в аренду помещения; подбор персонала и т.д.); вопросы внутрихозяйственного устройства (формирование структуры организации) и внутрикорпоративных отношений (принятие решения о распределении прибыли общества между его участниками, о размещении обществом облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг и т.д.). В данную группу также входят отношения, связанные с деятельностью некоммерческих организаций, созданных в целях содействия предпринимательству (СРО);

отношения, связанные с участием государства в ходе органи-

зации и функционирования предпринимательской деятельности. Так, у предпринимателя возникают обязанности по государственной регистрации в качестве юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, обязательной реорганизации юридических лиц, очередности удовлетворения требований кредиторов при банкротстве и т.д.

Как видим, отношения, входящие в предмет предпринимательского права, отличаются разнообразием, при этом все они связаны с осуществлением предпринимательской деятельности, что позволяет выделить две особенности предпринимательского права. Одна заключается в сочетании частных и публично-правовых элементов, другая – в опосредовании предпринимательским правом отношений, затрагивающих другие

отрасли права (гражданское, административное, налоговое и иные).

Объединение предпринимательским правом норм частного и публичного характера предопределяет выделение двух его методов: диспозитивного и императивного, причем равноправное их сочетание и теснейшее взаимодействие (что не присуще другим отраслям права, где имеет доминирующее значение лишь один из указанных методов).

Таким образом, можно говорить, что *предпринимательское право* представляет собой комплексную отрасль права – совокупность правовых норм, регулирующих как частноправовые, так и публично-правовые отношения, связанные с непосредственным осуществлением предпринимательской деятельности, а также с ее организацией и функционированием.

Библиографический список

1. Гражданское право Российской Федерации: учебник: в 2 т. / под ред. О. Н. Садикова. М., 2009. Т. 1. 493 с.
2. Белых В. С. О понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права // Предпринимательское право. 2012. № 3. С. 5–12.
3. Российское предпринимательское право: учебник / Д. Г. Алексеева, В. К. Андреев, Л. В. Андреева и др.; отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. М., 2011. 1072 с.

О.В. Пискунова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии

РИСК КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Происходящие в настоящее время глобальные изменения поставили мир перед лицом новой социальной реальности, основными чертами которой являются неопределенность и риск, что объясняет актуальность проблем риска применительно к различным сферам общественной жизни. В современном мире нет областей общественной деятельности, абсолютно свободных от риска, без которого, не станем отрицать, невозможен успех. Способность и умение действовать в условиях риска, минимизировать его негативные последствия и прогнозировать их – это необходимые атрибуты реализации всех социальных стратегий.

Ежедневно государство разрабатывает и принимает множество решений, облеченных в форму концепций, программ, законов, подзаконных нормативных актов, требующихся для достижения определенных целей и решения задач. Однако существующая действительность вносит свои коррективы, порождает «сбои», и возникает феномен риска.

Риск – неотъемлемый спутник практически всех сфер общественных отношений, что объясняется вариативностью деятельности и многообразием необходимых для достижения определенных целей и задач решений.

Категория «риск» была известна еще римскому праву и развивалась параллельно с развитием государства и права, во многом в результате развития экономических отношений. Установлено, что первоначальное введение в правовой оборот категории «риск» связано с договором страхования. По словам В. И. Серебровского, термин «риск» имеет португальское происхождение и переводится как отвесная скала [1, с. 537]. Развитие мореплавания обусло-

вило необходимость включения категории «риск» в ряд договоров, связанных с возможностью угрозы для кораблей. Дальнейшее развитие страхового права позитивным образом сказалось на расширении сферы применения категории «риск»: он стал обязательным компонентом всех договоров страхования и был связан в первую очередь с выплатой компенсации или возмещением ущерба застрахованному лицу [2, с. 14].

Предметом особого исследования риск стал в конце XIX – начале XX в. в философии и социологии, что во многом связано с развитием экономических отношений, предполагающих ряд потрясений. Однако, как уже отмечалось, упоминание о риске (от лат. *risicare* – «решиться») встречается значительно раньше. Так, в период между Средневековьем и Новейшим временем люди все происходящее с ними стали связывать не только с божественными силами, но и непосредственно с сознанием, разумом человека [3, с. 32]. Этому периоду было свойственно понимание риска как вероятности наступления неблагоприятных последствий.

В настоящее время в энциклопедических и специальных словарях содержатся различные интерпретации термина «риск». В словаре Уэбстера риск определяется как «вероятность ущерба

или потерь» [4, с. 428], в словаре С.И. Ожегова – как «действие на удачу в надежде на счастливый исход» [5, с. 724].

В толковом словаре В.И. Даля риск сравнивается с отвагой, смелостью, решимостью и предприимчивостью, при этом подчеркивается, что такие действия совершаются на авось, в надежде на удачу [6, с. 352]. В словаре Т.Ф. Ефремовой риск трактуется как «возможная опасность» [7, с. 739].

Научая литература пестрит многообразием определений риска, но чаще всего он отождествляется с вероятностью наступления неблагоприятных последствий, возможностью наступления убытка, ущерба, вреда. «Риском является сама возможность нежелательного развития событий, а не конкретное событие или иной факт, вызывающий негативные последствия» [8, с. 9]. Н.А. Власенко определяет риск как «волевое и осознанное характером поведение лица, которое рассчитывает на благоприятный исход в условиях, когда может возникнуть нежелательное для лица негативное последствие» [9, с. 78].

А.А. Арямов отмечает, что «риск – это сознательное волевое поведение лица, направленное на достижение правомерного положительного результата в ситуации с неоднозначными перспективами

развития, предполагающей вероятное наступление неблагоприятных последствий, повлекшее причинение прогнозируемого вреда» [10, с. 12–13].

В. А. Копылов трактует риск как «психическое отношение лица к результату собственной деловой деятельности или активности других лиц, а также объективные случайные события, выражающиеся в осознанном допущении вероятности наступления отрицательных имущественных и иных последствий» [11, с. 14].

По словам Ю. А. Тихомирова, «риск – вероятное наступление события и совершения действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере. Для правового риска характерны причинная зависимость между нормативной моделью и реальностью, в виде каналов прямых и обратных связей, иными словами, опасное отклонение от норм права» [12, с. 9].

Конструкция риска в различных проявлениях используется практически во всех отраслях российского права. Так, в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ), в ст. 211, установлено, что «риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законом или договором» [13]. Схожие

нормы представлены и в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ). Статьей 14 УК РФ регламентировано, что «риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам» [14].

В ст. 2 Федерального закона «О техническом регулировании» закреплено положение, согласно которому «риск – вероятность причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда» [15].

Такое активное оперирование термином «риск» в нормативных актах еще раз подтверждает его особую значимость в общественной жизни, связанную с возможностью наступления рискованных моментов (ситуаций) и необходимостью их разрешения, предотвращения.

Анализ вышеизложенных трактовок исследуемого понятия позволяет прийти к выводу об узком его понимании как возможности наступления негативных последствий. Однако, полагаем, правовой

риск вариативен, данный институт значительно богаче по содержанию и связан не только с негативными последствиями.

Следует остановиться на познании и другой содержательной стороны риска. Так, венгерские экономисты в 1979 г. разработали иную концепцию, согласно которой «риск – не ущерб, который наносится реализацией решения, а возможность отклонения от цели, ради достижения которой было принято решение» [16, с. 18]. Указанные отклонения могут иметь как положительный, так и отрицательный характер. Вслед за венгерскими экономистами А. П. Альгин тоже рассматривает категорию риска широко, обращая внимание на качественную оценку данного понятия, хотя и не исключая количественной [17, с. 43].

Считаем, что риск следует рассматривать именно с позиции широкого подхода. Представляются справедливыми слова Д. В. Лубягина о том, что риск связан с вероятностью как возникновения убытков, так и получения дополнительной прибыли, то есть как негативных, так и позитивных последствий [18, с. 3].

Рассуждая о риске, следует обратить внимание на его связь с неопределенностью. Ряд исследователей полагают, что основное их отличие заключается в том, что

при риске количество возможных вариаций поведения и последствий точно не известно. По утверждению Н. А. Власенко, «природа рисков заключается в альтернативе результатов, а их обозначенность говорит об отсутствии неопределенности» [9, с. 79].

Единого похода к данному вопросу среди ученых не сложилось. Это объясняется тем, что в риске в зависимости от конкретной ситуации на первый план может выходить либо субъективное, либо объективное начало. Изложенное объясняет наличие нескольких подходов к пониманию природы риска. Так, в рамках субъективного подхода реальность и возможность наступления негативных последствий определяются психическим отношением человека к последствиям. В рамках объективного подхода вероятность наступления риска и последствий не зависит от воли и сознания субъекта. Известен еще интегративный подход, который представляется нам более предпочтительным, объединяющий в себе черты субъективного и объективного подходов.

Обобщая имеющиеся в научной литературе позиции по определению риска, можно выделить два основных подхода. Согласно первому, риск – это только материальные потери, согласно второму, риск – это не только возможные потери, но и предполагаемая удача.

В процессе познания природы риска нельзя не обратить внимание и на его соотношение с социальным риском, разновидностью которого он является. Так, риск в праве характеризуется рядом черт, свойственных риску как общесоциальной категории: обусловлен социальной действительностью, выражается в разных ситуациях, регулируется нормами различных отраслей. Вместе с тем риск как правовое явление обладает и своими специфическими чертами:

социально-правовая природа. Как уже отмечалось, причины появления риска формируются под влиянием социальных факторов, прежде всего социальных отношений, некоторые из которых нуждаются в правовом регулировании, которое невозможно вне учета рисков с целью избежания разногласий и споров между участниками правоотношений;

ситуативный характер. Риск сложно поддается прогнозированию, регенерации наступления возможных последствий. Субъект может посредством анализа ситуации, определенных обстоятельств предусмотреть возможность наступления тех или иных последствий;

альтернативность. Данная черта была отмечена А.П. Альгиным, который понимал под риском «необходимость выбора из двух или нескольких возможных вариантов,

решений, направлений, действий» [17, с. 19];

объективно-субъективная природа. Как указывалось ранее, субъективный фактор связан с волей и сознанием субъекта, позволяющими ему выбирать вариант поведения. Среди объективных факторов можно назвать стихийные бедствия, природные явления и т.п.;

наступление непредвиденных, как отрицательных, так и положительных, последствий. Эта черта наиболее ярко отражает вероятностную природу риска, отсутствие возможности точно и безоговорочно определить последствия. Последствия могут быть, например, в предпринимательской сфере как в виде убытков, так и виде прибыли;

применение в определенной сфере. Это позволяет выделять разные виды риска: правотворческий, правоприменительный, интерпретационный и др.

Подводя итог на основе обобщения характерных признаков риска, отметим, что он недостаточно исследован в юридической науке, но вместе с тем закреплен в ряде нормативных правовых актов. Преимущественно риск связан с наступлением неблагоприятных последствий. Особенности предмета правового регулирования позволяют установить различия в понимании риска в гражданском праве (в сфере частноправового регулиро-

вания) и в уголовном праве (в сфере публично-правового регулирования).

Итак, риск – это деятельность (действие, поступок, решение), один или несколько вариантов последствий которой могут оказаться неблагоприятными, неудачными или удачными с точки зрения ее изначальных целей. Необходимо

признать две трудности в формировании единого понятия и законодательного закрепления категории «риск», что обусловлено двумя причинами: существует большое количество рисков, исходя из этого сложно выделить атрибутивные признаки, в общественном сознании термин «риск» не воспринимается в юридическом значении.

Библиографический список

1. Экономика предприятия: учебник / под ред. Н. А. Сафронова. М., 1998. 584 с.
2. Тюляков Д. С. Риски и меры защиты в механизме правового регулирования: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 30 с.
3. Панфилова Э. А. Понятие риска: многообразие подходов и определений // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 30–34.
4. Уэбстера словари // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1977. Т. 27. С. 168–169.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2005. 938 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989. Т. 3. 629 с.
7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2005. Т. 1: А–Л. 1168 с. URL: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/> (дата обращения: 14.02.2023).
8. Российское предпринимательское право: учебник / под ред. В. А. Хохлова. М., 2009. 446 с.
9. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2014. 157 с.
10. Арямов А. А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ: монография. М., 2010. 171 с.
11. Копылов В. А. Риск в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2013. 23 с.

12. Тихомиров Ю.А., Шахрай С.М. Риск и право. М., 2012. 62 с.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 21 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 24 сентября 2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2022. № 39, ст. 6535.

15. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 52, ст. 5140; 2021. № 27, ст. 5179.

16. Мирнова Н.Г. Риски в праве: вопросы теории и практики // Юрист. 2017. № 5. С. 17–23.

17. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. 187 с.

18. Лубягина Д.В. Риск в публичном и частном праве // Финансовое право. 2015. № 7. С. 3–7.

П. Г. Потапенко,
главный специалист управления безопасности
ООО «Бэст-консалтинг» (г. Москва),
пенсионер органов прокуратуры РФ, советник юстиции

НЕОБХОДИМО ЛИ РЕФОРМИРОВАТЬ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В РОССИИ: НОВЫЙ ПОДХОД К РЕГЛАМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ИНСТИТУТА ПОДОЗРЕНИЯ (ЧАСТЬ 1)

В последнее десятилетие в науке уголовного процесса институту подозрения уделяется большое внимание, однако в уголовно-процессуальном законодательстве России в нормы, регламентирующие указанный институт, значительные изменения так и не внесены. И это понятно, поскольку без реформирования стадии досудебного уголовного судопроизводства в целом не получится по-новому регламентировать институт подозрения и органично встроить его в существующую систему уголовного процесса.

Действующая система досудебного уголовного судопроизводства, на наш взгляд, нуждается в реформировании. В настоящее время негативно влияют на уголовное судопроизводство и затягивают его на досудебной стадии следующие факторы: не ограниченный законом срок проведения доследственных процессуальных проверок в порядке ст. 144, 145 УПК РФ (на практике он ограничивается лишь сроком давности привлечения к уголовной ответственности); возможность проведения неограниченного количества дополнительных процессуальных проверок после отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и принятия по ним вновь промежуточных решений об отказе в возбуждении уголовного дела; возможность приостанавливать и, соответственно, возобновлять расследование уголовных дел неограниченное количество раз. Указанные факторы на практике приводят как к волоките проведения доследственных процессуальных проверок, так и к затягиванию сроков расследования уголовных дел. При этом одна

волокита наслаивается на другую, что нередко приводит к истечению сроков давности привлечения к уголовной ответственности виновных лиц либо к росту удельного веса нераскрытых преступлений.

Согласно сведениям ГИАЦ МВД России, на официальном сайте МВД России [1] размещены следующие статистические данные о состоянии преступности в России (табл.).

Таблица

**Краткая характеристика состояния преступности
в Российской Федерации**

	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Зарегистрировано преступлений (тыс.)	3554,7	2628,8	2388,5	2058,5	1991,5	2024,3	2044,2	2004,4
Не раскрыто преступлений (тыс.)	1658,8	1193,3	1047,1	886,8	860,4	915,2	963,8	933,3
Удельный вес нераскрытых преступлений от числа зарегистрированных (%)	46,7	45,4	43,8	43,0	43,2	45,2	47,1	46,5
Выявлено лиц, совершивших преступления (тыс.)	1844,6	1111,1	1075,3	967,1	931,1	884,6	852,5	848,3
Удельный вес выявленных лиц, совершивших преступления, от числа зарегистрированных преступлений (%)	51,9	42,3	45,0	46,9	46,7	43,7	41,7	42,3

На рис. 1 удельный вес нераскрытых преступлений от числа зарегистрированных преступлений (тыс.) изображен в виде диаграммы.

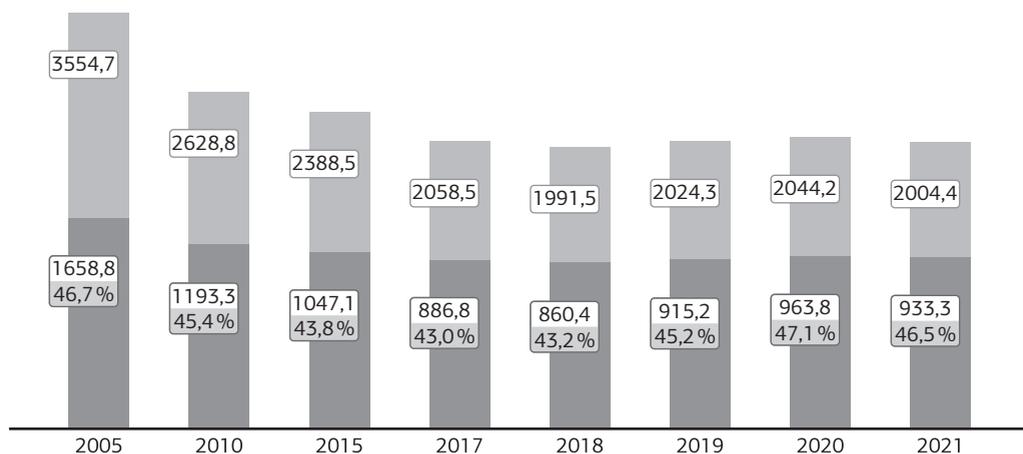

Рис. 1. Диаграмма удельного веса нераскрытых преступлений в Российской Федерации

Таким образом, на диаграмме видно, что с 2005 по 2017 г. в России отмечалось снижение удельного веса нераскрытых преступлений от числа зарегистрированных преступлений. Однако на протяжении практически последних пяти лет

отмечается рост удельного веса нераскрытых преступлений от числа зарегистрированных.

Диаграмма удельного веса выявленных лиц, совершивших преступления, от числа зарегистрированных преступлений представлена на рис. 2.

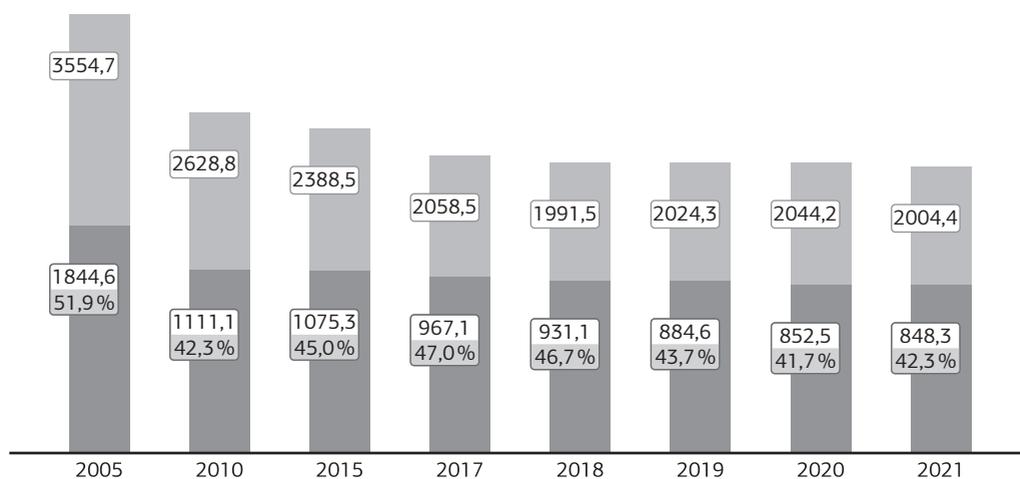

Рис. 2. Диаграмма удельного веса выявленных лиц, совершивших преступления в Российской Федерации

Судя по данной диаграмме, абсолютные числа и удельный вес выявленных лиц, которые совершили преступления, снижается с каждым годом.

Таким образом, за последние пять лет удельный вес нераскрытых преступлений увеличился, а число и удельный вес выявленных лиц, которые совершили преступления, уменьшилось.

Одной из причин этого, по нашему мнению, является несовершенство нормативного регулирования стадии досудебного судопроизводства, на которой этап доследствен-

ной проверки сообщений о преступлениях и стадия расследования «фактовых» уголовных дел (уголовных дел, по которым лица, подлежащие уголовному преследованию, не установлены) затянуты.

Автором предлагается собственная концепция реформирования стадии досудебного судопроизводства по схеме «сообщение о преступлении – возбуждение уголовного преследования – обвинительное заключение». Данная концепция разрабатывалась им еще в 2008–2012 гг., в период обучения в аспирантуре Академии Генераль-

ной прокуратуры РФ. Полагаем, что и до настоящего времени она не утратила своей актуальности.

В предложенной концепции законодательного регламентирования досудебного уголовного судопроизводства по схеме «сообщение о преступлении – возбуждение уголовного преследования – обвинительное заключение» стадия возбуждения уголовного дела исключается и существующая процедура предъявления обвинения заменяется на процедуру выдвижения подозрения, которая одновременно будет означать официальный момент начала возбуждения уголовного преследования.

В соответствии с действующими ныне нормами уголовно-процессуального закона уголовное преследование начинается с появлением процессуальной фигуры подозреваемого, то есть с момента возникновения одной из перечисленных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ ситуаций, с которыми закон связывает приобретение лицом статуса подозреваемого. С этого момента возникает официальная деятельность уполномоченных государственных органов по уголовному преследованию в форме подозрения. Уголовное преследование в форме подозрения, начавшись с появлением подозреваемого как участника уголовного судопроизводства, протекает до тех пор, пока уголовное преследова-

ние не будет прекращено (приостановлено) либо не изменится процессуальный статус подозреваемого на статус обвиняемого. Последняя ситуация является логическим продолжением обоснованно начатого уголовного преследования в форме подозрения. Обвиняемым признается, в частности, лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ).

В новых правовых условиях наметилась тенденция к снижению процессуального значения акта привлечения в качестве обвиняемого. Данное процессуальное решение перестало быть столь масштабным с позиций интересов защиты, поскольку уголовный процесс с его защитными процедурами «переместился» на более ранний этап досудебного производства. Есть основания для переосмысления и «репрессивной» роли привлечения в качестве обвиняемого.

Если ранее в советской науке уголовного процесса считалось, что до предъявления обвинения уголовного преследования нет, то есть на данном этапе функция расследования ни на кого не направлена (нейтральная по отношению к обвинению), то в настоящий момент общепризнано и нормативно закреплено положение о том, что обвинительная деятельность начинается задолго до предъявления обвинения.

Кроме того, на досудебной стадии уголовного судопроизводства практически устранены различия между первоначальным статусом подозреваемого и последующим статусом обвиняемого. Это обстоятельство подтверждается тем, что при производстве расследования в форме дознания привлечение лица в качестве обвиняемого по общему правилу не предусмотрено. Преследуемое лицо пребывает в статусе подозреваемого вплоть до окончания расследования уголовного дела и составления обвинительного акта. Предъявление обвинения при расследовании дела в форме дознания предусмотрено в случаях применения меры пресечения в виде заключения под стражу при условии, что расследование не может быть закончено в десятидневный срок.

Вывод о том, что привлечение в качестве обвиняемого теряет свое процессуальное значение, подтверждается также возможностью нахождения лица, в отношении которого возбуждено дело, в статусе подозреваемого не ограниченный законом период времени при расследовании дела в форме предварительного следствия. При этом, если продолжается поиск и сбор доказательств виновности лица, но их совокупность еще недостаточна для предъявления обвинения, никто не может утверждать, что права лица ущемляются самим фак-

том длительного его нахождения в статусе подозреваемого.

В уголовно-процессуальной теории отдельными авторами обоснованно ставится вопрос об исключении института привлечения в качестве обвиняемого или его принципиальном реформировании.

Известно предложение Б. Я. Гаврилова, предусматривающее «замену института предъявления обвинения на процессуальные нормы о привлечении лица в качестве подозреваемого, аналогичные процессуальным нормам, регулирующим предъявление обвинения в досудебном производстве» [2, с. 20].

Указанное предложение заслуживает внимания и, на наш взгляд, может быть реализовано посредством воплощения в жизнь концепции возбуждения уголовного преследования и выдвижения подозрения.

В период действия УПК РСФСР значение предъявления обвинения связывалось с тем, что официально появлялась функция обвинения, а следовательно, и корреспондирующая с ней функция защиты. Обвиняемый получал принципиально иные по качеству и более широкие по сравнению с подозреваемым права.

В настоящее время объем прав подозреваемого значительно сближился с объемом прав обвиняемого и практически не отличается от него [3, с. 153], имеются лишь различия

в их гарантиях, то есть в правовых средствах, обеспечивающих возможность реализации соответствующих прав и обязанностей [4], возникли предпосылки к тому, чтобы по-новому посмотреть на отношения по поводу уголовного преследования в форме подозрения и в форме обвинения. Как представляется, пределы судебного разбирательства должны зависеть от описания фактических обстоятельств деяния и его квалификации в обвинительном заключении (акте), выносимых по окончании всего предварительного расследования. Порядок выдвижения подозрения на досудебной стадии, независимо от того, исходит инициатива от органа дознания, следователя или прокурора, должен быть единым. Процедура выдвижения подозрения на основе постановления о возбуждении уголовного преследования, выносимого по итогам «первоначального расследования», осуществляемого с момента регистрации сообщения о преступлении, видится оптимальной.

Значение возбуждения уголовного преследования и выдвижения подозрения в предлагаемой концепции заключается в следующем:

1) лицо официально приобретает статус подозреваемого и, соответственно, получает возможность знать, в чем оно подозревается, а следовательно, целенаправленно

защищаться от уголовного преследования с момента его возбуждения;

2) возбуждение уголовного преследования и выдвижение подозрения в его фактическом (описание события преступления и связанных с ним обстоятельств) и юридическом (уголовно-правовая квалификация) выражении представляют собой единую процедуру, одновременно определяющую момент начала уголовного преследования лица в уголовном процессе и выдвижения в отношении него подозрения, то есть приобретения указанным лицом статуса подозреваемого. Охранительное значение взаимосвязи момента начала уголовного преследования и выдвижения подозрения состоит в том, что подозреваемый гарантирован от фактического (необъявленного заблаговременно) уголовного преследования;

3) выдвижение подозрения является одним из моментов вступления в уголовное дело защитника, а значит, обстоятельством, благоприятствующим стороне защиты. Защитник может вступить в дело по ходатайству подозреваемого либо его родственников в любой период производства расследования (в определенных условиях, даже когда еще лицо не приобрело статус подозреваемого). Однако во всех случаях возбуждения уголовного преследования следователь (дознатель) обязан разъяснить подозре-

ваемому право на участие защитника и принять меры к фактическому обеспечению реализации подозреваемым этого права;

4) с вынесением постановления о возбуждении уголовного преследования в уголовном процессе появляется новый участник – подозреваемый. Постановка лица в положение подозреваемого может осуществляться без непосредственного его участия. При этом должны учитываться ситуации, когда лицо физически отсутствует в месте производства расследования, но оснований для привлечения его в качестве подозреваемого и объявления в розыск достаточно. Вместе с тем допрос подозреваемого как обязательный элемент порядка выдвижения подозрения при фактическом наличии лица в месте производства расследования позволит получить показания по существу подозрения. Впервые у следователя появляется возможность на детальном уровне прояснить позицию подозреваемого лица;

5) квалификация преступления, указанная в постановлении о возбуждении уголовного преследования, будет влиять на принятие многих процессуальных решений по уголовному делу. Так, тяжесть преступления служит обстоятельством, учитываемым при избрании меры пресечения. От категории преступления производны катего-

рии применения заключения под стражу и его предельных сроков. Освобождение от уголовной ответственности по отдельным основаниям также связано с юридической оценкой деяния;

6) государственные органы, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, с момента возбуждения уголовного преследования получают возможность официально выдвинуть предположение о совершении определенным лицом преступления. Уголовное преследование в форме подозрения – это законный способ проверки имеющихся в материалах уголовного дела доказательств о причастности определенного лица к совершению преступления. При этом подозрение является и формой, и этапом уголовного преследования [5].

Таким образом, предлагая совершенно новый подход к регламентации в уголовно-процессуальном законе института подозрения и, соответственно, к реформированию всего досудебного уголовного судопроизводства, автор статьи наряду с другими исследователями на протяжении более десяти лет говорит о назревших проблемах и необходимости законодательной регламентации подозрения, совершенствования порядка и оснований его выдвижения для уголовного преследования [6].

Библиографический список:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации (за январь–декабрь 2021 г., за январь–декабрь 2020 г., за январь–декабрь 2019 г., за январь–декабрь 2018 г., за январь–декабрь 2017 г., за январь–декабрь 2015 г., за январь–декабрь 2010 г., за январь–декабрь 2005 г., за январь–декабрь 2000 г.) // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/>; <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>; <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>; <https://мвд.рф/reports/item/16053092/>; <https://мвд.рф/reports/item/12167987/>; <https://мвд.рф/reports/item/7087734/>; <https://мвд.рф/reports/item/209732/>; <https://мвд.рф/reports/item/209686/>
2. *Гаврилов Б. Я.* Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1.
3. *Церковный Ю. В.* Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 206 с. Приложение 1.
4. *Овсянников И. В., Овсянников В. С.* Предъявление подозрения как гарантия прав подозреваемого // Уголовный процесс. М., 2006. № 1. С. 35–46.
5. *Потапенко П. Г.* Подозрение как форма и этап уголовного преследования // Вестник Саратов. гос. акад. права. 2011. № 6. С. 174–177.
6. *Потапенко П. Г.* Понятие подозрения в российском уголовном процессе // Следственная практика. 2015. № 196. С. 89–99.

С.А. Филиппов,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПО ДЕЛАМ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА, ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ, ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЕНКА В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

В связи с внесением изменений Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ в ст. 23 ГПК РФ в практике судов общей юрисдикции стала наблюдаться негативная тенденция, связанная с принятием иска, а точнее, его непринятием под различными основаниями, когда в исковом заявлении совокупно заявлены требования о расторжении брака, взыскании алиментов, определении места жительства ребенка.

Определением Ленинского районного суда г. Саратова от 17 июня 2022 г. оставлено без движения исковое заявление А. А. Ивановой к В. А. Иванову о расторжении брака и взыскании алиментов на содержание детей, определении места жительства детей [1].

В определении суд отмечает, что истец не конкретизирует, чем именно вызвана необходимость обращения в суд с данными требованиями, при том что спора по данным требованиям, исходя из содержания поданного иска, не имеется. Истец не заявляет о наличии благоустроенного жилья и не прикладывает документов, подтверждающих зарегистрированное право собственности на жилое помещение, либо сведений об ином помещении, в котором она намерена проживать с несовершеннолетним ребенком, подтверждающих пригодность помещения для проживания с детьми.

Таким образом, истцу следует указать, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения ее прав, свобод или законных интересов в части заявления требований об определении проживания несовершеннолетнего ребенка с истцом.

Исковое заявление содержало информацию о том, что истец проживает с несовершеннолетними детьми в квартире, приобретенной супругами в браке за счет кредитных средств и средств материнского капитала.

В связи со сложившейся конъюнктурой, неблагоприятным вектором развития ситуации, связанной с разрешением заявленных требований данным судьей, исковые материалы были возвращены представителю и вновь поданы в тот же суд.

Для суда камнем преткновения выступает именно требование об определении проживания несовершеннолетнего ребенка с истцом, поскольку иначе необходимо принимать материалы дела к производству.

Определением Ленинского районного суда от 22 июля 2022 г. исковое заявление было оставлено без движения с формулировкой о том, что не приложены документы, подтверждающие постоянное проживание несовершеннолетних детей с истцом [2].

Следует отметить, что никто из судей не ссылается в своих определениях на подп. 1.1 п. 1 ст. 135 ГПК РФ.

В неформальном общении отказ в принятии материалов к производству судьи, как правило, аргументируют загруженностью, предлагая истцу обратиться в мировой суд с исковым заявлением о расторжении брака и заявлением о выдаче су-

дебного приказа на взыскание алиментов.

К сожалению, не всегда принимается во внимание аргумент о порядке отмены судебного приказа, а именно широком выборе оснований, то есть о «легкости» его отмены.

Кроме того, предлагаемый порядок несет дополнительные финансовые издержки для доверителей, которые, как правило, не имеют юридических навыков или не желают участвовать в судебных баталиях, чтобы избежать негативных эмоций, либо в силу занятости, и именно для этих целей нанимают представителя. После же отмены судебного приказа о взыскании алиментов недобросовестным отцом возникает необходимость вновь обращаться к представителю для участия в судебных заседаниях, что для последнего чревато репутационными потерями.

По данному делу исковые материалы все же были приняты к производству. В заявлении об исправлении недостатка иска было указано, что в соответствии со ст. 23 ГПК РФ мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях.

Согласно Обзору судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также

на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г.), при разрешении вопроса о родовой подсудности дел по спорам, связанным со взысканием алиментов, следует руководствоваться общими правилами, установленными ст. 23 и 24 Гражданского процессуального кодекса РФ (во взаимосвязи с положениями ст. 24 ГПК РФ). Если требования о взыскании алиментов заявлялись истцом одновременно с требованиями о лишении родительских прав, об ограничении в родительских правах, об установлении отцовства, об определении места жительства ребенка, суды с учетом положений ч. 3 ст. 23 ГПК РФ правомерно исходили из того, что спор относится к подсудности районного суда. Отмечается, что в ряде случаев вопрос о подсудности спора разрешался судом без учета положений ч. 1 ст. 151, ч. 3 ст. 23 ГПК РФ, из которых следует, что истец вправе соединить в одном заявлении несколько исковых требований, связанных между собой, и при предъявлении истцом нескольких связанных между собой требований, если часть из них подсудна районному суду, а другая часть мировому судье, все требования подлежат рассмотрению в районном суде.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении суда-

ми законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» отмечается, что при разрешении вопроса о родовой подсудности дел по спорам, связанным со взысканием алиментов, следует руководствоваться общими правилами, установленными ст. 23 и 24 Гражданского процессуального кодекса РФ. В силу п. 1 и 4 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ дела о взыскании алиментов, а также иные дела по спорам, связанным со взысканием алиментов (например, об изменении размера алиментов, об освобождении от уплаты алиментов, о взыскании неустойки в связи с несвоевременной уплатой алиментов), рассматриваются мировым судьей в качестве суда первой инстанции.

В случае, если одновременно с требованием, связанным со взысканием алиментов, подсудным мировому судье, заявлено требование, подсудное районному суду (например, об установлении отцовства либо материнства, о лишении родительских прав или об ограничении родительских прав), то такие дела в соответствии с ч. 3 ст. 23 ГПК РФ подлежат рассмотрению районным судом (с 1 октября 2019 г. изменена подсудность мировых судей. О подсудности дел о взыскании алиментов см. п. 1 ч. 1 ст. 23, ст. 24 и 122 ГПК РФ).

Необходимость в заявлении требования об определении места

жительства детей вызвана законным правом истца (матери детей) в получении решения суда, определяющего место проживания несовершеннолетних детей с истцом, на основании следующего.

Так, согласно п. 3 ст. 65 СК РФ, место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей. При отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом, исходя из интересов детей.

В соответствии с п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» в случае принятия решения о расторжении брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, суд, исходя из п. 2 ст. 24 СК РФ, принимает меры к защите интересов несовершеннолетних детей и разъясняет сторонам, что отдельно проживающий родитель имеет право и обязан принимать участие в воспитании ребенка, а родитель, с которым проживает несовершеннолетний, не вправе препятствовать этому.

В соответствии с данной статьей в случае, *если отсутствует соглашение между супругами по вопросам, указанным в пункте 1 настоящей статьи*, а также в случае, если установлено, что данное со-

глашение нарушает интересы детей или одного из супругов, суд обязан:

определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода;

определить, с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на их детей;

по требованию супругов (одного из них) произвести раздел имущества, находящегося в их совместной собственности;

по требованию супруга, имеющего право на получение содержания от другого супруга, определить размер этого содержания.

Достижь соглашения сторонам по данному вопросу не представилось возможным, чем и продиктована необходимость заявления данного требования.

Истец проживает с несовершеннолетними детьми по указанному в исковом заявлении адресу – квартире, приобретенной супругами в браке за счет кредитных средств и средств материнского капитала. Однако вопрос о разделе совместно нажитого имущества супругов в настоящем исковом заявлении не ставится.

Относительно пригодности жилого помещения и прочего отмечено, что в соответствии с пп. 2, 3 Постановления Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных

с воспитанием детей» при подготовке дел данной категории к судебному разбирательству судье следует правильно определить обстоятельства, имеющие значение для разрешения возникшего спора и подлежащие доказыванию сторонами, обратив особое внимание на те из них, которые характеризуют личные качества родителей либо иных лиц, воспитывающих ребенка, а также сложившиеся взаимоотношения этих лиц с ребенком. Такие дела назначаются к разбирательству в судебном заседании только после получения от органов опеки и попечительства составленных и утвержденных в установленном порядке актов обследования условий жизни лиц, претендующих на воспитание ребенка. При рассмотрении судом дел, связанных с воспитанием детей, необходимо иметь в виду, что в соответствии с ч. 2 ст. 47 ГПК РФ и ст. 78 СК РФ к участию в деле, независимо от того, кем предъявлен иск в защиту интересов ребенка, должен быть привлечен орган опеки и попечительства, который обязан провести обследование условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, а также представить суду акт обследования

и основанное на нем заключение по существу спора, подлежащее оценке в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами.

Таким образом, действующее законодательство в полной мере позволяет истцу обратиться в районный суд с заявленными исковыми требованиями по указанным основаниям.

Кроме того, внимание суда было обращено на тот факт, что в Ленинском районном суде г. Саратова было принято к производству и рассмотрено по существу, с удовлетворением аналогичных исковых требований, гражданское дело с участием того же представителя [3], в связи с чем отказ в принятии искового заявления выглядит как нарушение обозначенного Верховным Судом РФ подхода к формированию единообразия судебной практики.

Таким образом, полагаем, что по делам о расторжении брака, взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка для процессуальной экономии, а также экономии судебных расходов доверителя целесообразно дополнять исковое заявление требованием об определении места жительства ребенка.

Библиографический список

1. Дело № М-2896/2022 от 10 июня 2022 г. 64RS0046-01-2022-005128-76 // Официальный сайт Ленинского районного суда г. Саратова. URL.: <http://leninsky.sar.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).

2. Дело № 2-4277/2022 ~ м-3563/2022 // Официальный сайт Ленинского районного суда г. Саратова. URL.: <http://leninsky.sar.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).

3. Решение Ленинского районного суда г. Саратова. Дело № 2-2259/2022 64RS0046-01-2022-003416-71 // Официальный сайт Ленинского районного суда г. Саратова. URL.: <http://leninsky.sar.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).

В.В. Храмушин,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г.В. Плеханова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМИССИЙ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Важным аспектом борьбы с коррупцией является привлечение к этому процессу представителей гражданского общества. Принятый в 2004 г. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» для реализации данной меры установил обязательность привлечения в создаваемые в целях противодействия коррупции на гражданской службе комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов так называемых независимых экспертов. Их роль в рамках комиссий заключается в осуществлении общественного контроля за функционированием указанных антикоррупционных структур, недопустимости «келейного» решения вопросов, связанных с привлечением к ответственности служащих, виновных в нарушении антикоррупционных стандартов.

По сути, привлечение независимых экспертов было призвано обеспечить гласность и открытость урегулирования конфликта интересов. Однако именно в этой процедуре имеет место значительное количество пробелов, которые сразу поставили под сомнение реальную значимость данного института. Так, С.Е. Чаннов еще в 2009 г. обращал внимание на следующую проблему в законодательстве: ч. 6 ст. 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» определяет, что в состав конкурсной комиссии в качестве независимых экспертов входят представители научных и образовательных учреждений, других организаций, приглашаемые органом по управлению государственной службой по запросу представителя нанимателя. Указание на то, что независимые эксперты могут быть приглашены из «других ор-

ганизаций», позволяет толковать эту норму как угодно широко. На практике многие государственные органы при формировании конфликтных комиссий стали приглашать в качестве «независимых экспертов» государственных служащих из иных государственных органов, что, безусловно, является профанацией идеи о контроле гражданского общества за проведением конкурсной процедуры, однако точно соответствует требованиям закона, поскольку иной орган государственного управления, несомненно, является «другой организацией» [1].

В результате реализации данной нормы в течение длительного времени участие общественности в работе комиссий по урегулированию конфликта интересов было в значительной степени формальным. Ситуация в принципе изменилась после утверждения Положения о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (утв. Указом Президента РФ от 1 июля 2010 г.). Авторы Положения отказались в принципе от использования термина «независимый эксперт», вместо этого прямо указав, что в состав таких комиссий в обязательном порядке должны входить представитель (представители) научных организаций и образовательных учреждений среднего,

высшего и дополнительного профессионального образования.

Бесспорно, данное изменение следует оценить положительно, так как тем самым удалось решить проблему привлечения «независимых экспертов» из иных государственных органов. Однако в некоторых случаях при формировании комиссий стали возникать и другие проблемы. Так, подп. «в» п. 8 Положения о комиссиях по урегулированию конфликта интересов определяет, что в комиссии должны входить только те представители научных организаций и образовательных учреждений, деятельность которых связана с государственной службой. При этом «деятельностью, связанной с гражданской и/или муниципальной службой, должна считаться преподавательская, научная или иная деятельность, касающаяся вопросов прохождения гражданской и/или муниципальной службы, а также предшествующее замещение государственных должностей или должностей гражданской службы в государственных органах» [2, с. 26].

В принципе выглядит достаточно логичным то, что бывшие государственные служащие лучше знают не только специфику государственной службы, но и сущность конфликта интересов. В то же время не следует забывать, что лицо, проработавшее на государственной службе достаточно большой срок,

обычно сохраняет связи личного характера со своими бывшими коллегами, причем нередко не только того государственного органа, где он работал сам, но и иных органов, с которыми ему по службе приходилось взаимодействовать. Может ли указанное лицо быть абсолютно беспристрастным при решении вопроса о наличии или отсутствии конфликта интересов? Как нам представляется, ответ здесь может быть только отрицательным.

Положение о комиссиях по урегулированию конфликта интересов, требуя привлекать в качестве представителей образовательных и научных организаций в том числе и бывших государственных служащих, не учитывает не только этот факт, но и ряд других, на наш взгляд, крайне принципиальных обстоятельств. Таковыми, в частности, являются причины увольнения бывшего служащего с государственной службы. Насколько целесообразно, например, привлечение в качестве представителя научной либо образовательной организации лица, уволенного с государственной службы по виновным основаниям (за прогул, появление на службе в состоянии алкогольного опьянения, хищение государственного имущества)? А ведь действующее законодательство позволяет привлечь в качестве таковых даже лиц, уволенных с госу-

дарственной службы за коррупционные проступки (невыполнение обязанности о декларировании доходов, сообщения о факте склонения его к коррупционному правонарушению и т.п.). Абсолютным же абсурдом является, с нашей точки зрения, возможность привлечь в конфликтную комиссию в качестве эксперта бывшего государственного служащего, уволенного с государственной службы в связи с невыполнением обязанности уведомления о конфликте интересов.

В связи с этим представляется необходимым закрепить в Положении о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов перечень случаев, при которых гражданин не может быть привлечен в комиссию по урегулированию конфликта интересов в качестве представителя научной либо образовательной организации. Кроме того, видится более правильным при формировании комиссий по урегулированию конфликта интересов отдавать предпочтение представителям негосударственных организаций как лицам, более независимым от государственных структур.

Здесь, правда, можно отметить, что некоторые специалисты возражают против такого подхода. Например, В.В. Астанин считает, что «представителям негосудар-

ственных учреждений свойственна, мягко говоря, автономия в профессиональном правосознании. В таких условиях становятся уязвимыми представления о гражданском и нравственном смысле профессиональной деятельности, а в крайних случаях – даже подмена ее норм искаженными узкокорпоративными нормами и, как следствие, нарушения законности» [3]. В данном случае создается впечатление, что указанный автор без каких-либо серьезных обоснований считает всех граждан, не работающих в государственном секторе, потенциальными нарушителям закона, с чем, как представляется, довольно сложно согласиться. Напротив, именно в максимально широком охвате всех видов организаций при формировании корпуса экспертов мы видим будущее этого

института. Сущность конфликта интересов – а именно определение его наличия либо отсутствия – является основной задачей конфликтных комиссий и заключается в противопоставлении частных интересов государственного служащего (обычно связанных с предпринимательской деятельностью) и публичных интересов государства. Таким образом, конфликт интересов характеризуется определенным дуализмом, который не позволяет надеяться на его адекватное разрешение при участии в этом процессе представителей только одной стороны – государства. Поэтому, с нашей точки зрения, приоритет в приглашении представителей научных и образовательных организаций должен быть отдан негосударственным вузам и частным исследовательским учреждениям.

Библиографический список

1. *Чаннов С. Е.* Административно-правовое регулирование функционирования комиссий по урегулированию конфликта интересов на государственной гражданской службе // Административное и муниципальное право. 2009. № 4. С. 49–51.

2. *Кабанов П. А.* О требованиях к членам комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов, не занимающим должности государственной службы // Административное и муниципальное право. 2012. № 4. С. 25–27.

3. *Астанин В. В.* Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов (анализ и оценка предмета деятельности и коррупционных рисков участия экспертов в их работе) // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 20–24.

Д. Г. Шитов,

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой
физической культуры и спорта
Саратовской государственной юридической академии

В. А. Петрова,

обучающаяся Института юстиции
Саратовской государственной юридической академии

А. В. Пантелеев,

обучающийся Института юстиции
Саратовской государственной юридической академии

МЕСТО СПОРТИВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Физическому воспитанию граждан в нашей стране уделяется большое внимание со стороны государства, вследствие чего возрастает роль законодательства, регулирующего сферу физической культуры и спорта. Совершенствование нормативно-правового регулирования данной сферы является, согласно Постановлению Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие физической культуры и спорта”» [1], одной из приоритетных задач государственного управления, служащей достижению цели по увеличению доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом. Придание такого значения проблемам нормативного регулирования спортивного права, несомненно, показывает необходимость детального изучения и понимания внутренних закономерностей развития правовых норм, которые и объединяются в этот новый элемент российского права.

Ранее существовавшие законодательные акты и новые нормы права о спорте, объединившись, образовали большое количество нормативных правовых актов с разнообразным качественным со-

держанием, что вызывает необходимость определения их места среди различных отраслей системы права.

Саму систему права понимают как «внутреннее строение права, имеющее следующие отличительные признаки: объективность, целостность, согласованность, принципиальное единство, структурированность, стабильность наличия определенных элементов и динамизм в их взаимодействии и образовании новых» [2, с. 212–213]. Из теории права нам известно, что элементами системы права являются отрасли, подотрасли и институты права. Для определения места спортивного права в современной российской правовой системе представляется необходимым отнести его к какому-либо элементу данной системы либо к части такого элемента, а также выявить соотношение спортивного права и отраслей российского права.

Теоретики права называют критерием деления отраслей права наличие определенных предмета (совокупности качественно однородных общественных отношений, регулируемых нормами той или иной отрасли права) и метода (совокупности приемов и средств, воздействующих на общественные отношения, поведение людей в обществе) правового регулирования [2, с. 215–216].

Анализируя действующее законодательство, можно сделать вывод, что предметом спортивного права

являются правовые, организационные, экономические и социальные общественные отношения, а также основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации [3, ст. 1].

Сложнее обстоит дело с определением конкретного метода/методов правового регулирования спортивного права. При соотношении спортивного права и административного права, а также уголовного права можно говорить об их различиях и ошибочности рассмотрения спортивного права как института какой-либо из этих отраслей, хотя отдельные их нормы и являются составляющей спортивного права (например, ст. 6.18 КоАП РФ, ст. 184 УК РФ): административное и уголовное право используют императивный метод, в то время как в спортивном праве во многом присутствует диспозитивный метод правового регулирования.

Кроме того, спортивное право не следует рассматривать как часть (институт) трудового права. Последнее регулирует только отношения, связанные с трудом спортсменов, тренеров, и метод его регулирования характеризуется сочетанием публично-правовых и частноправовых способов воздействия на общественные отношения в сфере труда. Несмотря на то что Трудовой кодекс РФ содержит нормы, регулирующие особенности труда спортсменов и тренеров, спортивное право на этом основании

нельзя назвать частью трудового, так как спортивное право далеко не исчерпывается регламентацией организации труда в сфере спорта.

Таким образом, можно полагать, что спортивное право существует среди отраслей российского права не как институт одной из них, а как отдельная отрасль со своим сложным, комплексным предметом регулирования и совокупностью методов. В связи с таким положением спортивного права в существующей правовой системе представляется целесообразным создание отдельного кодекса для более полного регулирования данной сферы общественных отношений и избежания пробельности в праве.

При этом считаем нежелательной кодификацию путем извлечения норм, касающихся спортивных отношений и содержащихся в Уголовном, Трудовом кодексах и Кодексе об административных правонарушениях, так как произойдет смешение

совершенно разных по регулированию вопросов, хотя и с похожим предметом регулирования. Дублирование таких положений в отдельном кодексе также не представляется необходимым и возможным, поскольку повлечет увеличение количества норм законодательства, одинаковых по содержанию, неоправданное загромождение нормативного материала, возникновение вопросов у правоприменителей, например касающихся конкуренции норм.

На основании изложенного можно сделать вывод, что для упрочения места спортивного права среди других отраслей права и устранения проблем правовой регламентации данной отрасли права важно решить вопрос о создании отдельного кодекса, закрепляющего, помимо прочего, сущность, предмет и методы правового регулирования спортивного права с помощью в том числе бланкетных норм.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2021 г. № 1661 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие физической культуры и спорта” и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (в ред. от 11 августа 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Теория государства и права для обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность»: учеб. пособие для СПО / [Р. А. Ромашов и др.]; под ред. Р. А. Ромашова, Е. Л. Харьковского. М., 2022. 441 с.
3. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 6 марта 2022 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июня 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Современные лингвистические исследования

Е.А. Богачева,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ СУБДИСКУРСЕ

102

Среди юридических языков судебный дискурс является типичным институциональным дискурсом. Это относится к высказываниям, передаваемым участниками суда активно или пассивно в соответствии с определенными правилами и процедурами в суде для достижения цели и интереса [1].

Т. Ткачукова, Д. Винецкий обращают внимание на несколько аспектов судебного дискурса и его языковых ресурсов, таких как речь, играющая определенную роль в судебном процессе, и взаимодействие в зале суда [2; 3].

Т.В. Дубровская, И.В. Палашевская указывают, что основной характеристикой взаимодействия в зале суда является асимметрия статусов участников общения, определяющая речевое поведение как профессиональных (судья, прокурор, адвокат), так и непрофессиональных (свидетель, подсудимый) участников [4; 5].

Динамика взаимодействия в зале суда характеризуется принимаемыми участниками ролями, которые одновременно предопределены и регламентированы правилами. Данный факт в сочетании с весьма целенаправленным характером разговора в зале суда оз-

начает, что многие свойства этой специализированной коммуникативной среды определяются иерархиями и властными отношениями в контексте зала суда.

С юридической точки зрения и с точки зрения судебного дискурса зал суда представляет собой коммуникативную среду, в которой строго соблюдаются роли и правила. Мало того, что различные участники связаны между собой законами и протоколами, которые регулируют их физическое поведение и поведение, так еще и существуют четко определенные правила контроля над их языком. Подобные лингвистические ограничения включают такие факторы, как количество разговоров, предоставляемых каждому участнику, иными словами, относительное распределение беседы между судьей, адвокатами и свидетелями, а также характер этой беседы, включая дифференцированное употребление в суде декларативных, вопросительных и императивных форм взаимодействия.

Выражение институциональных иерархий через контроль над взаимодействием воплощено в ролях и конфигурациях участников, которые можно увидеть на различных стадиях судебного разбирательства. В настоящей статье мы будем рассматривать роль следующих участников судебного разбирательства: *судья, адвокат, свидетель, ответчик, присяжные*.

Брюс К. Джонсон подчеркивает тот факт, что среди событий, описываемых как судебное заседание, судебный дискурс уникален тем, что в каждом из них присутствует не один или два исполнителя, а шесть отдельных и незаменимых ролей в судебном заседании, где роль каждого участника ограничена во взаимодействии друг с другом [6, с. 139–140].

Существуют ограничения во взаимодействиях и содержании этих взаимодействий среди участников судебного процесса. Такие ограничения помогают выявить и понять меняющиеся структуры *власти* на протяжении всего судебного заседания. Они специфичны для той части судебного субдискурса, в которой они происходят. Например, роль *судьи* может взаимодействовать с каждой ролью в судебном заседании: Judge – Lawyer (судья – адвокат), Judge – Jury (судья – присяжные), Judge – Witness (судья – свидетель), Judge – Defendant (судья – ответчик). Это взаимодействие часто связано с самим исполнением роли в суде или с обеспечением того, чтобы выступление оставалось упорядоченным. Подобная структура выступления упорядочивает роль каждого участника судебного разбирательства.

Судья. Роль судьи заключается в том, чтобы следить за порядком и целостностью выступления. Боль-

шинство взаимодействий с судьей связано с управлением самого выступления. Судья также отвечает за перерывы во время судебного заседания. Он может, по существу, прервать судебное заседание и назначить время, когда оно будет возобновлено, используя стандартную фразу «Суд объявляет перерыв». Такая ответственность подчеркивает надзор судьи и поддержание порядка на протяжении всего выступления. Роль судьи почти не имеет ограничений на содержание его или ее взаимодействий с другими участниками судебного разбирательства. Судья может сказать все, что сочтет нужным в любой ситуации. Тем не менее существуют некоторые стандартные фразы, которые должны встречаться в определенных случаях.

Адвокат. В каждом судебном заседании выступают, по крайней мере, два адвоката: один со стороны обвинения, другой со стороны защиты. Адвокаты, независимо от стороны, имеют одни и те же ограничения во взаимодействии с участниками судебного разбирательства, поэтому в роли адвоката может выступать как обвинитель, так и защитник.

Свидетель. Его роль имеет уникальные интерактивные ограничения. Несмотря на то, что ее выполняет человек, который может выполнять другие роли, будучи

свидетелем, он должен соблюдать определенные правила. Чтобы претендовать на роль свидетеля, человек должен обладать знаниями, относящимися к судебному разбирательству.

Ответчик (обвиняемый).

Эта роль проявляется как отдельная только в заявлении о признании вины и вынесении приговора. В противном случае ответчика представляет кто-то в роли адвоката.

Присяжные. В роли присяжных выступают несколько присяжных заседателей. В конце судебного разбирательства все присяжные должны прийти к единому выводу. Таким образом, они будут считаться частью единой роли присяжных заседателей. Присяжные (если присутствуют) представляют полномочия по принятию решений в зале суда. В судебных разбирательствах, где нет присяжных, судья представляет принятие решения судом.

Следует отметить, что уникальные особенности судебного субдискурса объясняются наличием у участников судебного разбирательства различных взаимозависимых ролей и выполнением ими множества функций [7, с. 67].

Взаимодействие судьи и адвоката

Самое распространенное речевое взаимодействие в судебном субдискурсе – взаимодействие су-

дья и адвоката. Судьи и адвокаты часто взаимодействуют на уровне административных элементов, по которым судья должен принять решение [8]. Однако судьи и адвокаты могут взаимодействовать и вне выступления судебного заседания, точнее, пока судебное разбирательство приостановлено на перерыв. Это делается либо в другой комнате (палата судьи), либо на месте судьи, но со статическим шумом в микрофоне, чтобы другие не могли слышать. Например:

Judge – Lawyer: *What do you expect me to rule on today?* Судья – адвокат: *Вам кажется, что сегодня суд вынесет решение?*

Judge – Lawyer: *Just out of curiosity, how many legal fees have accrued in this case? (sharply, with a tone of reproof) / Просто из любопытства, сколько судебных издержек по этому делу назначено? (резко, с упреком).* Lawyer – Judge: *Probably more than we should, your honor / Наверное, больше, чем следовало бы, Ваша честь.*

Judge – Lawyer: *Frankly, counsel, I'll be very honest with all of you. I'm appalled at this. This is ridiculous! Kill it dead, let's move on. Does either side have an objection? / Откровенно говоря, я буду очень честен со всеми вами. Я потрясен этим. Это нелепо! Вы стоите на одном и том же месте. Надо двигаться дальше. У сторон есть возражения?*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЬИ И ПРИСЯЖНЫХ

Существует много примеров доброжелательного отношения судьи к присяжным, например, в процессе отбора присяжных.

Jury – Judge: *(After presenting other introductory information about himself) And my favorite movie has got to be 'True Grit.'* Присяжные – судья: *(После предоставления вводной информации о себе) И мой любимый фильм «Железная хватка».*

Judge – Jury: *Do you like the original or the newer one? / Вам нравится оригинал или новый?* Jury – Judge: *The original / Оригинал.*

Judge – Jury: *Great (smiling) / Отлично (улыбается).*

Сначала кажется, что такое взаимодействие едва ли уместно в зале суда из-за его кажущейся неформальности. Тем не менее это яркий пример смягчающего властного отношения судьи. Подобное взаимодействие свидетельствует об отсутствии ограничений в роли судьи. Если судья считает, что стоит знать, какой любимый фильм у присяжного, то это его прерогатива.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЬИ И СВИДЕТЕЛЯ

Большая часть взаимодействия между судьей и свидетелем осуществляется в форме шаблонных фраз, которые необходимо использовать для выполнения таких задач,

как приведение к присяге или отстранение свидетеля. Например:

Judge – Witness: Sit here. Answer the questions truthfully. Судья – свидетель: *Сядьте здесь. Честно отвечайте на вопросы.*

Judge – Witness: Raise your right hand (Witness raises right hand). *Do solemnly swear to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth, so help you God / Поднимите правую руку (Свидетель поднимает правую руку). Торжественно поклянись говорить правду, всю правду и ничего кроме правды, да поможет тебе Бог.*

Представленные взаимодействия, хотя и ограниченные, подчеркивают основанный на правилах характер исполнения. Как показано ранее, судья несет ответственность за соблюдение свидетелем ограничений, установленных для его или ее роли.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЬИ И ОТВЕТЧИКА

Прямое взаимодействие между судьей и подсудимым обычно происходит во время вынесения приговора. Приговор выносится после признания подсудимого виновным либо в судебном порядке, либо по собственному признанию подсудимого. Следующие примеры показывают, как судья разговаривает с подсудимым, ожидающим вынесения приговора, в дружеской и ободряющей манере:

Judge – Defendant: It's difficult to say why you've put yourself in this situation. Maybe you feel that something is owed to you because of the life you've lived. I don't know... I wish I could do more to put you on the right track. Судья – ответчик: *Трудно сказать, почему Вы оказались в такой ситуации. Может быть, Вы думаете, что Вам что-то должны в этой жизни? Я не знаю... Хотелось бы сделать больше, чтобы направить Вас на правильный путь.*

Judge – Defendant: I'm going to put you on probation, I know they don't want to see you, but, you know what? I think you can do this / Я дам тебе условный срок, я знаю, что они не хотят тебя видеть, но знаешь что? Я думаю, ты справишься.

Judge – Defendant: I think you can do it, maybe no one else does, but I do. I'm going to give you a chance. Don't let me down / Я думаю, ты сможешь, может, никто другой. Я дам тебе шанс. Не подведи меня.
Defendant – Judge (tearfully): I won't, your honor / (со слезами на глазах) Не подведу, Ваша честь [9].

Важно отметить, что судья использует такие фразы, как «Трудно сказать», «Может быть, Вы думаете» и «Я думаю, Вы можете это сделать». Указанные выражения некатегоричности традиционно интерпретируются как бессильный язык [10, с. 328]. Этот пример еще раз доказывает смягчающую силу судьи.

Следовательно, можно утверждать, что судебный субдискурс обладает множеством уникальных лингвистических особенностей, которые отличают его от любой другой языковой ситуации. Знание

структуры вербального исполнения судебного субдискурса может помочь юристам лучше понять данные взаимодействия и ограничения во время судебного разбирательства.

Библиографический список

1. *Wagner A. & Cheng L.* (2016). Language, power and control in courtroom discourse. In *Exploring Courtroom Discourse* (pp. 19–26). Routledge.
2. *Tkačuková T.* (2010). The power of questioning: A case study of courtroom discourse. *Discourse and Interaction*, 3(2), 49–61.
3. *Winiecki D.* (2008). The expert witnesses and courtroom discourse: Applying micro and macro forms of discourse analysis to study process and the 'doings of doings' for individuals and for society. *Discourse & Society*, 19(6), 765–781.
4. *Dubrovskaya T.V.* (2017). Metapragmatics of Administering Justice in Russian and English Judicial Discourse // *Russian Journal of Linguistics*, 21(1), 73–90.
5. *Palashevskaya I.V., Leontiev V.V., Kurchenkova E.A., Stepanova E.D. & Bulanov D.S.* (2017). Correlations of status positions of courtroom discourse participants. *XLinguae*, 10(3), 45–56.
6. *Johnson B.C.* (1976). Communicative Competence in American Trial Courtrooms. *Centrum*, Volume 4 (Issues 4), 139–149.
7. *Богачева Е.А.* Изучение дискурсивных характеристик судебного процесса на русском и английском языках // *Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии*. Саратов, 2021. Вып. 2, ч. 1. С. 65–72.
8. *Богачева Е.А.* Лингвопрагматический аспект анализа судебного субдискурса (на материале английского языка) // *Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия: Филологические науки*. 2021. № 7, вып. 125. С. 7–15.
9. *Bauman R.* (1977). *Verbal Art as Performance*. Long Grove, Illinois. Waveland Press. 150 p.
10. *Bradac J.J., Hemphill M.R. & Tardy C.H.* (1981). Language Style on Trial: Effects of Powerful and Powerless Speech Upon Judgements of Victims and Villians. *The Western Journal of Speech Communication*, Volume 45 (Issue 4), 327–341.

М. Д. Короткова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

Е. А. Богачева,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА

В исследованиях многих ученых концепция билингвизма рассматривалась как ментальная концепция индивидуального уровня – характеристика индивидов, которые владеют двумя языковыми системами или используют их, а также как социально-психологическая концепция, все еще характерная для индивидов, но для индивидов, организующих социальный мир с точки зрения различных групп и социальных ситуаций, связанных с двумя языками, на которых они взаимодействуют. Билингвизм также использовался как социальный конструкт для описания взаимодействий между социальными группами и общественными институтами, а также между группами, в которых групповые и институциональные границы соответствуют языковым границам. Эти различные отправные точки для определения двуязычия привели к расхождению в типах заявлений, которые были сделаны о двуязычии и его связи с когнитивным развитием. В настоящее время теоретические и экспериментальные разработки языковой способности, а именно способности к изучению второго языка, осуществлены еще довольно слабо. Это единодушно утверждают и лингвисты, и психологи.

Исследователи Г. В. Колшанский, Е. М. Верещагин считают, что до настоящего времени психологическая наука не поставила

ни одного серьезного эксперимента, способного вскрыть природу билингвизма и дать, таким образом, полноценный материал для последующего преломления его в методике преподавания. Речевые механизмы, посредством которых человек для общения использует две языковые системы, определяет билингвизм [1; 3, с. 19]. Современная психология речи, лингвистика и психолингвистика создали некоторые традиции в определении понятия двуязычия, первым существенным признаком которого является момент общения на двух языках. А. И. Япикевичус утверждает, что умение одних и тех же лиц общаться на двух языках понимается под двуязычием [2, с. 23].

В качестве самого общего исходного определения билингвизма можно принять определение А. Вейса, по мнению которого, билингвизм – это непосредственное использование двух языков [4]. К наиболее важным психологическим вопросам данной проблемы относится определение психологических критериев двуязычия, а также установление роли закона психической асимметрии в билингвизме.

По мнению К. Эмморей, двуязычные факторы также влияют на психологические факторы, основанные на восприятии, что включает в себя творческую силу и психологическую гибкость для принятия ситуаций. Люди, имеющие способ-

ность воспринимать и понимать как английский, так и другой язык, обладают лучшей концептуализацией и воображаемой силой, что приводит к психологии, относящейся к лучшему пониманию жизненных ситуаций. Они способны лучше манипулировать жизненными и рабочими ситуациями. В этом их важное преимущество перед коллегами, которые придерживаются одноязычного подхода к работе и жизненным ситуациям [5].

Заслуживает обсуждения предложение У. Вайнрайха измерять психологическое содержание ситуации двуязычия такими критериями, как «степень лингвистического расхождения применяемых говорящим языков и степень владения этими языками» [6, с. 45]. Что касается первого критерия, то А. Вейс предлагает относить к настоящему двуязычию употребление одним лицом литературного языка и его диалекта. Что касается второго критерия, то его применение порождает непреодолимую трудность сравнительного исследования языковых навыков и умений при пользовании билингвом разносистемными языками [7, с. 12]. Недаром В. Вилдомек отмечает, что «процесс отбора нужных слов и форм во втором языке протекает до такой степени иначе, чем в родном языке, что исключается сама возможность переноса сложившегося чувства языка по отно-

шению к родному языку в практику владения вторым языком» [8 с. 34]. А. Вейс обращает внимание на то, что процессы употребления языка зависят от способов его усвоения и что объем языковых умений при двуязычии зависит от формы его употребления [4].

У. Вайнрайх, Е. Хауген и другие исследователи билингвизма выделяют три основных вида языковых взаимодействий: интеграцию, интерференцию и переключение. Под интеграцией понимается регулярное использование в одном языке материала другого. Интерференция состоит в перекрещивающемся применении норм разных языков к одному и тому же языковому явлению. Она может обуславливаться как языковым фактором и носить в данном случае чисто структурный характер, так и факторами индивидуально-психологическими, когда языковые ошибки порождаются недостатками памяти или внимания. Переключение – это чередующееся использование обоих языков. К этому следует добавить, что наряду с видами внешнего взаимодействия языков, по мнению Вайнрайха, существуют разные виды внутренних структур двуязычия. Данный автор выделяет «подчинительную» структуру, при которой слово одного языка связывается не со своим денотатом непосредственно, а со словом доминирующего языка; «смешанную»

структуру, когда равнозначные слова из разных языков воспринимаются как два знака для одного значения, и «координированную» структуру, при которой равнозначные слова двух языков воспринимаются как два отдельных знака, связанные каждый со своим значением. Естественно, что интеграция и переключение как крайние случаи внешнего взаимодействия языков способны существовать на базе любой из трех форм внутреннего строения двуязычия. И в таком случае интеграцию, базирующуюся на координированной внутренней структуре, надо будет оценивать как более значительный уровень двуязычия, чем переключение, основанное на подчинительной внутренней структуре [6, 9].

А. Вейс справедливо подчеркивает большой динамизм двуязычия, которое, по его мнению, способно гибко изменяться по своим внешним формам и внутренним структурам в зависимости от речевой ситуации и остроты необходимости в достижении взаимопонимания с собеседником [4, с. 43].

В итоге рассмотренных нами соображений становится ясно, что и второй критерий Вайнрайха малоэффективен для определения уровней двуязычия, особенно для установления того принципиального рубежа, который психологически отделяет ситуацию одноязычия от ситуации двуязычия.

Очевидно, ответ о природе билингвизма надо искать не в аспекте анализа самих языков, а в аспекте их функционирования. Весьма примечателен тезис Е. Хаугена: «Двухязычие начинается уже с понимания смысла отдельных высказываний на другом языке» [9, с. 34].

Для формирования двуязычия очень важно, чтобы отдельные высказывания на другом языке при их восприятии слушающим схватывались бы им на основе координированной структуры внутреннего ассоциирования между соответствующими единицами двух языков. А это становится возможным только при условии, когда единицы второго языка становятся самостоятельным орудием мышления и когда появляются зачатки способности мыслить на втором языке.

С точки зрения интересов мышления и познания двуязычие выгодно именно тем, что каждому языку присуща известная лингвистическая апперцепция, и поэтому переход мысли с одного языка на другой, как констатирует В. А. Богородицкий, «влечет за собой некоторое изменение в восприятии самой действительности и через это обогащает познавательные возможности билингва» [10, с. 67]. Итак, подлинная психологическая сущность билингвизма состоит в способности мыслить на двух языках.

Устанавливая роль закона психической асимметрии в билингвизме, важно помнить, что соотношение двух языков в сознании и речи индивидов динамично и под влиянием различных обстоятельств общения может в любое время меняться. При этом следует учитывать, что функциональная природа языков тесно связана с законом психической асимметрии, который характерен для деятельности человеческого мозга. Психическая асимметрия неизбежна при двуязычии. Обычно доминирующим оказывается родной язык.

Большое количество детей растет в среде, где люди используют более одного языка. Существуют значительные исследования, показывающие, что этот жизненный опыт имеет важные последствия для развития детей. Если двуязычный ребенок испытывает подобные переживания и развивается иначе, чем одноязычные, последствия проявятся и во взрослом возрасте. Попытки уравнивать языки и преодолеть психическую асимметрию предпринимались не один раз. Наиболее характерны монографические наблюдения Ж. Ронжа за сыном, который пользовался двумя языками с самого начала возникновения у него речи. По совету французского лингвиста Граммона, отец развел участки коммуникации для двух языков

по принципу «один язык – один человек», получившему название «принцип Ронжа». Ребенок говорил с отцом только по-французски, а с матерью – только по-немецки. При этом было достигнуто полное усвоение языков [7, с. 12]. Однако психическую асимметрию преодолеть не удалось: немецкий язык, как «язык матери», стал ведущим в эмоциональной коммуникации и эмоциональной сфере личности, а французский, «как язык отца», – в мыслительной. Таким образом, сложилась переменная психическая асимметрия в структуре двуязычия для двух родных языков.

К аналогичным выводам пришел М. Павлович, который вел наблюдения за своим сыном до двух лет, когда тот осваивал французский и сербский языки. В. Леопольд, будучи немцем по национальности, наблюдал за развитием двуязычия у своей дочери в условиях английской языковой среды. Естественно, что жизнь в США обусловила более сильные позиции английского языка в сознании девочки. Английский язык стал доминирующим. В силу этого его влияние на немецкий язык,

главным образом в области лексики и синтаксиса, было более заметным, чем обратное влияние. Следовательно, правильное понимание когнитивного развития у двуязычных детей может быть получено только при глубоком знании того, как уровень владения обоими языками взаимодействует с переменными, которые охватывают когнитивный, социально-психологический, социальный и даже исторический уровни анализа.

Итак, двуязычие развивает когнитивные преимущества, которые будут полезны с точки зрения социального интеллекта. Таким образом, можно полностью согласиться с мнением А. Вейса о том, что одинаковое владение языками противостоит естественному. Высшую форму двуязычия представляет переменная психическая асимметрия во взаимодействии двух языков применительно к разным участкам коммуникации. В этом смысле изучение двуязычия и когнитивного развития – проблема, которая пронизывает наши попытки понять взаимосвязь между разумом, языком и обществом.

Библиографический список

1. *Колишанский Г. В.* Лингвистика и методика в высшей школе // Сб. науч. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. Мориса Тореза. М., 1983. 158 с.
2. *Япикевичус А. И.* Психология формирования многоязычия: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Вильнюс, 1970. 54 с.

3. *Верещагин Е. М.* Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. М., 1969.
4. *Weiss A.* Hauptprobleme der Zweisprachigkeit. Heidelberg, 1959. 214 p.
5. The Source of Enhanced Cognitive Control in Bilinguals: Evidence From Bimodal Bilinguals / K. Emmorey, G. Luk, J. E. Pyers & E. Bialystok // Psychological Science. 2008. № 19(12). P. 1201–1206.
6. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979. 234 с.
7. *Сивакова Ю. Н.* Речевое развитие личности в условиях билингвизма Крайнего Севера: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
8. *Vildomec V.* Multilingualism. Leyden, 1963. 2262 p.
9. *Haugen E.* Language Conflict and Planning: the Case of Modern Norwegian. Cambridge, Mass., 1966. 136 p.
10. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений) / вступ. ст. В. К. Журавлёва, И. В. Журавлёва. 7-е изд. М., 2011. 576 с.

А. К. Артамонов,

аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

«Классифицировать», согласно словарю русского языка, буквально означает «распределять кого-либо или что-либо по группам, разрядам, классам [1, с. 271]. В энциклопедических словарях дается следующее определение понятия «классификация»: это система соподчиненных понятий (классов, объектов) какой-либо отрасли знания или деятельности человека, используемая как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов [2, с. 585]. В науке, в том числе юридической, классификация понимается как прием распределения предметов по группам (классам) на основе какого-либо общего признака, свойства, характеризующегося различными формами проявления [3, с. 285].

Классификация применяется во многих науках, в том числе юридических: например, классифицируются нормы права, виды преступлений, наказаний и т.д. Не удивительно, что она используется и в криминологии – как прием для познания криминологических объектов (преступности, преступников, причин и условий преступности). Так, Г. А. Аванесов писал о классификации причин преступности [4, с. 200], В. Е. Эминов – о классификации преступлений [5, с. 214], Н. Ф. Кузнецова – о классификации преступников [6, с. 132]. Но, к сожалению, в настоящее время не разработано научного видения о сути криминологической классификации, ее целях и задачах, месте и роли в науке криминологии. Сделать

это, несомненно, весьма затруднительно, если учесть многофункциональную сторону подобных классификаций. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к многочисленным публикациям и учебникам по криминологии, в которых видно, что ученым так и не удалось достигнуть единства и необходимой строгости в классификации криминологических объектов, несмотря на стремление авторов найти наиболее приемлемые криминологические классификационные модели.

Любая научная классификация должна отвечать некоторым общим требованиям. Известный правовед и логик Т. Котарбиньский выделял два основных требования к классификации: 1) классификация должна отражать естественное, объективно существующее распределение объектов по группам (классам, категориям), с тем чтобы о всех элементах группы можно было сказать нечто специфическое и важное; 2) признаки, положенные в основу классификации, должны быть существенными в онтологическом смысле, то есть присущими всем элементам данной группы. Такие признаки могут быть как собственными (присущими только элементам данной группы), так и несобственными (присущими более широким совокупностям объектов) [7, с. 641].

Научная классификация – это прежде всего классификация по-

нятий. Она необходима для четкого понимания изучаемых явлений, их сущности, структуры и особенностей. Необходимым условием научно обоснованной классификации является однозначное определение понятий, которыми описываются положенные в основу классификации признаки и их значения. Для того чтобы отнести объект к классу, члены которого обладают некоторым признаком, нужно прежде всего ясно и недвусмысленно определить, что представляет собой этот признак. Если требующаяся ясность не достигнута и используемые понятия многозначны, то один и тот же объект может быть включен в два или несколько классов.

Классификацией обычно именуют логическую операцию и (или) результат распределения предмета по классам, связанным в системе и различающимся между собой по интересующим нас признакам. Иногда подчеркивают, что классификация – это три «вещи»: а) это система классов, предназначенная для характеристики совокупности предметов (понятий), однородных в определенном отношении; б) операция построения этой системы, основанная на определенных правилах; в) распределение исследуемых предметов (понятий) по классам этой системы [8, с. 16].

Формальным критерием классификации является деление исходной

совокупности, то есть разделение ее на класс объектов, обладающих некоторыми признаками, и класс объектов, не обладающих этими признаками. Однако в результате одного деления относительно простая классификация способна удовлетворить потребности криминологии только в сравнительно редких случаях.

Криминологическая наука направлена в первую очередь на выявление причин, формирующих наиболее опасные разновидности антиобщественного поведения; специфическими и важными различиями между разными группами (категориями) преступных деяний являются признаки, указывающие на происхождение этих деяний. Дело в том, что исследователя интересует обычно не просто наличие или отсутствие какого-либо признака, но и наличие определенного значения этого признака. Например, деление совокупности преступников на впервые осужденных и рецидивистов является, как правило, только исходным пунктом классификации. Для криминологии важно классифицировать рецидивистов более обособленно, выделяя лиц, осужденных дважды, трижды и т.д. Классификации, которые формируются в обыденном сознании, основаны на интуитивных представлениях о сходстве между объектами. Научные же классификации должны

базироваться на достаточно точном знании о природе такого сходства. Это означает, что всякая научная классификация как бы суммирует имеющиеся знания о классифицируемых объектах и в то же время является отправным пунктом для получения нового знания.

Основной целью криминологической классификации является разработка рекомендаций для углубленного познания сходных видов (групп) преступлений, а также наращивания наиболее эффективных мер по их профилактике. Следовательно, криминологическая классификация должна строиться так, чтобы преступления, обусловленные различными признаками, оказались в разных группах (категориях). Так, отечественная криминология в истоках собственного развития использовала уголовно-правовую классификацию преступлений, классификацию по объекту преступления, то есть по общественным отношениям, на которые посягал преступник.

Как нам видится, прежде всего необходимо определиться с теми объектами криминологического исследования, которые следует классифицировать. Выше отмечалось, что это прежде всего виды преступности, личность преступника, причины и условия преступности. Но этими объектами нельзя ограничиваться. Требуется классификация

и мер предупреждения преступности, и профилактики преступлений; планов предупреждения преступности; видов криминологических прогнозов. Возможны и иные объекты, нуждающиеся в классификации.

Кроме того, видится необходимым определение оснований для той или иной классификации и, самое главное, определение того, как эти классификации будут использоваться в практике предупреждения

преступности. Поэтому полагаем важным исследовать саму категорию криминологической классификации, определив ее понятие, цели, задачи, классификационные объекты и основания классификации.

В настоящей работе мы обозначили главные вопросы, связанные с криминологической классификацией, но их решение возможно в рамках проведения более глубоких исследований.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2007. 640 с.
2. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 1985. 1599 с.
3. Сырых В. М. История и методология юридической науки. М., 2013. 464 с.
4. Аванесов Г. А. Криминология: учебник. М., 1984. 575 с.
5. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М., 1995. 512 с.
6. Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского. М., 1998. 415 с.
7. *Контрабиньский Т.* Избранные произведения. М., 1963. 910 с.
8. Воронин Ю. А. Теория классифицирования и ее приложения. Новосибирск, 1985. 231 с.

А. А. Смирных,

аспирант кафедры «Государственно-правовые дисциплины»
Пензенского государственного университета

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ВЫСШЕЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЦЕННОСТЬЮ

Конституция РФ (ст. 2) признает человека, его права и свободы высшей ценностью современного Российского государства [1]. Данная норма является базисом построения всей правовой системы России.

По мнению профессора Б. С. Эбзеева, данная норма является проявлением признания Конституцией РФ человека самоценностью [2, с. 61]. Такой подход основан на общепризнанных моральных позициях о равенстве между собой всех людей, которые стали одним из лозунгов демократических преобразований в российском обществе. Результатом указанных преобразований явилась их конституционализация. Статья 2 Основного Закона России косвенно обязует государство создать эффективный, развитый, сложный механизм защиты и реализации прав человека, и наоборот – наделяет человека правом требовать соблюдения принадлежащих ему прав и создания необходимых условий для их реализации [2, с. 61].

Представляется возможным согласиться с утверждением М. С. Пермиловского о том, что данную норму следует считать одной из нормативных основ конституционного антропоцентризма, заложенного в основах конституционного строя [3, с. 9].

Таким образом, центральной идеей построения конституционного строя России является необходимость гарантирования защиты и беспрепятственной реализации прав человека, тем самым – обеспечение его гармоничного существования. Вся правовая система и государственный механизм России должны быть нацелены на достижение этой цели. В таком контексте права человека должны толковаться, имея своей конечной целью обеспечение максимальной пользы для него [3, с. 9].

Тем не менее провозглашение человека и его прав высшей ценностью не следует воспринимать как норму, возводящую данные ценности в ранг абсолюта посредством умаления иных конституционных ценностей. В практической плоскости это касается, в первую очередь, реализации прав одного человека в ущерб прав других людей.

Рассуждая о самоценности человека и его прав, Б. С. Эбзеев отмечает, что признание таковых в ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью свидетельствует об их атрибутивном по отношению к человеку характере [2, с. 61]. Данная позиция проистекает из концепции естественных прав человека, согласно которой права принадлежат каждому с момента его рождения, а не даруются ему государством. В таком случае государство выступает не всемогущим сувереном, а гарантом прав, обеспечивающим их. Следовательно, государство не может изъять у человека его права.

Вместе с тем абсолютизация прав человека может привести к ущемлению иных конституционных ценностей, в том числе возможна ситуация нарушения прав одного человека в ходе реализации прав другого. Для предотвращения подобных ситуаций осуществление прав и свобод человека и гражданина, в соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, не должно нарушать

права и свободы других лиц [1]. Данное правило также проистекает из ст. 2 Основного Закона, однако теперь оно работает в направлении установления границ прав человека, пытающегося их использовать параллельно с ущемлением прав другого человека или группы лиц. Системное толкование ст. 2 и ч. 3 ст. 17 Конституции РФ свидетельствует о возможности и необходимости установления границ прав человека. Такая необходимость, как отмечает Б. С. Эбзеев, «проистекает из естественного сочленства индивида в обществе, в котором только и возможно его становление как личности, и в этом смысле является атрибутивным свойством человеческой личности и потребностью социального развития» [2, с. 73].

В подобном ключе сформулированы идеи философов – творцов концепции общественного договора. Так, по Т. Гоббсу, «при установлении государства люди руководятся стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося... необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и принуждающей их угрозой наказания к выполнению их соглашений и к соблюдению естественных законов» [4, с. 169]. По мнению Т. Гоббса, в условиях отсутствия достаточно

сильной власти, имеющей целью обезопасить каждого, всякий человек будет законно применять всю свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить исключительно себя [4, с. 169].

Похожей точки зрения придерживается Дж. Локк, который считает, что в отсутствие субъекта, обладающего большей властью, чем сами люди, а также законов, ограничивающих их абсолютную свободу, человек может перейти от естественного состояния в состояние войны [5, с. 270–274]. Во избежание данной ситуации люди объединяются в общество, в котором создаются законы, общие для всех и защищающие одних лиц от «непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека» [5, с. 273–275].

Таким образом, идея об ограничении прав человека в целях защиты тех самых прав была неотъемлемой частью учения об общественном договоре. Сама суть создания государства в идеях творцов указанной концепции сводилась к обеспечению и защите прав человека в первую очередь от произвола других лиц, в том числе от использования ими своих прав в ущерб другим людям.

Таким образом, ограничение прав человека возможно и даже необходимо для обеспечения истинного равенства прав людей. Одна-

ко предусмотренные в российской Конституции положения об ограничении прав человека предполагают защиту не только прав человека, но и иных благ. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1]. Аналогично ч. 1 ст. 56 Конституции РФ закрепляет в качестве цели ограничения прав человека (кроме обеспечения безопасности граждан) обеспечение защиты конституционного строя [1]. Тем не менее, несмотря на более широкие объекты защиты посредством ограничения прав человека, сформулированные в указанных конституционных нормах, все они (защищаемые объекты) так или иначе восходят к защите прав человека: защита основ конституционного строя от внешних и внутренних посягательств на сложившийся конституционный строй, в том числе признание человека и его прав высшей ценностью, народного суверенитета, демократизма, социального характера Российского государства, политического и идеологического многообразия и дру-

гих основ конституционного строя, необходимых для действительного существования человека как высшей конституционной ценности; защита здоровья населения, в том числе конкретной личности; обеспечение обороны страны и безопасности государства от военного либо иного воздействия на государство, гипотетически способного также навредить человеку, его жизни, здоровью, свободе.

Следует отметить, что возможность введения ограничений прав гражданина предусмотрена не только Конституцией РФ, но и международными актами: Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. (ст. 29) [6], Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 4–5) [7], Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 4–5) [8].

В контексте указанного правового дуализма следует обратить внимание на позицию немецкого исследователя К. Штерна: «Все основные права, даже если они исходят из естественных прав человека, имеют предпосылкой своего существования, с одной стороны, наличие государства, которое их гарантирует и защищает, с другой – противостояние именно этого государства основным правам. Из этой дилеммы может быть только один выход: провести тонкое, дифферен-

цированное разграничение между сферой защиты основных прав и их ограничениями» [9, с. 185]. Анализируя данную идею К. Штерна, М. А. Краснов утверждает, что «государство одновременно обязано и защищать права, и ограничивать их во имя защиты публичного интереса и иных правообладателей» [10, с. 82].

Таким образом, можно сделать вывод, что ограничения прав и свобод гражданина преследуют в качестве одной из центральных своих целей защиту прав. Несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, антагонистичность этих явлений, можно утверждать, что ограничение прав человека является опосредованным проявлением правозащитной функции государства. По мнению отечественных ученых в области теории государства и права, в данных функциях проявляется сущность государства [11, с. 157; 12, с. 67]. Проявляющаяся в данной стратегической (правозащитной) и тактической (защита прав через ограничение прав человека) функциях сущность государства также коррелирует с идеями о государстве и правах человека в воззрениях великих просветителей. Но самое главное, использование в качестве вектора ограничения прав человека их же защиты не только не противоречит, но и подтверждает положение ст. 2 Конституции РФ.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. № 237 (853); СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М., 2013. 1040 с.
3. *Пермиловский М. С.* Конституционная аксиология прав человека: философия антропоцентризма в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 7–11.
4. *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2017. 608 с.
5. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т.: пер. с англ. и лат. / ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М., 1988. Т. 3. 668 с.
6. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17 (1831).
9. *Штерн К.* Защита основных прав и их ограничения // Государственное право Германии: в 2 т.: пер. с нем. М., 1994. Т. 2. 320 с.
10. *Краснов М. А.* Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав) // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 82–93.
11. *Кулапов В. Л.* Теория государства и права: учебник. Саратов, 2011. 486 с.
12. *Нерсесянц В. С.* Теория права и государства: учебный курс. М., 2013. 272 с.

С.С. Терещук,

соискатель кафедры административного и муниципального права
Саратовской государственной юридической академии

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ СЛУЖЕБНО-ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Важность надлежащей реализации правовых принципов обусловлена тем, что они, определяя специфику регламентации общественных отношений, прямо или опосредованно влияют на эффективность процессуальной деятельности, обеспечение гарантий защиты прав участников административных производств.

В законодательстве принципы служебно-дисциплинарного производства прямо не закреплены. Однако анализ существующих в науке взглядов на систему таких принципов позволяет сделать вывод, что в качестве таковых следует понимать принципы: беспристрастности; объективности и всесторонности рассмотрения дела; обоснованности дисциплинарного взыскания; справедливости; свободы выбора вида дисциплинарного взыскания; оперативности. Данные принципы находят выражение и при рассмотрении дел о дисциплинарных коррупционных правонарушениях, поскольку содержанием дисциплинарного производства как по общему, так и по коррупционным основаниям служит деятельность по применению к лицам, совершившим дисциплинарный проступок, дисциплинарных взысканий [1, с. 198–199].

В осуществлении некоторых принципов служебно-дисциплинарного производства при рассмотрении дел о коррупционных правонарушениях имеются проблемы, требующие внимания законодателя. Так, принцип объективности и всесторонности рассмотрения дела находит выражение в императивном требовании учета таких обстоятельств, как характер совершенного дисциплинарного коррупционного правонарушения, его тяжесть, соблюде-

ние служащим иных ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнение им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Кроме того, должны быть учтены предшествующие результаты исполнения служащим должностных обязанностей. При этом решение по делу должно быть основано лишь на установленных фактах и доказательствах.

Однако данный принцип в действующем законодательстве отражен не в полной мере. Так, особенностью проведения проверки является отсутствие нормативно закреплённого требования получения объяснения от сотрудника, совершившего коррупционное правонарушение. Указанное необходимо признать существенным пробелом правового регулирования дисциплинарного производства, поскольку без получения такого объяснения не представляется возможным в полной мере выяснить обстоятельства дела и обеспечить гарантии защиты привлекаемого к ответственности лица посредством указания им обстоятельств, исключающих его вину в совершенном деянии. Таким образом, в законодательных актах, определяющих порядок дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе,

а именно в Федеральных законах «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] (далее – Закон № 79-ФЗ), «О воинской обязанности и военной службе» [3], «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» [5], «О прокуратуре Российской Федерации» [6], «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [7], «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], требуется указать, что государственный служащий, в отношении которого подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений проводится проверка, имеет право давать устные или письменные объяснения, представлять заявления, ходатайства и иные документы.

Принцип обоснованности дисциплинарного взыскания означает необходимость принятия решения

на основе всех достоверно установленных фактов и с учетом всех обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела. Вместе с тем существует возможность привлечения служащего к ответственности за совершение коррупционного правонарушения без заключения комиссии по урегулированию конфликтов интересов. Об этом свидетельствует содержание ст. 59.3 Закона № 79-ФЗ, закрепляющей необязательность направления доклада о результатах проверки на рассмотрение соответствующей комиссии. Данный вывод подтверждается судебной практикой [9–11]. Справедливо мнение, что «диспозитивный характер указанных положений законодательства выглядит инородным телом в механизме ответственности за совершение коррупционных правонарушений, который в целом основывается на обязательности наказания допустивших их служащих и, соответственно, императивном характере требований закона» [12, с. 159].

Таким образом, следует признать недопустимой возможность, а не обязательность проверки и оценки информации о совершении служащими коррупционных правонарушений комиссией по урегулированию конфликтов интересов, поскольку следствием данной ситуации является риск необоснованного принятия решения. Поэто-

му в ст. 59.3 Закона № 79-ФЗ требуется закрепить положение о том, что взыскания за совершение коррупционных правонарушений применяются представителем нанимателя на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений и комиссии по урегулированию конфликтов интересов, в случае, если имеются признаки несоблюдения требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов. Аналогичные изменения необходимо внести в иные законодательные акты, определяющие порядок дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе.

В соответствии со ст. 59.3 Закона № 79-ФЗ, взыскания за совершение коррупционных правонарушений применяются представителем нанимателя на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений, и на основании рекомендации комиссии по урегулированию конфликтов интересов. Порядок проведения данной проверки регламентирован Указом Президента

РФ [13]. Однако судебная практика свидетельствует о возможности применения дисциплинарных взысканий за совершение коррупционных правонарушений по итогам служебной проверки [14–19]. Эту ситуацию нельзя признать допустимой, поскольку законодательство разграничивает дисциплинарное производство по общим основаниям и дисциплинарное производство по делам о коррупционных правонарушениях на государственной службе. Взыскания за коррупционные правонарушения должны применяться по результатам специально установленной законодательством процедуры, а именно проверки, проведенной подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в данном случае – компетентным субъектом, способным принять обоснованное решение в рамках своих полномочий.

Принцип справедливости предполагает необходимость соответствия наказания характеру совершенного дисциплинарного коррупционного правонарушения и его тяжести. Однако Федеральный закон «О противодействии коррупции» [20] не содержит указания на то, что дисциплинарное коррупционное правонарушение может быть признано малозначительным.

Кроме того, критерии оценки малозначительности нормативно не закреплены. Разработанные Минтрудом России Методические рекомендации [21], затрагивающие вопросы определения малозначительности правонарушения, не являются нормативным актом, а также содержат лишь приблизительный перечень ситуаций, которые могут быть расценены как малозначительные деяния.

В юридической науке существуют противоположные точки зрения на проблему малозначительности дисциплинарного коррупционного правонарушения. Так, по мнению С.Е. Чаннова, «законодательство о противодействии коррупции на государственной и муниципальной службе должно допускать применение более мягких дисциплинарных санкций за коррупционные правонарушения, которые по своей объективной стороне являются достаточно серьезными, однако в определенной конкретной ситуации не несут значительных негативных последствий и могут трактоваться как малозначительные» [22]. В то же время М.Б. Добробаба считает, что признание дисциплинарного коррупционного проступка малозначительным нецелесообразно, и предлагает отказаться от употребления данного понятия, поскольку используемые в обзоре Минтруда России термины «малозначитель-

ные» и «несущественные» совпадают по семантическому значению [23].

Однако, чтобы на практике обеспечить разграничение малозначительных и иных коррупционных правонарушений, следует устранить существующий нормативный пробел, состоящий в том, что законодательство прямо не указывает на необходимость учета соразмерности дисциплинарного взыскания тяжести дисциплинарного коррупционного правонарушения и степени вины государственного служащего, его совершившего.

Принцип оперативности, по справедливому мнению исследователей [24], является характерным для всех административно-юрисдикционных производств и, соответственно, находит выражение в служебно-дисциплинарном производстве. Он заключается в том, что законодательство устанавливает сжатые сроки осуществления процессуальных действий.

Обозначенный принцип также воплощается в обязанности соблюдения сроков давности привлечения к дисциплинарной ответственности. Дисциплинарные взыскания к государственным гражданским служащим применяются не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении коррупционного правонарушения. В данный срок не включаются

периоды временной нетрудоспособности служащего, пребывания в отпуске, другие случаи его отсутствия на службе по уважительным причинам. Срок применения взыскания не должен превышать трех лет со дня совершения дисциплинарного коррупционного правонарушения. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу. Представляется, что установление сроков давности в таких пределах, с точки зрения законодателя, является наиболее оптимальным для осуществления производства, поскольку по их истечении привлечение лица к дисциплинарной ответственности может утратить значимость. Данной позиции придерживается в своем определении и Конституционный Суд РФ [25].

Однако ряд нормативных актов отличаются от Закона № 79-ФЗ порядком исчисления срока давности. Так, Федеральные законы «О прокуратуре Российской Федерации» и «О службе в таможенных органах Российской Федерации» закрепляют, что в шестимесячный срок для применения дисциплинарного взыскания не включаются лишь случаи болезни работника и нахождения его в отпуске. Формулировка «уважительные причины» не используется.

Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Россий-

ской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 51.1 устанавливает, что взыскания за совершение коррупционных правонарушений налагаются не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении сотрудником органов внутренних дел деяния, не считая периодов временной нетрудоспособности сотрудника, нахождения его в отпуске или командировке. Таким образом, к случаям, когда срок давности приостанавливается, закон относит нахождение служащего органов внутренних дел в командировке. Однако перечень таких случаев, в отличие от перечня, закрепленного Законом № 79-ФЗ, является закрытым. Аналогичные перечни установлены Федеральными законами «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» и «О воинской обязанности и военной службе».

Отсутствие единообразия норм законодательных актов

в вопросе установления обстоятельств, при которых течение срока давности привлечения к ответственности за совершение дисциплинарного коррупционного правонарушения прерывается, представляется необоснованным ввиду единства антикоррупционной политики государства. Дисциплинарная ответственность за совершение проступков, не относящихся к коррупционным правонарушениям, на военной службе и государственной службе иных видов характеризуется большей строгостью мер принуждения к нарушителям служебной дисциплины, чем на государственной гражданской службе. Однако представляется, что специфика милитаризованной службы не должна отражаться на особенностях привлечения к ответственности за дисциплинарные коррупционные правонарушения, поскольку в данном случае речь идет не о нарушениях требований служебной дисциплины, а о несоблюдении установленных федеральным законодательством запретов и ограничений, направленных на предотвращение коррупции.

В связи с этим в соответствующих нормативных актах, определяющих порядок привлечения государственных служащих к ответственности за совершение дисциплинарных коррупционных пра-

вонарушений, требуется закрепить единый перечень случаев, когда срок давности прерывается. Наиболее оптимален подход, нашедший выражение в Законе № 79-ФЗ, а именно нормативное установление о том, что в срок для применения дисциплинарного взыскания не включаются периоды временной нетрудоспособности гражданского служащего, пребывания его в отпуске, другие случаи отсутствия его на службе по уважительным причинам, а также время производства по уголовному делу. Это связано с тем, что наличие уважи-

тельных причин отсутствия лица на службе должно устанавливаться в каждом конкретном случае при рассмотрении дела, а закрепление в нормативных актах их исчерпывающего перечня не представляется возможным.

Устранение обозначенных законодательных пробелов позволит обеспечить эффективность и оперативность рассмотрения дел о дисциплинарных коррупционных правонарушениях, а также повысить уровень правовых гарантий привлекаемых к ответственности государственных служащих.

Библиографический список

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. М., 2018. 352 с.
2. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 7 октября 2022 г.) // СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215; 2022. № 41, ст. 6941.
3. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в ред. от 24 сентября 2022 г.) // СЗ РФ. 1998. № 13, ст. 1475; 2022. № 39, ст. 6540.
4. Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2016. № 22, ст. 3089; 2023. № 1, ч. 1, ст. 53.
5. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (в ред. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2018. № 30, ст. 4532; СЗ РФ. 2022. № 50, ч. 3, ст. 8792.

6. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2022 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366; 2023. № 1, ч. 1, ст. 39.

7. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1997. № 30, ст. 3586; 2022. № 50, ч. 3, ст. 8792.

8. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7020; 2022. № 50, ч. 3, ст. 8792.

9. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 21 октября 2014 г. по делу № 33-3769/2014. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

10. Решение Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 24 июля 2019 г. № 2А-3050/2019 2А-3050/2019~М-1753/2019 М-1753/2019 по делу № 2А-3050/2019. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Решение Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 11 августа 2017 г. № 2-1518/2017 2-1518/2017~М-1337/2017 М-1337/2017 по делу № 2-1518/2017. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Кузнецов В. И., Трунцевский Ю. В., Ломакина Л. А. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 159–169.

13. Указ Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» (вместе с Положением о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению) (в ред. от 25 апреля 2022 г.) // СЗ РФ. 2009. № 39, ст. 4588; 2022. № 18, ст. 3053.

14. Решение Центрального районного суда г. Красноярска от 12 декабря 2013 г. № М-4352/2013. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

15. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 20 октября 2015 г. по делу № 33-24740/2015. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

16. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 27 октября 2015 г. по делу № 33-23368/2015. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

17. Решение Белоярского районного суда Свердловской области от 14 января 2020 г. № 2-1078/2019 2-1078/2019~М-1012/2019 М-1012/2019 по делу № 2-1078/2019. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

18. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 29 июля 2020 г. № 2-4558/2020 2-4558/2020~М-4113/2020 М-4113/2020 по делу № 2-4558/2020. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Решение Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 21 июля 2020 г. № 2-1679/2020 2-1679/2020~М-1622/2020 М-1622/2020 по делу № 2-1679/2020. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

20. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 31 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228; 2020. № 31, ч. 1, ст. 5018.

21. Письмо Минтруда России от 13 ноября 2015 г. № 18-2/10/П-7073 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» (вместе с Методическими рекомендациями по привлечению к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

22. Чаннов С. Е. Может ли коррупционный проступок быть малозначительным? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2197–2203.

23. Дობробаба М. Б. Формализация оснований дисциплинарной ответственности государственных служащих: проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 17–21.

24. *Лецина Э.Л.* Принципы служебного дисциплинарного производства // Административное право и процесс. 2020. № 12. С. 20–23.

25. Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 1858-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бронниковой Оксаны Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части 1 статьи 59.2 и частью 3 статьи 59.3 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

АННОТАЦИИ | ABSTRACTS

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИО ТЕНДЕНЦИЯХ ПРЕСТУПНОСТИ, СУДИМОСТИ, УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
И О СООТВЕТСТВИИ УКАЗАННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ДРУГ ДРУГУ**Лопашенко Наталья Александровна***доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, лауреат Национальной премии по литературе в области права, заслуженный юрист РФ*

Аннотация. Автор рассуждает о том, насколько соответствуют друг другу тенденции современной преступности, судимости и законотворчества. Констатируется несовпадение тенденций к снижению преступности и судимости (их снижение коррелируется) и тенденция к высокому росту норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за конкретные преступления (превалирует и тенденция к расширению криминализации).

Ключевые слова: тенденции преступности, тенденции судимости, криминализация, уголовное законотворчество.

ON THE TRENDS OF CRIME, CRIMINAL RECORD, CRIMINAL LAWMAKING
IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE AND ON THE CORRESPONDENCE
OF THESE TRENDS TO EACH OTHER**Lopashenko Natalia Aleksandrovna***Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy, Laureate of the National Prize for Literature in the Field of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation*

Abstract. The author discusses how the trends of modern crime, criminal record and lawmaking correspond to each other. There is a discrepancy between the trends in reducing crime and criminal records (their decrease is correlated) and the tendency for a high increase in the norms of criminal law providing for responsibility for specific crimes (the tendency to expand criminalization prevails for a long time).

Keywords: crime trends, criminal record trends, criminalization, criminal law-making.

ВОПРОСЫ ВЫРАБОТКИ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И КРИМИНОГЕННОЙ ОБСТАНОВКИ В РЕГИОНЕ

Болдырев Дмитрий Валерьевич

старший помощник прокурора Саратовской области по организационным вопросам и контролю исполнения

Аннотация. В статье рассматривается координационная деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Посредством системного анализа нормативных правовых актов раскрывается содержание координационной деятельности и взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Автор анализирует формы осуществления координационной деятельности и выделяются основные критерии оценивания ее эффективности.

Ключевые слова: правоохранительные органы, борьба с преступностью, координационная деятельность, взаимодействие, прокуратура.

ISSUES OF DEVELOPING CRITERIA FOR ASSESSING THE COORDINATION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR AND ITS IMPACT ON THE STATE OF CRIME AND CRIMINOGENIC SITUATION IN THE REGION

Boldyrev Dmitry Valerievich

Senior Assistant to the Prosecutor of the Saratov Region for Organizational Issues and Control of Execution

Abstract. The article deals with the coordination activities of law enforcement agencies in the fight against crime. Through a systematic analysis of legal acts, the content of the coordination activities and interaction of law enforcement agencies in the fight against crime is revealed. The author analyzes the forms of implementation, and highlights the main criteria for evaluating the effectiveness of coordination activities.

Keywords: law enforcement agencies, fight against crime, coordination activity, interaction, prosecutor's office.

КООРДИНАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Варьгин Александр Николаевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

Бытко Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Несмотря на то что координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью являлась и является одной из главных функций органов прокуратуры, далеко не все ее аспекты в теории прокурорского надзора исследованы. Остается ряд вопросов, требующих рассмотрения, в частности, это касается самого понятия данной деятельности, ее целей и задач, а также определения критериев эффективности такой деятельности органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, координационная деятельность органов прокуратуры, критерии и показатели эффективности координационной деятельности органов прокуратуры.

COORDINATION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE AND THE PROBLEMS OF ITS EFFECTIVENESS

Varygin Alexander Nikolaevich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Bytko Sergey Yurievich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Abstract. Despite the fact that the coordination of the activities of law enforcement agencies to combat crime has been and is one of the main functions of the prosecutor's office, not all its aspects in the theory of prosecutorial supervision have been investigated and a number of issues remain to be considered, in particular, this concerns the very concept of such activities, its goals and objectives, as well as determination of criteria for the effectiveness of such activities of the prosecutor's office.

Keywords: prosecutor's office, coordination activities of the prosecutor's office, criteria and indicators of the effectiveness of coordination activities of the prosecutor's office.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Богатова Екатерина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В представленной статье рассматривается функция прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Анализируется правовое регулирование данной деятельности, отмечаются недостатки и проблемы, возникающие на практике.

Ключевые слова: координация, функции прокуратуры, согласованность действий.

PROBLEM ASPECTS OF COORDINATION OF ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES TO COMBAT CRIME

Bogatova Ekaterina Vladimirovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article discusses the function of the prosecutor's office to coordinate the activities of law enforcement agencies in the fight against crime. The legal regulation of this activity is analyzed, shortcomings and problems arising in practice are noted.

Keywords: coordination, functions of the prosecutor's office, coordination of actions.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ

Грачёва Ольга Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

Титова Анжела Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ теоретических и практических вопросов, связанных с повышением эффективности деятельности органов прокуратуры РФ по противодействию преступным проявлениям, рассмотрены критерии и показатели эффективности координационной деятельности органов прокуратуры в данном направлении.

Ключевые слова: координационная деятельность прокуратуры, органы правоохранительной системы, борьба с преступностью, эффективность координации, результативность координации, оценка координации.

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE COORDINATION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE TO COUNTERACT CRIMINAL MANIFESTATIONS

Gracheva Olga Alekseevna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Titova Angela Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of theoretical and practical issues related to improving the effectiveness of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to prevent criminal manifestations, the criteria and indicators of the effectiveness of the coordination activities of the prosecutor's office in this direction are considered.

Keywords: coordination activities of the prosecutor's office, law enforcement agencies, fight against crime, effectiveness of coordination, effectiveness of coordination, evaluation of coordination.

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Шерпеева Алина Заурбековна

аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются нравственно-психологические особенности лиц, совершающих дорожно-транспортные преступления: их интересы и потребности, поведение до совершения преступления, отношение к совершенному деянию. Анализируются мотивы преступных действий указанных

лиц. Автором констатируется, что большинству дорожно-транспортных преступников, даже тем, кто совершает преступления по неосторожности, присущи многие негативные нравственно-психологические свойства и качества, как и большинству лиц, нарушающих уголовный закон.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, личность дорожно-транспортного преступника, нравственно-психологические свойства и качества преступника, антиобщественная направленность личности дорожно-транспортного преступника.

MORAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF CRIMINALS WHO COMMIT TRAFFIC CRIMES

Sherpeeva Alina Zaurbekovna

postgraduate student of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the moral and psychological characteristics of persons committing road traffic crimes: their interests and needs, behavior before committing a crime, attitude to the committed act. The motives of the criminal actions of these persons are also analyzed. The author states that the majority of road traffic criminals, even those who commit crimes by negligence, have many negative moral and psychological properties and qualities, as well as most persons who violate the criminal law.

Keywords: traffic crime, personality of a traffic criminal, moral and psychological properties and qualities of a criminal, antisocial orientation of the personality of a traffic criminal.

К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ЗНАЧЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Абросимова Ольга Константиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Россия сегодня переживает сложный период. Идут активные процессы политических, правовых и нравственных преобразований, трансформации общественных отношений. Государство возвращается на путь формирования единой государственной политики в сфере укрепления традиционных российских нравственных ценностей. Изменения в общественных отношениях ведут к переосмыслению, в том числе на государственном уровне, роли социальных регуляторов, прежде всего права и морали.

Ключевые слова: право, мораль, нравственность, социальные регуляторы, воспитание личности, государственная политика, традиционные ценности.

THE IMPORTANCE OF MORAL AND LEGAL EDUCATION OF THE INDIVIDUAL FOR THE FORMATION OF A UNIFIED STATE POLICY IN THE FIELD OF PATRIOTISM IN MODERN RUSSIA

Abrosimova Olga Konstantinovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. Russia is going through a difficult period today. There are active processes of political, legal and moral transformations, transformation of public relations. The state is returning to the path of forming a unified state policy in the field of strengthening traditional Russian moral values. Changes in public relations lead to a rethinking, including at the state level, of the role of social regulators, primarily law and morality.

Keywords: law, morality, morality, social regulators, personal education, public policy, traditional values.

ПРОЦЕДУРА САМООБСЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ПОЗИТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ

Комбарова Елена Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера Саратовской государственной юридической академии

Щербакова Ольга Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу практики образовательных организаций высшего образования (далее – ОО ВО) по проведению процедуры самообследования. Путем случайной выборки было определено 35 образовательных организаций высшего образования из 8 федеральных округов, отчеты о самообследовании которых подверглись анализу по всем показателям деятельности ОО ВО с целью выявления позитивных практик и типичных ошибок при проведении самообследования. По итогам изучения отчетов о самообследовании ОО ВО были установлены самые распространенные и общие нарушения, затрагивающие порядок составления отчетов о самообследовании организации за предшествующий календарный год.

Ключевые слова: самообследование, образовательная организация, высшее образование, отчет о самообследовании, образовательная деятельность.

THE PROCEDURE OF SELF-EXAMINATION OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS: POSITIVE PRACTICES AND TYPICAL ERRORS

Kombarova Elena Valerievna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named Professor Isaak Efimovich Farber of the Saratov State Law Academy

Shcherbakova Olga Vasilievna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, Forensic Science and Pedagogy of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article is devoted to the analysis of the practice of educational institutions of higher education in conducting the self-examination procedure. By random sampling, 35 educational institutions of higher education from 8 federal districts were identified, the self-examination reports of which were analyzed for all indicators of the activity of an educational institution of higher education in order to identify positive practices and typical mistakes in conducting self-examination. As a result of the study of reports on self-examination of educational institutions of higher education, the most common and general violations affecting the procedure for compiling reports on self-examination of an organization for the previous calendar year were identified.

Keywords: self-examination, educational organization, higher education, self-examination report, educational activities.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО СПОРТСМЕНА В УСЛОВИЯХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ****Куземко Юлия Владимировна**

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры и спорта Саратовской государственной юридической академии

Трушечкина Елизавета Валерьевна

старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта Саратовской государственной юридической академии

Пурахина Оксана Владимировна

старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье представлены фундаментальные основы конституционно-правового статуса спортсмена в условиях международных санкций на примере правотворческой деятельности в Российской Федерации. Проанализированы нормы концепции внешней политики РФ, устанавливающие в качестве одного из приоритетных направлений в сфере гуманитарного сотрудничества и прав человека защиту законных интересов спортсменов, выступающих под флагом страны – участника соревнования. Выявлено, что реализация гражданских прав находится во взаимосвязи с физической культурой и спортом, а правовой статус характеризует положение гражданина в международной системе отношений. Исследовательская практика зафиксировала высокую степень заинтересованности правотворческой деятельностью в области физической культуры и спорта в молодежной среде, реформированием трудового законодательства при перспективах актуальности совершенствования законодательства в условиях санкций, в частности спортивного национального арбитража.

Ключевые слова: конституционный статус, права человека, санкции, система органов, национальный спортивный арбитраж, профессиональный спортсмен, международные федерации.

**LEGAL STATUS OF RUSSIAN ATHLETES UNDER INTERNATIONAL
SANCTIONS: ANALYSIS AND PROSPECTS****Kuzemko Yulia Vladimirovna**

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Culture and Sports of the Saratov State Law Academy

Trushechkina Elizaveta Valerievna

Senior Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports of the Saratov State Law Academy

Purakhina Oksana Vladimirovna

Senior Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article presents the fundamental foundations of the constitutional and legal status of an athlete in the context of international sanctions on the example of law-making activities in the Russian Federation. The norms of the concept of the foreign policy of the Russian Federation are analyzed, where the priorities are in the field of humanitarian cooperation and human rights, establishing the protection of the legitimate interests of athletes performing under the flag of the country participating in the competition. It has been revealed that the realization of civil rights is interconnected with physical culture and sports, and the legal status characterizes the position of a citizen in the international system of relations. Research practice has recorded a high degree of interest in law-making activities in the field of physical culture and sports among the youth, reforming labor legislation with the prospects for further relevance of improving legislation in the context of sanctions, in particular, national sports arbitration.

Keywords: constitutional status, human rights, sanctions, system of organs, national sports arbitration, professional athlete, international federations.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ
ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСТВА
ФИНАНСОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ****Мальшева Анастасия Андреевна**

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты регулирования финансовой грамотности населения в России. Несмотря на реализацию Министерством финансов РФ и Банком России государственной политики по повышению уровня финансовой грамотности и финансовой культуры граждан, он остается недостаточно высоким, что предопределяет недоверие граждан к финансовым организациям, финансовому рынку и банковской системе и в конечном итоге препятствует экономическому развитию страны. Предлагается один из возможных вариантов решения данной проблемы – развитие волонтерства финансового просвещения в студенческой среде образовательных организаций юридического профиля.

Ключевые слова: правовое регулирование, финансовая грамотность, Банк России, волонтерство, финансовое просвещение.

**LEGAL REGULATION OF FINANCIAL LITERACY OF THE POPULATION
AND DEVELOPMENT OF DEVELOPMENT OF VOLUNTEERISM IN FINANCIAL
EDUCATION AMONG STUDENTS****Malysheva Anastasia Andreevna**

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article deals with the legal aspects of the regulation of financial literacy of the population in Russia. Despite the implementation citizens by the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Bank of Russia of state policy to improve financial literacy and financial culture of, at present it is still not high enough, which predetermines the distrust of citizens to financial institutions, financial market and banking system, and, ultimately, prevents the economic development of the country. The article suggests one of the possible variants of solving this problem on the basis of development of financial education volunteerism among students of educational organizations of legal profile.

Keywords: legal regulation, financial literacy, Bank of Russia, volunteering, financial education.

О ПРИРОДЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Пазына Мария Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются специфика предпринимательского права, особенности отношений, входящих в его предмет, а также соотношение предпринимательского права и гражданского.

Ключевые слова: предпринимательское право, предмет и метод предпринимательского права, предпринимательская деятельность.

ON THE SPECIFICS OF BUSINESS LAW

Pazyuna Maria Alekseevna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article discusses the specifics of business law, the features of the relations included in its subject, as well as the relationship between business law and civil law.

Keywords: business law, subject and method of business law, entrepreneurial activity.

РИСК КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Пискунова Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты становления, теоретико-правовые позиции и законодательная регламентация риска, степень его распространения в любом виде юридической деятельности. На основании выведенных признаков риска как правовой категории автором обосновывается необходимость широкого подхода к пониманию его природы, его связь с возможным наступлением не только неблагоприятных последствий, но и положительных.

Ключевые слова: риск, право, юридическая деятельность, неопределенность, вероятность.

RISK AS A LEGAL CATEGORY: TO RAISE THE QUESTION

Piskunova Olga Vladimirovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the historical aspects of the formation, theoretical and legal positions and legislative regulation of risk, the degree of its spread in any kind of legal activity. The author, based on the deduced signs of risk as a legal category, substantiates the need for a broad approach to understanding its nature, its connection not only with the possible occurrence of adverse consequences, but also positive ones.

Keywords: risk, law, legal activity, uncertainty, probability.

НЕОБХОДИМО ЛИ РЕФОРМИРОВАТЬ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В РОССИИ: НОВЫЙ ПОДХОД К РЕГЛАМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ИНСТИТУТА ПОДОЗРЕНИЯ (ЧАСТЬ 1)

Потапенко Пётр Георгиевич

главный специалист управления безопасности ООО «Бэст-консалтинг» (г. Москва), пенсионер органов прокуратуры РФ, советник юстиции

Аннотация. Институт подозреваемого является одним из основных институтов уголовного процесса. В настоящей статье автор предлагает и аргументирует необходимость реформирования стадии уголовного преследования в уголовном судопроизводстве РФ.

Ключевые слова: уголовное преследование, форма уголовного преследования, подозрение, подозреваемый.

IS IT NECESSARY TO REFORM CRIMINAL PROSECUTION IN RUSSIA: A NEW APPROACH TO REGULATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW OF THE INSTITUTE OF SUSPICION (PART 1)

Potapenko Petr Georgievich

Chief Specialist of the Security Department ООО «Best-consulting» (Moscow), pensioner of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, justice Advisor

Abstract. The suspect institute is one of the basic institutes of criminal trial. In this article, the author suggests and argues for the need to reform the stage of criminal prosecution in the criminal proceedings of the Russian Federation.

Keywords: criminal prosecution, form of criminal prosecution, suspicion, suspect.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПО ДЕЛАМ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА, ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ, ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЕНКА В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Филиппов Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена анализу нормативных правовых актов в сфере гражданско-процессуального законодательства, связанного с принятием искового заявления по делам о расторжении брака, взыскании алиментов, определении места жительства ребенка в судах общей юрисдикции.

Ключевые слова: спор, защита, подсудность, дети, алименты, суд.

RESTRICTION OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION IN CASES OF DIVORCE, RECOVERY OF ALIMONY, DETERMINATION OF THE PLACE OF RESIDENCE OF THE CHILD IN COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Philippov Sergey Alexandrovich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the analysis of normative legal acts in the field of civil procedural legislation related to the adoption of a statement of claim in cases of divorce, recovery of alimony, determination of the child's place of residence, in courts of general jurisdiction.

Keywords: dispute, protection, jurisdiction, children, alimony, court.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМИССИЙ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Храмушин Виталий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обеспечения открытости применительно к противодействию коррупции на государственной гражданской службе. В рамках исследования изучены нормативные основы формирования комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов применительно к включению в них представителей научных и общественных организаций, а также позиции ученых по данному вопросу.

Ключевые слова: противодействие коррупции, конфликт интересов, комиссии, государственная служба, представители научных и образовательных организаций.

SOME PROBLEMS IN THE FORMATION OF CONFLICT OF INTEREST COMMISSIONS IN THE CIVIL SERVICE

Khramushin Vitaly Vladimirovich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. This article examines the issues of transparency in relation to combating corruption in the civil service. The study examined the regulatory framework for the formation of commissions on compliance and conflict of interest in relation to the inclusion of representatives of academic and public organizations, as well as the position of academics on this issue.

Keywords: anti-corruption, conflict of interest, commission, public service, representatives of scientific and educational organizations.

МЕСТО СПОРТИВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Шитов Денис Геннадьевич

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физической культуры и спорта Саратовской государственной юридической академии

Петрова Валерия Александровна

обучающаяся Института юстиции Саратовской государственной юридической академии

Пантелеев Антон Владимирович

обучающийся Института юстиции Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена определению положения спортивного права в существующей правовой системе РФ. Определен предмет спортивного права, анализируются и сравниваются методы правового регулирования административного, уголовного, трудового и спортивного права, выяснено его сущностное значение и место среди других отраслей права.

Ключевые слова: спортивное право, предмет спортивного права, нормативное регулирование, отрасли российского права, правовая система.

THE PLACE OF SPORTS LAW IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LEGISLATION

Shitov Denis Gennadievich

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Physical Culture and Sports of the Saratov State Law Academy

Petrova Valeriya Aleksandrovna

student of the Institute of Justice of the Saratov State Law Academy

Pantelev Anton Vladimirovich

student of the Institute of Justice of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the definition of the position of sports law in the existing legal system of the Russian Federation. The subject of sports law is defined, methods of legal regulation of administrative, criminal, labor and sports law are analyzed and compared, its essential significance and place among other branches of law are clarified.

Keywords: sports law, subject of sports law, regulatory regulation, branches of Russian law, legal system.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В АНГЛЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ СУБДИСКУРСЕ

Богачева Екатерина Александровна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В данной статье рассматриваются общие черты взаимодействия участников судебного заседания, которые помогают объяснить многочисленные аспекты судебного субдискурса с точки зрения структуры вербального исполнения дискурса в зале суда. Динамика взаимодействия в зале суда характеризуется ролями, принимаемыми участниками, которые одновременно предопределены

и регламентированы. Данный факт в сочетании с целенаправленным характером разговора в зале суда означает, что многие свойства этой специализированной коммуникативной среды определяются иерархиями и властными отношениями в судебном субдискурсе.

Ключевые слова: коммуникативная среда, судебный субдискурс, участники судебного разбирательства, взаимодействие участников в судебном разбирательстве.

INTERACTION OF TRIAL PARTICIPANTS IN ENGLISH-LANGUAGE JUDICIAL SUBDISCOURSE

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article discusses the common features of the interaction of each participant in the court session, which help to explain the numerous aspects of the judicial subdiscourse in terms of the structure of the verbal execution of the discourse in the courtroom. The dynamics of interaction in the courtroom is characterized by the roles assumed by the participants, which are both predetermined and regulated. This fact, combined with the highly purposive nature of courtroom conversation, means that many properties of this specialized communication environment are determined by hierarchies and power relations in the judicial subdiscourse.

Keywords: communicative environment, judicial subdiscourse, participants in a trial, interaction of participants in a trial.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА

Короткова Мария Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Богачева Екатерина Александровна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье представлена проблема исследования взаимосвязи билингвизма и когнитивного развития, которая поднимает сразу два острых вопроса, связанных с определениями. Что мы подразумеваем под двуязычием и что именно развивается в процессе когнитивного развития? Большая путаница в данной области может быть объяснена отсутствием теоретической конкретики в определении точки пересечения этих составляющих концепций. Авторы выделяют и описывают психологическое содержание ситуации двуязычия такими критериями, как степень лингвистического расхождения применяемых говорящим языков и степень владения этими языками.

Ключевые слова: билингвизм, закон психической асимметрии, интеграция, интерференция, переключение, лингвистическая апперцепция.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE BILINGUALISM PROBLEM

Korotkova Maria Dmitrievna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article presents an analysis of some psychological issues of bilingualism, among which one can highlight the definition of psychological criteria for bilingualism, as well as the establishment of the role of mental asymmetry principle in bilingualism. The authors highlight and describe the psychological content of the situation of bilingualism with such criteria as the degree of linguistic discrepancy between the languages used by speakers and the degree of proficiency in these languages.

Keywords: bilingualism, mental asymmetry principle, integration, interference, switching, linguistic apperception.

ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Артамонов Алексей Константинович

аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Криминологическая классификация является одним из механизмов, используемых для изучения криминологических объектов: преступлений, преступников, причин и условий преступности. Однако до настоящего времени в криминологии не разработано единой классификации криминологических объектов, не выработаны основания классификации, не определены отличия классификации от иных приемов, применяемых в науке, в частности от типологии тех или иных объектов исследования. Поэтому изучение вопроса классификации в науке криминологии будет во многом способствовать повышению уровня противодействия преступности.

Ключевые слова: криминология, криминологическая классификация, проблемы криминологической классификации, современная криминологическая классификация, состояние проблемы криминологической классификации.

CRIMINOLOGICAL CLASSIFICATION: CURRENT STATE OF THE PROBLEM

Artamonov Alexey Konstantinovich

postgraduate student of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Abstract. Recently, criminological classification is one of the mechanisms used to classify certain crimes. However, there is no single classification found in the science of criminology. Therefore, the study of the issue of classification in the science of criminology will greatly contribute to improving the fight against crime.

Keywords: criminology, criminological classification, problems of criminological classification, modern criminological classification, state of the problem of criminological classification.

**ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
ВЫСШЕЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЦЕННОСТЬЮ**

Смирных Александр Александрович

аспирант кафедры «Государственно-правовые дисциплины» Пензенского государственного университета

Аннотация. В статье рассматривается категория ограничения прав и свобод через призму провозглашенного в ст. 1 Конституции РФ признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. В рамках исследования изучены подходы современных ученых-конституционалистов, а также взгляды некоторых философов-просветителей на роль ограничения прав и свобод в целях их гарантирования. Проведен анализ значения ограничения прав и свобод в целях защиты иных конституционно-правовых благ, в первую очередь человека, его прав и свобод.

Ключевые слова: права и свободы, ограничение прав и свобод, защита прав и свобод, правозащитная функция государства, конституционная ценность, особый правовой режим, общественный договор.

**RESTRICTION OF RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONTEXT OF THE
RECOGNITION OF A PERSON AS THE HIGHEST CONSTITUTIONAL VALUE**

Smirnykh Alexander Alexandrovich

postgraduate student of the Department of "State and Legal Disciplines" of Penza State University

Abstract. The article examines the category of restriction of rights and freedoms through the prism of the recognition of a person, his rights and freedoms as the highest value proclaimed in Article 1 of the Constitution of the Russian Federation. The research examined the approaches of modern constitutional scientists, as well as the views of some enlightenment philosophers on the role of restricting rights and freedoms in order to guarantee them. The analysis of the significance of the restriction of rights and freedoms in order to protect other constitutional and legal benefits, first of all a person, his rights and freedoms.

Keywords: rights and freedoms, restriction of rights and freedoms, protection of rights and freedoms, human rights function of the state, constitutional value, special legal regime, social contract.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ СЛУЖЕБНО-
ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ
О ДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Терещук Сергей Сергеевич

соискатель кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена определению проблем реализации отдельных принципов служебно-дисциплинарного производства при рассмотрении дел о коррупционных правонарушениях. Предложены законодательные изменения, направленные на обеспечение эффективности и оперативности рассмотрения дел о дисциплинарных коррупционных правонарушениях, а также на повышение уровня правовых гарантий привлекаемых к ответственности государственных служащих.

Ключевые слова: дисциплинарное производство, принципы, коррупция, объективность, справедливость, обоснованность, оперативность.

ON SOME PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES
OF SERVICE AND DISCIPLINARY PROCEEDINGS IN CONSIDERATION
OF CASES ON DISCIPLINARY CORRUPTION OFFENSES

Tereshchuk Sergey Sergeevich

Applicant of the Department of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to identifying the problems of implementing certain principles of service-disciplinary proceedings when considering cases of corruption offenses. Legislative changes proposed to ensure the effectiveness and efficiency of the consideration of cases of disciplinary corruption offenses, as well as to increase the level of legal guarantees for civil servants held accountable.

Keywords: disciplinary proceedings, principles, corruption, objectivity, fairness, validity, efficiency.